Российская Академия наук
Институт языкознания

Пензенский государственный педагогический университет
имени В.Г.Белинского

Администрация г. Пензы

ЯЗЫК И МЫШЛЕНИЕ: ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ И ЛИНГВИСТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ

Материалы 5-ой Всероссийской
научной конференции
(Пенза, 11-14 мая 2005 г.)

Москва-Пенза, 2005

УДК 155.5:4
ББК 88.3:81

Язык и мышление: Психологический и лингвистический аспекты. Материалы 5-ой Всероссийской научной конференции (Пенза, 11-14 мая 2005 г.) / Отв. ред. проф. А.В.Пузырев. – М.; Пенза: Институт языкознания РАН; ПГПУ имени В.Г.Белинского; Администрация г. Пензы, 2005. – 225 с.

Печатается по решению оргкомитета Всероссийской научной конференции «Язык и мышление: Психологический и лингвистический аспекты».

Редколлегия: доктор филологических наук, профессор А.В.Пузырев (Пенза; отв. редактор), доктор филологических наук, профессор Ю.А.Сорокин (Москва), доктор педагогических наук, профессор П.А.Гагаев (Пенза).

ОТ РЕДКОЛЛЕГИИ

В настоящих материалах отражены проблематика и результаты исследований в области одной из «вечных» для науки тем, как «Язык и мышление», причем в конференции оказались задействованными специалисты-смежники – философы, психологи, лингвисты, педагоги и др.

Объединение усилий учёных-смежников под одной обложкой вызвано несколькими причинами. Самой важной из них является стремление ответить запросу времени преодолеть концептуальную разобщенность учёных различных научных специальностей, их практическое игнорирование друг друга. Думается, что материалы настоящей конференции являются своего рода попыткой синтеза различных подходов по отношению к одной и той же проблеме – проблеме взаимосвязей между мышлением человека и его языком (пусть даже попыткой весьма неполной и несовершенной).

При формировании сборника материалов конференции, при распределении поступивших докладов и сообщений по секциям редколлегия исходила из первого правила Рене Декарта "для руководства ума": "Все науки настолько связаны между собою, что легче изучать их все сразу, нежели какую-либо одну из них в отдельности от всех прочих" (Р.Декарт 1936: *49*). Именно поэтому материалы конференции группировались не по принципу рода занятий участников конференции, но по принципу восхождения от абстрактного к конкретному. Методологической базой для распределения докладов конференции по конкретным аспектам стала универсальная схема научного исследования, предложенная в середине 80-х годов 20-го столетия философом (доктором философских наук, профессором) А.А.Гагаевым.

Редколлегия считает своим долгом оговориться, что при подготовке к опубликованию доклады и сообщения подвергались минимальной правке, и ответственность за уровень преподнесения, как это и принято в научном мире, полностью ложится на плечи авторов.

Редколлегия

ПРОБЛЕМЫ ЯЗЫКА И МЫШЛЕНИЯ В ГЕНЕТИЧЕСКОМ И СОПОСТАВИТЕЛЬНОМ АСПЕКТАХ

Докт. филол. наук А.И.Бахарев (Балашов)

ЭЛЕМЕНТЫ КАТЕГОРИИ РОДА В ТЮРКСКИХ ЯЗЫКАХ

«РОД – грамматическая категория, свойственная разным частям речи и состоящая в распределении слов или форм по двум или трем классам, традиционно соотносимым с признаками пола или их отсутствием; эти классы принято называть *мужской, женский, средний* Р.» [Языкознание. Большой энциклопедический словарь / Гл. ред. В.Н.Ярцева. – М.: Большая Российская энциклопедия, 2000. – С. 417].

Категория рода, свойственная большинству индоевропейских языков, в тюркских языках отсутствует. Тем не менее в этих языках существуют способы различения имен существительных по признаку пола.

Лексический способ. В ряде случаев понятие пола заключается в самом значении слова, например: узб. *ота* (отец) – *она* (мать), *ака* (старший брат) – *опа* (старшая сестра), *ука* (младший брат) – *сингил* (младшая сестра); каз. *еркек* (мужчина) – *эйел* (женщина), *бала* (мальчик) – *кыз* (девочка).

Эти различия распространяются и на названия животных, например: узб. *от* (лошадь) – *айгир* (жеребец), *хуроз* (петух) – *товук* (курица); каз. *ат* (конь) – *бие* (кобылица), *этеш* (петух) – *тауык* (курица), *огіз* (бык) – *сиыр* (корова).

Если слова заимствованы из языков, которым присуща грамматическая категория рода, то род может выражаться средствами этих языков, ср. в узбекском: *муаллим* (учитель) – *муаллима* (учительница), *шоир* (поэт) – *шоира* (поэтесса).

Из русского языка заимствованы слова с грамматическим признаком рода: *студентка, артиста, гражданска* и др.

В узбекском языке различаются однокорневые мужские и женские имена, например: *Азиз – Азиза, Карим – Карима, Салим – Салима* и т.п.

В современном казахском языке прочно укрепилась практика различения фамилий по признаку пола. Например: Абдуллин – Абдуллина, Имашев – Имашева, Дуалетов – Дуалетова. Это явление завоевало себе право быть отнесенным к нормам литературного языка.

Синтаксический способ. К числу слов – определителей пола – в узбекском языке относятся слова *эр* (мужчина), *еркак* (мужчина), *хотин* (женщина), *аел* (женщина) и др. Например: *эр бола* (мальчик), *кыз бола* (девочка) (бола – ребенок); *ишчи эркак* (рабочий) – *ишчи хотин* (работница), *ишчи аел* (работница); *айик еркак* (медведь) – *ургочи айик* (медведица); *шер эркак* (лев) – *ургочи шер* (львица), *бури эркак* (волк) – *ургочи бури* (волчица).

Морфологический способ. При использовании данного способа родо-половые различия обозначаются с помощью аффиксов, например: *хо-*

ним (жена хана) от *хон* «хан», *бегим* (жена бека, госпожа) от *бек*; *бойбика* (жена бая) от *бой* «бай»; *эгачи* (старшая сестра) от *эга* «старший брат».

Фонетический способ предполагает обозначение пола с помощью изменения гласных основ, например: *бува* (дед) – *буви* (бабушка).

Приведенные примеры показывают, что воздействие других языков может оказать влияние даже на грамматические категории, в частности на категорию рода, элементы которой, без сомнения, имеются в тюркских языках. Вместе с тем родовые различия существительных в тюркских языках обусловлены прежде всего половыми различиями живых существ (в первую очередь людей и животных, играющих важную роль в домашнем хозяйстве). Изучение элементов грамматического рода в тюркских языках может в определенной степени пролить свет на происхождение этой категории в индоевропейских языках.

Докт. филос. н. А.А.Гагаев (Рузаевка), докт. пед. н. П.А.Гагаев (Пенза)

ОБ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ЗА ПРОИСШЕДШЕЕ ДО НАШЕГО РОЖДЕНИЯ

Одна из случайных встреч – если что-то в нашей жизни может быть определено как случайное – натолкнула нас на мысль об ответственности человека за происшедшее в его стране за многие и многие годы до его рождения. В сознании вспыхнула мысль: не отвечаем ли мы – представители русской интеллигенции конца XX – начала XXI столетия – за события 1905 года (в этом году отмечается столетие событий 9 января 1905 года). Сам тезис не показался абсурдным. Когда-то гений Достоевского уже выразил нечто подобное в лаконичной редакции: "Все виноваты за всех". Его мысль для всякого думающего и чувствующего человека понятна и приемлема.

Никто из людей не живет вне других человеков, как бы он того ни желал. И потому его поступки, его мысли, его желания суть стороны бытия всех других людей. И они – другие люди – невольно отвечают и за этого человека, равно как и он несет крест ответственности за свершенное другими человеками. В этом и драма, и благо для рожденных на земле людей. Когда-то это пережил Федор Достоевский и явил в своих текстах... Это несомненно. Но обычно этот тезис – и в обыденном сознании, и в науке – применяется в одной временной перспективе. Все отвечают – несут вину – за всех *в определенном временном континууме*. В том континууме, *в каком обрела свое бытие та или иная конкретная человеческая душа*. Иными словами, бесспорно, к примеру, то, что в определенном отношении поколения русских людей конца XIX начала XX веков, разделявшие и не разделявшие идеи Маркса и Ленина, были *виновны* (ответственны) в контексте сформулированного Достоевским в осуществленном в период 20-30 годов. Но можно ли утверждать, что родившиеся и после смерти пролетарских вождей были *виновны* в событиях, происшедших при их – вождей – непосредственном участии? Подобной постановкой вопроса формулируем за-

интересовавшую нас логико-психологическую, или психолого-логическую, проблему в познании отечественной истории.

Виновен ли человек в происшедшем до его рождения? Апеллируя к историческому материалу, постараемся поразмышлять над этой значимой в истории всякой страны, нашей России в особенности, проблемой.

Свои размышления начнем с определения понятий *вины* и *ответственности* в контексте наших размышлений.

Вина есть выражение прямой или косвенной причастности человека к тем или иным событиям, повлекшим за собой отрицательные последствия для людей или окружающего мира. Вина, однажды появившись, неизменно присутствует в психике человека на протяжении всей его жизни. Человек, в силу своей онтологии (боговдохновенной или иной; в данном случае это вопрос выбора гносеологии; сам же тезис несомненен), не может *забыть* свою вину. Она живет в нем. Она может длительное время прятаться (запрятываться человеком) в его психике, но рано или поздно она *заявляет о себе* и человек не может с этим не считаться. Вина есть некое разрушающее психику человека. Человек виновный слабеет, оскудевает своими стремлениями созидать, любить, верить и деградирует.

Вина как феномен психики исчезает лишь при искуплении её человеком, прощении его со стороны тех, перед кем он в том или ином отношении преступил общепринятые нормы поведения, либо со стороны тех, кто может говорить от имени людей, перед которыми он был виновен.

Ответственность есть выражение внутренней связи между виною человека и его дальнейшей жизнью. Ответственность есть искупление человеком собственных или – принцип Достоевского "Все отвечают за всех" – преступных действий, ошибочных решений других людей, в том числе живших до его рождения. В порядке иллюстрации последней части этого положения укажем на события в Европе в послевоенные годы. Поколения немцев, родившиеся после Второй мировой войны, в буквальном смысле отвечали (выполняли букву решений стран-победительниц) за содеянное Гитлером и его окружением.

В нашей работе речь идет не об ответственности человека за происшедшее до его рождения, хотя и об этом приходится говорить, а о его *(возможной) вине в событиях прошлого*. Человек современный может быть *причастен* к событиям прошлого как светлым, так и негативным. И об этом ему надлежит знать и думать, ибо от этого зависит не только его вклад в жизнь родной страны, но и его личное счастье. Как это может произойти? Этому и посвящены следующие наши рассуждения, которые – в силу ограниченности рамок публикации – мы предполагаем изложить в докладе.

Аспирант И.А.Калюжная (Волгоград)

ПОНЯТИЙНАЯ СОСТАВЛЯЮЩАЯ ЛИНГВОКУЛЬТУРНОГО КОНЦЕПТА «РЕБЕНОК» В РУССКОМ ЯЗЫКЕ

В последнее десятилетие отмечается возрастающий интерес к междисциплинарным наукам, сфера интересов которых находится на стыке двух или более научных дисциплин: психолингвистике, лингвострановедению, лингвокультурологии. Данное исследование проводится в рамках лингвокультурологии. Лингвокультурология – наука о взаимосвязи культуры и языка, базируется на трихотомии “язык – сознание – культура”. Единицей лингвокультурологического моделирования является культурный концепт (Ю.С.Степанов, С.Г.Воркачев, В.И.Карасик, Н.А.Красавский, Г.Г.Слышкин). В отличие от когнитивного подхода к вопросам толкования концептов (Н.Н.Болдырев, З.Д.Попова, И.А.Стернин), лингвокультурологический подход признает доминантной ценностную составляющую концепта. Лингвокультурный концепт, таким образом, рассматривается как двусторонний ассоциативный феномен, включающий в себя интразону (совокупность входящих в концепт ассоциаций) и экстразону (совокупность исходящих ассоциаций) (Г.Г.Слышкин). Показателем актуальности того или иного концепта для носителя данной культуры является его номинативная плотность и номинативная диффузность (В.И.Карасик).

Концепт «ребенок» является общечеловеческим концептом, культурной доминантой для большинства типов культур. Данный концепт, обладая сложной многоярусной структурой, имеет многоуровневую представленность в русском языке. Особенно информативен, в этом смысле, лексический уровень номинации. Анализ толкования лексемы «ребёнок» позволяет выявить основу ее семантики, состоящую из категориально-лексической семы “лицо” + семы, конкретизирующей возраст ”не взрослый; не достигший взрослого возраста”. Сема возраста актуализируется лишь при противопоставлении ребенок / взрослый. Понятийная составляющая данного концепта раскрывается через анализ словарных дефиниций: *ребенок – мальчик или девочка в раннем возрасте, до отрочества* (ТСРЯ, 1995). К данному концепту аппелирует синонимический ряд*: ребенок, дитя, детище (шутл. – ирон.), чадо, дитятко, ребятенок* (ССРЯ, 1975). При широком толковании синонимии к данному ряду относят слова: *крошка, малютка, младенец, малолеток, малыш, малышка, птенец, порождение, отпрыск, вылупок, плод*. В словаре синонимов и сходных выражений Н.Абрамова (w.w.w.slovari.ru) приводятся также наименования детей, имеющие в составе сему, указывающую на половую принадлежность*: мальчик, малец, мальчуган, девочка, девчушка*; обозначения с отрицательной коннотацией: *отродье, исчадие*; видовые номинации: *сын, дочь* и т. п. Для вербализации данного концепта носитель русской лингвокультуры использует разговорно-шутливые номинации: *клоп, карапуз, лялька* (ССРЯ, 2003). Высокая степень концептуализации свидетельствует о релевантности концепта «ребёнок» в пространстве русской лингвокультуры.

Канд. филол. наук Т.Е.Качанчук (Волгоград)

КОНЦЕПТ «ВОЙНА» В КОНТЕКСТЕ РУССКИХ ПОСЛОВИЦ И ПОГОВОРОК

В научной литературе последних лет (В.И.Карасик, А.П.Бабушкин, З.Д.Попова, И.А.Стернин, Е.С.Яковлева и др.) активно разрабатывается теория концептов как одно из направлений когнитивной лингвистики. Под концептом понимается мыслительная единица, представляющая собой структурированное знание о действительности. Концепты – это идеальные сущности, которые формируются в сознании человека [З.Д.Попова, И.А.Стернин 1999]. Содержание концепта может передаваться различными языковыми средствами и формами, среди которых пословицы и поговорки.

В четырехтомном толковом «Словаре русского языка» слово «война» определяется: «1.Организованная вооруженная борьба между государствами или общественными классами…2.перен. Состояние вражды; борьба с кем-,чем-л» …[Словарь русского языка… 1981 Т. 1: 203], а синонимический словарь в одном ряду со словом «война» приводит такие, как «военные действия, брань, ратный труд, борьба» [З.Е.Александрова 1986: 74]. Следовательно, в единой мыслительной картине с названием «война» можно выделить такие уровни, как вооруженная борьба и состояние вражды, – это структура концепта, существующая в сознании носителей русского языка.

В контексте русских пословиц и поговорок концепт «война» имеет более широкую и разветвленную структурную организацию. Его содержание в речи передается словами с конкретной семантикой: противники, воинство, провокация, бой, сражение, кровопролитие, драка, ссора и др., каждое из которых объединяет собственную группу образов и наименований. С лингвистической стороны это, как правило, глагольные односоставные предложения повествовательного или побудительного характера, большинство из которых имеют синонимические варианты или построены на основе сравнения.

В паремиях доминирует концептуальный признак «войны как вооруженной борьбы между противостоящими силами», здесь война характеризуется с разных сторон. Война как враждующие силы (противники). Данный признак неоднороден, т.к. в пословицах, с одной стороны, прославляется храбрость, отвага, смелость воинов: *Двух смертей не видать, а одной не миновать. Влез по пояс, полезай и по горло. Бояться смерти – на свете не жить. Смелость города берёт. Отвага – половина спасенья. Наши в поле не робеют.*; а с другой – осуждается трусость: *Он и не нюхал пороху. На трусливого много собак. На войне бывал: рыбу громил. Молодец на овец, а на молодца и сам овца.* Дается здесь и характеристика противостоящим в битве силам: *В поле – две воли: чья сильнее. Не ставь недруга овцою, а ставь его волком.* Война как результат провоцирующих действий сторон (провокация): *Что посеешь, то и пожнешь. Не дразни собаки, и*

лаять не станет. (Не дразни собаки, и хозяин не ощерится). Отольются кошке мышкины слёзки. Война как непосредственное сражение, бой, кровопролитные действия: *Война кровь любит. Ни моря без воды, ни войны без крови. Война питается деньгами, а увеселяется кровью.* Но сражение – это и удаль русских бойцов, желание победить, сокрушить врага: *Разбить неприятеля наголову. Одним махом сто душ побивахом. Наши дерутся, так волоса в руках остаются.*

Концептуальный признак «войны как состояния вражды» в пословицах в основном характеризует межличностные отношения. Здесь также имеются противоборствующие силы, но это, как правило, супруги, родственники, мужики и бабы или противники одного пола. Война как состояние вражды между супругами: *Живут как собака с кошкой. Один рычит да лает, другая мурлычет да фыркает. Метут в два веника. Сидят вместе, а глядят врозь.* Война как негативные эмоции между женщинами: *Бабы бранятся, так платки с голов валятся.* Война как фактор враждебности, принимающий форму физического противостояния: *Мужики дерутся в расходку, а бабы в кучку. За косы руками, а в бока и рёбра кулаками*. В таких действиях ярко проявляется сущность русского менталитета – воля к победе, упорство и несгибаемость: *Хоть разорваться, да не поддаться. Сам без рубахи пойду, а с тебя порты стяну.*

И, наконец, в паремиях находит отражение философский уровень концепта «война». Война воспринимается как нечто катастрофическое, бесчеловечное, следовательно, люди должны жить в соответствии с нормами морали, чтобы избежать её: *Хотя тесно, да лучше вместе. Худой мир лучше доброй драки.* Такие сентенции в пословицах представлены в виде побудительных предложений: *Подыми руку да опусти, а сердце скрепи. Замахнись да не ударь.*

Таким образом, концепт «война» в русских пословицах и поговорках имеет более глубокое и развёрнутое значение, чем в общенародном языке. Здесь отражается не только само явление, но и вырисовываются черты русского национального характера.

Канд. филол. наук С.В.Кезина (Пенза)

ИДЕНТИЧНОСТЬ СТРУКТУРЫ СЕМАНТИЧЕСКИХ ПОЛЕЙ КАК ПРОЯВЛЕНИЕ СЕМАНТИЧЕСКОЙ АНАЛОГИИ

Эволюция семантической структуры слова – центральная проблема современной семасиологии. Изучение эволюции семантики значительно осложнено неполнотой фактического материала. «Картина этимологической истории слова часто неполна, так как этимолог рассматривает ее «сверху» (из современности), в связи с чем в ряде случаев даже самая совершенная этимологизация того или иного слова оставляет без ответа целый ряд вопросов» [Маковский 2000:9]. Что же делать в условиях невозможности точно «воссоздать» языковый контекст? «Проблема, которую можно и нужно решать посредством изучения контекстов там, где таковые

существуют, т.е. на уровне древнеписьменных памятников, на более хронологически глубоких уровнях, т.е. там, где необходимо реконструировать и сам контекст**,** *требует для своего решения какого-то иного подхода»* [Монич 1998:99]. Этот подход мы видим в качественно новом использовании целостного метода при исследовании развития семантики слова. До сих пор в языкознании целостный подход к изучению истории значений предполагает изучение значения слова в системе. В качестве такой системы традиционно использовалось семантическое поле. Под парадигматическим семантическим полем мы, вслед за Л.М.Васильевым, понимаем «классы лексических единиц, тождественных по тем или иным смысловым признакам (семам или семантическим множителям)» [Васильев 1990:110]. Условием для объединения класса слов в семантические поля является наличие идентифицирующей (ядерной) семы. Поля делятся на *диахронические и синхронические, полные и неполные. Полное поле диахронического типа* есть не что иное, как этимолого-словообразовательное гнездо (далее в тексте – ЭСГ) в его развитии от этимона до современного состояния во всех языках одной языковой семьи. Полное поле синхронического типа есть синхронический срез протяженностью во всех языках одной языковой семьи. *Неполное поле* – это фрагмент полного поля диахронического или синхронического типа. Мы выбираем для исследования неполное семантическое поле диахронического типа. Выбор диахронического поля детерминирован задачей исследования – проследить генезис семантической структуры слова. Дополняя традиционное представление об интегральном методе исследования, мы предполагаем учет связей значения конкретного слова *со всеми* другими значениями семантического поля, а не только с однородными. В этом мы и видим качественно новое применение целостного метода исследования. В качестве фактического материала используются цветообозначения русского языка.

Исследуемые цветообозначения восходят к следующим индоевропейским (далее в тексте – и.-е.) корням: *bel: bol (белый, белесый); *ker: kor (красный, карий, коричневый, черный, устаревшие чермный, черемный, червчатый, червонный, червленый, черленый); *gel: gol (голубой, зеленый, желтый, золотой); *beg: bog (багряный, багровый, багрянец, багрец, устаревшие багр (багор), багрян); *rau: ru (рыжий, русый, румяный, рубиновый, устаревшие рудый, редрый). Для перечисленных цветообозначений мы составляем этимолого-словообразовательные гнезда-семантические поля. Составленные семантические поля – ценнейшие источники языковых и ментальных преобразований. Словарный состав каждого из них – «открытая система, … изменяющаяся и в то же время сохраняющая в себе напластования разных эпох, начиная с древнейших, т. е. очень устойчивая (о последнем нередко забывают)» [Филин 1984: 46].

Составленные этимолого-словообразовательные гнезда – семантические поля – обнаруживают идентичный состав: внутри их четко выделяются идеограммы «место, жилище», «вода», «пища» (животные, плоды, растения), «огонь (очаг)», «явления природы», «племя», «звуки», «орудия

труда». Приведем примеры семантических контекстов, в которых генерированы перечисленные цветообозначения.

1. ЭСГ цветообозначений *белый и белесый*:

«место, жилище» – русск. *Бал*каны «горная цепь, поросшая лесами», болг. *пол*яна «равнина»; укр. *болó*ня, чеш. *bla*na «луг, общинный выгон», польск. *błoń* «пастбище, выгон»; русск. диал. *болó*то «лес», болг. *бла*нá «ровное место, лужайка», лтш. *bal*a «глинистая, безлесная долина», русск. *бал*ка «овраг, высохшее русло реки»;

«водный источник» – польск. диал. *bał*ka «маленькое озеро», лит. *bal*à «болото», русск. диал. *биль* «болото», болото «озеро», лит. *bál*tas «озеро»;

«пища» – русск. диал. *баль*ка «овца», русск. *бел*ка, др.-инд. *bhall*as «медведь», русск. диал. *бал*га «растение», др.-англ. *bl$\bar{e}$*d «плод», англ. *bull* «бык», болг. *бял*ка «куница», русск. диал. *бал*абáн «сокол», *бáл*ова «коршун», *бел*ýга «чайка», *бель* «собир. Всякая мелкая рыба»;

«огонь (очаг)» – др.-исл. *bál* «огонь», англос. *bael* «костер», др.-англ. *bel* «огонь», лат. *ful*gor, *fla*gr$\bar{o}$ «горю, пылаю, накаляюсь», ст.-сл. *БЛА*ЗNЪ «огонек», нем. диал. *Böl*i «огонь, костер»;

«явления природы» – русск. *болос*и́на «облако», русск. диал. *болó*ки «облака», *боло*чно «пасмурно», лтш. *bl$\bar{a}$*zt «мерцать», *bl$\bar{a}$*zma «мерцание, блеск, отражение», русск. диал. *бел*ó «рассвет, раннее утро», арм. *bal* «туман», лат. *ful*gus «молния», русск. диал. *бла*гой ветер «восточный ветер»;

«племя» – русск. *бел*орусы, *бал*ты, др.-инд. *b$\bar{a}$ l*ás «дитя, мальчик», русск. *бол*гары;

«звуки» – русск. *бал*и́ть «болтать», нем. *balbel*n (перед нами – редуплицированный корень) «лепетать», лит. *bal*batùoti «болтать, лепетать, бормотать», русск. *бал*абáн «болтун», лат. *bal*bus «заика», русск. диал. *бал*я́кать «болтать», лит. *ba$\tilde{l}$*sas «голос», *bil*ti «говорить», лтш. *ball*s «голос», др.-исл. *byl*ja «греметь», *bel*ja «реветь», русск. диал. *бал*ы́ «разговоры»;

«орудия труда» – русск. *бул*ыга «камень, булыжник, суковатая палка», польск. *bał*wan «большой камень», русск. *бал*амут «большой невод», русск. диал. *бал*та «топор», русск. диал. *бел*ь «нить для вязки сетей», русск. диал. *бол*ь «палка, которой пугают рыбу, ударяя по воде».

2. ЭСГ цветообозначений *красный, карий, коричневый, черный, чермный, черемный, червчатый, червонный, червленый, черленый*:

«место, жилище» – русск. диал. *керь* «деревушка, селенье, выселок», *кор*ень «заселенная земля», *корь* «насиженное место», *кора*бь (корабль) «высокая гора», алб. *Kar*me «скала», русск. диал. *кор*а «лес, луг», лтш. *kā r*ms «постройка», др.-инд. *har*myám «крепость», болг. *гор*а «лес», чеш. *hor*a «гора» и «лес», др.-исл. *hol*mr «островок»;

«водный источник» – русск. диал. *кар*а «залив в реке или озере», *кур*ьи «залив, озеро, ключ», др.-исл. *kel*da «источник», русск. диал. *ка́р*ас, *ка́р*ась «запруда»; *кур*е́нь «ключ, родник»; чеш. *zř*idlo «источник, ключ, родник»; готск. *gar*unjô «наводнение», русск. диал. *кор*а «яма, наполненная водой»;

«пища» – русск. диал. *кор*сак(а), *кор*сик «порода лисиц», *кор*сук «лисица, барсук, кабан», русск. *коро*ва, лат. *cer*vus «олень», русск. *коро*лек «птица», ирл. *ceir*t «яблоня», прусск. *kar*ige «рябина», лат. *cor*nus «кизиловое дерево», англ. *cher*my «вишня», нем. *Kir*sche «вишня», русск. *чере*шня, перс. *kar*k «домашняя птица», «курица», нем. *Kor*n «зерно»;

«огонь (очаг)» – чеш. *kr*b «очаг», русск. *чере*н «очаг», укр. *чере*нь «очаг», готск. *haur*i «уголь», др.-исл. *hyrr* «огонь», др.-в.-нем. *Нёр*d «очаг», нем. *Her*d «очаг», русск. диал. *гарь* «лесной пожар», лит. *kró*snis «печь», лтш. *krā*sns «печь», ц.-слав. *кра*да «костер», др.-сканд. *harr* «зола», польск. *tr*zon (< **čer*nъ) «очаг», русск. диал. *кре*сало «огниво», *кар*сало «огниво», алб. *zjarr* «огонь», др.-инд. *há*ras «жар (огня)»;

«явления природы» – болг. *зар*я «луч, свет, утренняя заря», укр. диал. *кра*са «радуга», русск. диал. *гар* «гром», *кор* «лед», *жа*рево «зарево», *зор* «мелкий дождь», *зар*я «северное сияние», «роса», *зо́р*я и *зор*я́ «звезда», *зар*янка «заря», «первая утренняя или вечерняя звезда», «зарница», *зор*ни́ца «молния без грома»; болг. диал. *чер*венка-*зел*енка «радуга», чеш. *zář*e «сияние, блеск, свет», др.-инд. *ghar*mas «зной», макед. диал. *цр*ниот (ветар) «знойный» (ветер), болг. диал. *цр*нко (вятър) «южный» (ветер);

«племя» – русск. *кор*сь «балтийское племя», *кор*саки «название племен», *хор*утане «словенское племя», др.-в.-нем. *her*i «народ», др.-перс. *kār*a «народ, войско», русск. диал. *кор*енье «порода, племя», *кор*сак и «племена,

живущие по берегам Каспийского моря, занимающиеся морским разбоем», *коро*во́д «скопление народа на праздничном гулянье», «о группе людей», *коро́*вич «украинец», *кра*вичи «украинцы»;

«звуки» – др.-исл. *kall*a «звать, петь», лит. *gar̃*sas «звук», др.-инд. *ghargha*ras «гремящий, булькающий шум», русск. *кар*кать, лит. *kar̃* kti «пищать, кричать, кудахтать», лит. *krõ*kti «хрипеть, хрюкать», лтш. *krà*kt, *krà*cu «кряхтеть, храпеть», лит. *kra*kéti «смеяться», лтш. *kre*cinât «покашливать», *krè*kt «крякать, смеяться», лат. crōciō «каркать» (о воронах);

«орудия труда» – алб. *gur* «камень», др.-в.-нем. *ger*ta «прут», норв. диал. *hor*k «ивовый прут», др.-ирл. *carr*ac «скала, камень», русск. диал. *ка́р*ло «палка, к которой привязывают рыболовную снасть», др.-исл. *kver*n *«мельничный жернов»* (ср.: др.-инд. *gar*imā́ «тяжесть», готск. *kaúr*jōs «тяжелый»).

3. ЭСГ цветообозначений голубой, зеленый, желтый, золотой**:**

«место, жилище» – лид. *gel* «земля», укр. *гал*о и *гал* «прогалина, просека», др.-исл. *hol*mr «островок», русск. диал. *зель*ма «земля», лат. *col*o «возделываю, населяю», лтш. pa*gal*ms «двор, усадьба, хутор», готск. *gar*ds «дом», ср.-нж.-нем. *hol*m «остров», англ. *hill* «холм, гора», др.-англ. *hyll* «холм», лит. *kál*nas, укр. *гáл*о ср.р. «круглая поляна в лесу»;

«водный источник» – укр. *гал*о «лесное озеро», готск. *gar*unjô «наводнение», др.-исл. *kel*da «источник», дат. *kil*de «источник», лит. *sal*tinis «родник»;

«пища» (животные растения, ягоды) – русск. диал. *зель*ка «овца, ягненок», *зель*, *зель*е «трава, употребляемая в пищу», лат. *hel*us, *hol*us «зелень, овощи, капуста», русск. *гиль*, *гель* «снегирь», лат. *gall*us «петух», русск. диал. *золо*тарник «вид дятла», *зиль*ка «синичка», *зель* «свежие овощи, зелень», чеш. *žel*va «черепаха», макед. диал. *гал*ун «ворон», сербохорв. диал. *гол*ица «сорт пшеницы», русск. диал. *голо*мянка «небольшая рыбка, водящаяся только в Байкале», *галь* «рыба голец» и др.;

«огонь (очаг)» – русск. *голо*вня «головка пылающего полена», *гал*ка «горящая головня», лтш. *gal*ēt «пылать», ср.-в.-нем. диал. *gal*m «пар, дым, чад», русск. диал. *зеле*нь «чад, угар, дым», лат. *cal*esco «нагреваться», сербохорв. *г*а̏ *р*ати «разжигать огонь», чеш. *har*ati «пылать, силь-

но гореть», сербохорв. *гàр*иште, *г*а̏ *р*иште «пожарище, кострище» и др.;

«явления природы» – русск. диал. *гал*ага «туман, иней», лит. snai*gal*a «комок снега», др.-исл. *hêl*a ж. «иней», словен. *gol*ǩ «раскаты грома», русск. диал. *зо́ло*к «раннее утро, рассвет, заря», лат. *gel*u «холод», лтш. *gar*me «тепло», русск. диал. *гол*уха «дождь с градом», *гол*ец, *гол*ечье «гололедица», лтш. *sa*o̰*l* na «иней», др.-русск. *кола́* (мн) «созвездие Ориона»;

«племя» – русск. диал. *гил*ем «толпой, стаей», болг. *гло́*та «стадо, толпа», русск. *гол*ядь «балтийские племена близ Можайска и в Восточной Пруссии», лит. *gal*vóžis «карлик», др.-инд. *kúl*am «род, семья; толпа, множество», лит. *kil*tis «племя», ст.-сл. *čel*jadь «семья», русск. диал. *гал*я́ма «множество, куча», *гол*ямо, нареч. «очень много», польск. ogoł *«совокупность»* и др.;

«звуки» – польск. *gał*da «шум, гвалт», русск.-цслав. *гълкъ* «шум», укр. *гар*кати «браниться», словен. *gŕč*ati «ворковать, ворчать, рычать», чеш. *hr*četi «греметь, журчать, мурлыкать», лтш. *gā́r*gt «храпеть, хрипеть, браниться», англ. *gall* «звать», русск. диал. *гол*к «отзвук, эхо», др.-в.-нем. galm «крик, шум, брань»;

«орудия труда» – слвц. haluz «сук, ветка дерева или кустарника», укр. го́луг «сук, ветвь», словин. g̓a̰ul «толстая дубинка» чеш. диал. hol'a «палка», русск. га́ля «галька», русск. диал. га́ля «галька более крупных размеров», чеш. hůl «палка, ветка» и т.д.

4. ЭСГ цветообозначений *рыжий, рудый, русый, румяный, редрый, рубиновый:*

«место, жилище» – лит. *rau*sis «пещера», лтш. *ru*sums «крутой берег», лат. *rū* s, *rū* ris «земля, поле, поместье, деревня», др.-в.-нем. *Rau*m «пространство», словен. *rú*pa «пещера, яма», болг. *р*ъm «пригорок»;

«водный источник» – русск. диал. *ру*ст «сильное течение», лит. *ru*s̓e̋ ti «течь», русск. диал. *ру*тка «колодец», русск. *ру*чей «небольшой водный поток», болг. *ру́*кна «вытекаю, бью струей», чеш. *ru*čej «поток»;

«пища» – лит. *rau*da «плотва», ст.-в.-нем. *ro*cco, ст.-сев.-нем. *ro*gr, др.-исл. *ru*gr, прусск. *ru*gis, русск. *ро*жь «злак, рожь»;

«огонь (очаг) – лит. *ru*séti «тлеть», слвц. *ru*sý «пестрый, пятнистый» (о костре), лит. *ru*s̃lės «жаровня»;

«явления природы» – русск. диал. *ру*жáйдать «дробиться» (о льде), лит. *ru*senis «рыхлый снег», русск. диал. *р*жа «длительный, затяжной дождь», польск. и чеш. диал. *ru*da «теплый дождь в солнечную погоду»;

«племя» – русск. диал. *ру*нó «толпа, косяк, множество (рыб, овец)», англ. *rou*t «толпа», рум. *ru*s «русский», русск. *ру*син «стар. название украинцев в Галиции», польск. *ru*ski «украинский»;

«звуки» – лит. *rau*dà «плач», лат. *ru*dō̄ «реветь, кричать» (об осле), др.-в.-нем. *rû*nên «шептать», русск. *рю*мить «плакать», лат. *rū*mor «гул, говор, ропот, бормотание, молва», нов.-в.-нем. *rau*schen «шелестеть», др.-исл. *rau*ta «реветь», русск. *ры*дать ;

«орудия труда» – русск. диал. *рю*жа, *рю*за, *рю*зя «мережа», *рю*си «рыболовная снасть», *ру*си «обруч с сетью».

5. ЭСГ цветообозначений *багр, багрян, багряный, багрянец, багровый:*

«место, жилище» – шв. *back*e «возвышенность, гора», русск. диал. *баг*ýн «топь, низина», *бак*ча, *бах*ча, *бак*ша «огород в поле, степи», перс. *bag*če «садик»;

«водный источник» – русск. диал. *бак*ай «речной проток», *бак*алда «озеро», *баг*но «болото», др.-нем. *Bach* «ручей», др.-исл. *bekk*r «ручей», русск. диал. *бак*луши «маленькие озера в пойме реки», *бог*óт «омут, глубокое место в воде», чеш. *bah*no, в.-луж. *bah*no, полаб. *бóг*нö «болото»;

«пища» – русск. диал. *бог*атье «свежий хлеб (из зерна нового урожая)», *баш*а «овца, ягненок», *бох*анец «коврига хлеба», польск. *boch*en «коврига», русск. *бек*ас «птица», алб. *bag*ëti «скот, тягловые животные», ит. *foc*accia «пшеничная лепешка», болг. *пог*ача «лепешка», алб. *pog*açe «лепешка, пшеничный хлебец», русск. диал. *пог*ач «род пресного пирога», сербохорв. *бáг*ра «вид морской рыбы»;

«огонь (очаг)» – русск. диал. *баг*áть, *баг*áтье (богáтье), *баг*áч «огонь, тлеющий под пеплом», *баг*áтте «огонь, жар, угли в печи», др.-в.-нем. *bahh*an «печь», русск. диал. *бог*áтка «свеча», укр. *баг*áття «огонь, горящие угли, костер», блр. *баг*áцце «огонь»;

«племя» – группа почти не проявлена, предполагаем в качестве слов, относящихся к ней, следующие: лит. *bãž*mas «масса», др.-инд. *bā́hātē* «теснит, давит»;

«звуки» – русск. *бак*ать «болтать», *бак*улить «говорить, болтать», русск. диал. *баз*ланить «горланить, кричать», русск. диал. *баз*áн «крикун», др.-в.-нем. *bâg*а «ссора, спор, распря»;

«орудия труда» – лат. *bac*ulum «палка, посох», русск. *баг*ан «длинный тонкий шест , рассоха, деревянный крюк у сохи», русск. диал. *баг*рó, *баг*р́ы (мн.) «багор, шест с крючками», *баг*рóв́ище «шест, жердь, лесина, на которую крюк насажен», *баг*рéвище «палка, к которой привязываются леса для ловли рыбы; удилище», русск. *баг*ай «род железного лома с небольшим изгибом», *баг*ана «палка, крюк», слвц. диал. *bah*го «часть колеса», *bah*or, *beh*or «верхний, подвижный мельничный жернов»;

«явления природы» – русск. диал. *баг*лить «сильно идти» (о дожде), «сильно, жарко топить» (печь), блр. диал. *баг*аны «дождь в безветренную погоду», *баг*рэно «пасмурная погода».

Мы видим, что представленные ЭСГ, в которых рождались цветообозначения, имеют одинаковый тематический состав. Обобщение понятий, выражаемых лексемами этимолого-словообразовательных гнезд («место», «вода», «пища», «огонь», «явления природы», «племя», «звуки», «орудия труда»), приводит к новому понятию – «окружающий мир, значимое». Эта закономерность, на наш взгляд, объясняется особенностями мышления человека, а именно комплексным характером мышления. Экспериментальное исследование развития понятий, проведенное психологами Л. С. Сахаровым и Л. С. Выготским [Выготский 1982] показало, что понятие «вызревает» не вдруг, а в течение длительного времени, в соответствии с изменением мышления, в соответствии с познанием окружающего мира. Мышление человека в ходе эксперимента было определено как *комплексное*, причем качественно меняющееся в процессе становления. Самое раннее мышление было названо учеными *«мышлением в кучах»*. Древний человек не сразу выделил отдельный предмет, сначала он был способен выделить только совокупность предметов. «Эта выделяемая … куча предметов, объединяемая без достаточно внутреннего основания, достаточного внутреннего родства и отношения между образующими ее частями, предполагает диффузное, ненаправленное распространение значения слова или заменяющего его знака на ряд *внешне связанных во впечатлении*, но внутренне не объединенных между собой элементов. Значением слова на этой стадии развития является не определенное до конца, неоформленное синкретическое сцепление отдельных предметов, так или иначе связавшихся друг с другом в представлении и восприятии … в один слитный образ» [Выготский 1982: 136].

Слова разных тематических групп представленных ЭСГ восходят к семантическому архетипу (этимону) с обобщенным (синкретичным) значением. Семантический архетип называет целую совокупность предметов, *связанных во впечатлении человека*, но про них, однако, нельзя сказать, что они *внутренне не объединены между собой*. Все предметы, называемые первым словом любого ЭСГ, в действительности объединены общим понятием «окружающий мир, ценное».

Тот факт, что все слова разных ЭСГ восходят к слову с одинаковой семантикой, не может быть случайным. Семантические поля развивались закономерно. Набор сем в семантической структуре этимона можно рассматривать как семантический геном, состоящий из сем-генов: «место», «вода», «пища», «явления природы», «огонь», «звуки», «племя». Все семы обозначают базисные понятия, которые известны и современному человеку, т. е. мы наблюдаем своего рода проекцию – передачу информации, которая в потоке времени качественно преобразуется, так как преобразуется мир, в котором живет человек, и мышление.

Итак, семантические поля, составленные к цветообозначениям русского языка, имеют одинаковый идеографический «рисунок». Идеографический «рисунок» семантических макрогнезд повторяется, что свидетельствует об одинаковом восприятии и отражении жизненно важных реалий окружающего мира.

Идеограммы, составляющие макрогнезда, отражают фрагменты окружающего мира. На уровне семантической структуры идеограммы также обнаруживают очевидное сходство. Например, смыслы «туман», «иней», «гром» и др., одинаково организуют идеограмму «явления природы», повторяющуюся в макрогнездах. Сравним примеры из разных ЭСГ:

туман – русск. диал. *галага* «туман, иней» и арм. *bal* «туман»;

гром – словен. *gołk* «раскаты грома» и русск. диал. *гар* «гром»;

заря – русск. диал. *зóлок* «раннее утро, рассвет, заря» и болг. *заря* «луч, свет, утренняя заря»;

дождь – русск. диал. *голýха* «дождь с градом», *ржа* «длительный, затяжной дождь», блр. диал. *баганы* «дождь в безветренную погоду»;

утро, рассвет – русск. диал. *зóлок* «раннее утро, рассвет, заря» и *белó* «рассвет, раннее утро».

Примеры можно продолжать. Человеческая мысль, называя явления природы, последовательно отражала их во всех семантических полях.

Отдельные слова, входящие в идеограммы, также репрезентируют одинаковую структуру: др.-инд. *kúlam* «род, семья; толпа, множество» и болг. *глóта* «стадо, толпа», русск. диал. *бáша* «овца, ягненок», *зéлька* «овца», «ягненок» и *бáлька* «овца, ягненок». Фактический материал констатирует идентичность структуры 5 семантических полей диахронического типа на всех уровнях: на уровне идеографического «рисунка» поля, на уровне идеограмм и на уровне отдельного слова, что свидетельствует о действии семантической аналогии. Представленный материал указывает на то, что любая трансформация человеческой мысли (дифференциация,

обобщение и т.д.), однажды осуществленная, последовательно и одинаково отражалась в разных семантических полях, что и определило закономерный характер семантических процессов внутри поля.

Цитируемая литература

Васильев Л.М. Современная лингвистическая семантика. – М.: Высш. шк., 1990. – 175 с.

Выготский Л.С. Экспериментальное исследование развития понятий // Собр. соч.: В 6-ти т. Т. 2. Проблемы общей психологии. – М.: Педагогика, 1982. – С.118–184.

Маковский М.М. Историко-этимологический словарь английского языка: Слово в зеркале человеческой культуры. – М.: Изд. дом «Диалог», 2000. – 416 с.

Монич Ю.В. Проблемы этимологии и семантика ритуализованных действий //Вопросы языкознания. – 1998. – № 1. – С.97–102.

Филин Ф.П. Историческая лексикология русского языка. – М.: Наука, 1984. – 174 с.

О.В. Комбарова (Волжский)

КОММУНИКАТИВНЫЕ ТИПАЖИ «HAUSFRAU/ДОМОХОЗЯЙКА» В ПАРЕМИОЛОГИЧЕСКОМ ФОНДЕ

Настоящие тезисы представляют собой фрагмент проведённого нами исследования языкового материала, репрезентирующего коммуникативные типажи «Hausfrau/домохозяйка» в немецкой и русской лингвокультурах. Типаж подразумевает некую совокупность признаков, которая отражает относительно стабильный образ представителя определённой этнической/социальной группы. Коммуникативный типаж (КТ) обобщает речеповеденческие характеристики языковой личности и проявляется в ситуациях общения. Рассматривая КТ как разновидность концептов, выделяют образную, понятийную и ценностную составляющие данного ментального образования, локализованные в индивидуальном и коллективном сознании (В.И.Карасик). В качестве прототипного образа КТ «Hausfrau/домохозяйка» выступает женщина, выполняющая не только работу по дому, но и важную для общества функцию обеспечения и воспитания детей, поддержания благоприятного микроклимата в семье, их речеповеденческие характеристики, стратегии и тактики коммуникативного поведения в стандартных ситуациях общения. Понятийную составляющую образуют базовая часть как наиболее общее, осмысленное и принятое обществом представление о данном феномене, выявляемое на основе анализа дефинитивных текстов и ассоциативные характеристики значения «содержательного максимума». Ценностные характеристики КТ реализуются в смежных категориях: установках, потребностях, нормах поведения домохозяек в соответствии с их социальными ролями, приписываемыми обществом.

Устойчивые, востребованные образцы поведения КТ зафиксированы в языке различными средствами языковой и речевой репрезентации. В рамках данного исследования в качестве материала анализа используются паремии, вербализующие отношения к женщине в её основной роли «хранительницы семейного очага». Основная часть паремиологического фонда была сформирована в 15-16 веках, в других бытовых условиях, когда женщины могли реализовать себя только в семье, поэтому критерием отбора пословиц послужили лексемы, отражающие положение и обязанности женщины в контексте семейных отношений.

В результате сопоставительного анализа пословиц русского и немецкого языков были выделены следующие семантические группы: *супружество* (счастливый брак, главенство жены, тяготы семейной жизни); *материнство* (воспитание, забота о детях, материнская любовь); женский труд (поддержание чистоты и порядка в доме); *положительные характеристики* (хозяйственность, трудолюбие, сметливость, экономность, кротость, преданность, внимание); *отрицательные характеристики женщины* (сварливость, болтливость, хитрость, глупость, неверность, лень); *внешность* (чрезмерное внимание к своей внешности, красота женщины). Учитывая языковую андроцентричность, необходимо отметить, что положительные коннотации получает образ женщины с точки зрения её значимости, полезности для мужчины, в связи с этим высоко оценивается образ матери, заботливой жены, хозяйки дома. Достаточно репрезентативная группа пословиц в сопоставляемых лингвокультурах негативно оценивает характер и интеллект женщины.

Таким образом, пословицы в сжатой форме содержат предписания и оценку поведения домохозяек в соответствии с исторически сложившимися социальными нормами. Однако в силу ряда экстралингвистических факторов пословицы не отражают ценностные доминанты всего общества, поэтому для проведения комплексного анализа КТ «Hausfrau/домохозяйка» необходимо привлечение текстов художественной и публицистической литературы, опрос информантов.

Докт. филол. наук Н.А. Красавский (Волгоград)

О КОНЦЕПТЕ ‘NEID’ В НЕМЕЦКОЙ ЛИНГВОКУЛЬТУРЕ

В данной сообщении предлагается лингвокультурологический анализ концепта ‘Neid’ (зависть), коллокативно представленного словарными немецкоязычными статьями. Выбор для лингвокультурологического описания иллюстративной части словарной статьи, описывающей коммуникативное поведение соответствующего вербального знака (номинанта эмоции ‘Neid’), мотивирован, во-первых, в принципе авторитетно осуществлённой лексикографами (элитарными языковыми личностями!) селекцией его наиболее типичных, высокочастотных речеупотреблений и, во-вторых, сжатостью самого статейного жанра, репрезентирующего сущность интересующего нас концепта.

Лингвистический анализ многочисленных примеров, иллюстрирующих употребления номинанта эмоции ‘Neid’ в современном немецком языке, позволяет выделить следующие семантические группы: 1) психологически отрицательные соматические изменения в человеке – vor Neid gruen/gelb werden и др.; 2) медленное разрушение человеческого организма при переживании этой эмоции – der Neid frisst an ihm и др.; 3) корреляция зависти с болезнью и смертью – giftiger Neid, vor Neid vergehen и др.; 4) каузация эмоции – Das ist nur der Neid der Besitzlosen!; 5) порицание факта переживания данной эмоции немецким этносом – nur kein Neid: wer hat, der hat; 6)зависть как мотивация вербальных и реальных поступков людей – der blasse Neid sprach aus ihm.

Языковой материал позволяет нам сделать следующие выводы.

Во-первых, при интерпретации языковых фактов мы исходили из понимания эмоциональных концептов как трёхкомпонентной структуры, включающей в себя понятие, репрезентируемое в словарной дефиниции, образ и оценку, представленные в иллюстративной части словарной статьи.

Во-вторых, судя по квантитативным показателям, ‘Neid’ можно признать актуальным для немецкого социума эмоциональным концептом.

В-третьих, данный концепт обладает ярко выраженной аксиологией. В немецкой лингвокультуре он «расположен» в отрицательной зоне человеческих (социализированных!) эмоций, о чем свидетельствуют сочетаемые с выражающим его знаком слова (gelb, gruen, fressen, nagen и т.п.). Переживание данной эмоции немецким социумом однозначно осуждается.

В-четвертых, лингвокультурологический анализ иллюстративной части немецких толковых словарей, составители которых фиксируют, как известно, наиболее характерные для современного этапа развития языка сочетания слов и, следовательно, наиболее релевантные для его носителей концепты, обнаруживает высокую частотность употребления номинанта эмоции ‘Neid’ с глагольным классом слов, эксплицирующим прежде всего такую «натуральную» идею, как «пожирательство» человека переживаемой им эмоцией. Активность данной части речи мы объясняем главным образом динамизмом ее семантики. Номинант эмоции при этом, как правило, метафоризуется/персонифицируется; он выступает в функции агенса, что подчеркивает его деятельностное начало.

Канд. филол. н. М.Г.Луннова (Пенза)

АССОЦИАТИВНО-ЗВУКОВАЯ ПАРАДИГМА ТОПОНИМА *РУСЬ* В РУССКИХ НАРОДНЫХ СКАЗКАХ, ПОСЛОВИЦАХ И ПОГОВОРКАХ

Изучение словесных ассоциаций представляет собой одну из сложнейших и далеко ещё не решённых задач. Цель работы – выявить смысловые связи опорного слова и звуковых ассоциатов, входящих в ядерную и периферийную зоны ассоциативно-звуковой парадигмы топонима *Русь*, на материале русских народных сказок, пословиц и поговорок.

Прежде всего в названных текстах мы искали созвучные и рифмующиеся слова с топонимом *Русь* и находящиеся в тексте на расстоянии не более 20-40 слогов от опорного слова (для дифонов с ударным гласным – до 20, для полифонов – до 40).

Под ядерной зоной парадигмы мы понимаем те ассоциаты, которые употребляются как в сказках, так и в пословицах и поговорках, то есть сохраняются в коллективном бессознательном. Соответственно в периферийной области остаются те слова, которые не ассоциируются в сознании большинства людей (например, *Прощай, матушка* ***Русь****: я к теплу* ***потянусь*** (посл.) или *«Ах, Василиса Премудрая,* ***сгрустнулось*** *по отцу, по матери, захотелось на святую* ***Русь****»* [Аф., II, с. 189]).

Среди полученного материала мы выделили ассоциативную доминанту (ассоциат, наиболее часто повторяющийся к опорному слову), которая, по нашему мнению, входят в ядерную зону ассоциативно-звуковой парадигмы топонима *Русь*. Это слово **русский (русска** – *устар.***)**. Например: *«Царевна спрятала гостя за двери – аж летит змий. «Фу, как* ***русска*** *кость воня!» – !Это ты по* ***Руси*** *летал,* ***русской*** *кости напахал!» – говорит царевна»* [Аф., I, с. 294]; *«****Русь*** *святая, православная, богатырская, мать свято****русская*** *земля»* [В.И.Даль 2000: 209].

Интересным оказалось то, что в народных сказках опорное слово *русский,* включаясь в словосочетания *русская кость, русский дух* (т.е. запах), расширяет своё значение. Ещё А.Н.Афанасьев утверждал, что запах героя (это может быть *гость, Иван* и др.) есть запах человека, а не русского. Его утверждение уточняет известный исследователь народной сказки В.Я.Пропп: «Иван пахнет не просто как человек, а как живой человек. Мёртвые, бестелесные не пахнут, живые пахнут, мёртвые узнают живых по запаху… Этот запах живых в высшей степени противен мертвецам. По-видимому, здесь на мир умерших перенесены отношения мира живых с обратным знаком. Запах живых так же противен и страшен мертвецам, как запах мёртвых страшен и противен живым» [В.Я.Пропп 1998: 159].

Следовательно, можно предположить, что опорное слово *Русь,* в звуковом плане сближаясь с ассоциатом *русский,* также приобретает в тексте новую коннотацию: Русь – это *жизнь*, это пространство, где *живут живые*.

Таким образом, можно утверждать, что хотя звуковые ассоциаты были выделены на сугубо формальных основаниях, они все-таки оказались включенными не только в формальные, но и в содержательные отношения с опорными словами текста.

Канд. филол. наук Ван Минци (Китай)

СЧЁТНЫЕ СЛОВА КИТАЙСКОГО ЯЗЫКА И ЭКВИВАЛЕНТНЫЕ СПОСОБЫ ИХ ВЫРАЖЕНИЯ В РУССКОМ ЯЗЫКЕ

Числительные — наиболее абстрагированная по значению часть речи, они выражают отвлечённую идею числа, указывают на количество пред-

метов. Сочетаясь с существительным, числительные образуют сочетания, которые в лингвистической литературе именуются “количественно-именные сочетания” (Грамматика русского языка-60). Основной предпосылкой сочетаемости числительного с существительным является считаемость последнего, т.е. прерывистость предметного класса, членимость класса на элементы, качественная однородность предметов или общность признака, по которому приравниваются представители класса.

В русском языке основной моделью количественно-именных сочетаний является: числительное + существительное (Num S), например: два стола – liang**zhang** zhuozi, пять деревьев – wu**ke** shu. Высокая частотность данной модели объясняется самой природой числительных – служить номинацией числа конкретных предметов.

А в китайском языке основной моделью количественно-именных сочетаний является числительное + классификатор + существительное (Num + K + S), например: liang**ge** ren – два человека (дословно: две + **персоны** + человека); liang**di** yanlei – две слезы (дословно: две + **капли** +слёзы); dule liang**bian –** читал дважды (дословно: читал + два + **раза**).

Классификаторы (счётные слова) — лексико-грамматический разряд слов, служащих в ряде языков для оформления счётных конструкций (числительное + существительное). В китайском языке эти слова обязательны в количественной конструкции. Они обычно образуют особый функциональный подкласс существительных. В китайской грамматике классификаторы имеют статус части речи, а также реализуют некоторые грамматические значения. Они, появившиеся в китайском языке в глубокой древности, соотносятся с группировкой существительных по денотативным признакам, отражающей классификацию человеком объектов действительности по их форме, объёму, состоянию и т.д. Функционально к классификаторам близки некоторые русские слова (типа “штука”, “пара”), но они факультативны в языке и не связаны с классификацией предметов.

Классификаторы имеют ярко выраженную национально-культурную специфику. Они содержат богатую информацию о предметах: длина, вес, время, образность, форма, повторяемость действия и т.п.

Общепринятое употребление классификаторов является важной особенностью современного китайского языка, так как это не только одно из лексических и грамматических средств, но и стилистическое средство. Классификаторы являются частью языковой картины мира, отражают мир китайского языка.

Следовательно, возникает вопрос: каковы закономерности перевода количественно-именных конструкций с одного языка на другой?

Как мы знаем, семантическим центром количественно-именных сочетаний выступает существительное, определяющим словом – числительное. Поэтому здесь мы разделяем существительные на два вида: исчисляемые и неисчисляемые.

1. Для исчисляемых имен существительных основной моделью в русском языке является: числительное + существительное. В русском языке в

таком случае предметы считаются поштучно (два карандаша, три тетради). Поскольку в русском языке существует грамматическая категория числа и отсутствуют классификаторы, в переводе на китайский язык русской количественно-именной конструкции необходимо добавить соответствующие классификаторы, например: глаза – liangzhi yanjing (буквально: две **штуки** глаз); книга – yi**ben** shu (буквально: один **корешок** книги); десять долларов – shi**kua**i yanqian (буквально: десять **штук** долларов); два карандаша – liang**zhi** qianbi, три тетради – san**ge** bijiben, si**ben**shu – четыре книги (буквально: четыре **корешка** книг) и так далее.

2. Неисчисляемые предметы поштучно считать нельзя, они исчисляются с помощью соответствующих единиц измерения, например: два **килограмма** сахара – liang**gongjin** tang; две **тонны** риса – liang**dun** dami; два **стакана** вина – liang**bei** jiu; два **метра** ткани – liang**mi** bu; два **гектара** земли – liang**gongqing** dudi и т.д.

В русском языке ещё есть такие слова, которые необходимы для обозначения количества предметов и повторяемости действий. Например: две *головы* коровы – liang**tou** niu; две **пары** туфель – liang**shuang** xie; две **дюжины** рубашки – liang**da** chenshang; два **куска** хлеба – liang**kuai** mianbao; две **пары** лекции – liangjie ke; две **капли** слёз – liang**di** yanlei. А для повторяемости движения существует такая модель: имя числительное + раз(-а) + глагол. Например, два *раза* читал – dule liangbian (буквально: читал два **раза**). Такие русские конструкции совпадают с китайскими количественными конструкциями, только китайские конструкции счёта повторяемости движения имеют другой порядок слов. Перевод на китайский язык дословный.

Несмотря на то, что в китайском языке, как и в европейских языках, имена существительные разделяются на исчисляемые и неисчисляемые, классификаторы в китайском языке употребляются не только при неисчисляемых существительных, например: yi**jin** rou – один **цзинь (полкило)** мяса, yi**bei** shui – один **стакан** воды, yi**ping** niunai – одна **бутылка** молока, но и при любом другом существительном, если ему предшествует числительное: yizhi qianbi – одна штука карандашей; yizhangyoupiao – одна марка; yitou niu – одна **голова** быка, лошадей – yipi ma и т.д.

С китайского языка на русский перевод количественно-именных конструкций осуществляется с помощью форм единственного/множественного числа, количественно-именных конструкций (Num S), словами с суффиксами (типа -ин-, -инк- и т.п.), словами-единицами (например, счётными словами системы мер и весов).

Возможны следующие способы перевода количественно-именных конструкций с китайского на русский (китайские иероглифы не приводятся в силу отсутствия в издательстве соответствующего шрифта – *Прим. ред.*):

1. Формами единственного-множественного числа: *узел, книга, книги, те книги, человек, люди, глаза; очки, брюки.*

2.Количественно-именными конструкциями: *два гостя, пять яйц, сто восемь мужчин, трое часов, двое перчаток, десять долларов, две возможности.*

3. Суффиксами -ин-а, -инк-а, -к-а, -овк-а, -ок/-ек (эти суффиксы обычно имеют уменьшительно-ласкательный оттенок.): *картофелина, снежинка, ягнёнок, телёнок, утёнок.*

4. Словами-единицами:

а) классификаторами системы мер и весов: *двадцать* ***цзинь (полкило)*** *риса; 9600 тысяч* ***квадратных километров*** *земли;*

б) сложными классификаторами: *человек-раз; километр-час; тонна-километр;*

в) именами существительными, которые обозначают вместилище: *один* ***стакан*** *чая; одна* ***бутылка*** *водки; одна* ***бочка*** *воды; одна* ***ложка*** *соли;*

г) соответствующими эквивалентами русского языка: *две* ***головы*** *коровы; две* ***головки*** *чеснока, две* ***капли*** *слёзы; читал два* ***раза;*** *одна* ***куча*** *земли; одна* ***группа*** *специалистов.*

5. Переводом слов по смыслу: *весь хаос, во всём нездоровье, камень на сердце, все взоры, полный гнева, показать себя (своё умение); чёрные брови, крупный платёж;* yilun mingyue – *полный месяц, полная луна* (досл.: *одно* ***колесо*** *светлой луны*); *одно сплошное враньё, чистейшая ложь; везде картина обновления; после третьей чарки; у него такие таланты!*

6. Совершенным видом глаголов: *подумать; посмотреть.*

В китайском языке небольшая группа существительных-названий единиц измерения употребляется самостоятельно (без последующего существительного), при этом используется перевод дословный:

yinian – один год,
yitian – один день,
yifen (zhong) – одна минута,
yike (zhong) – четверть часа,
yike – один урок,
yiye – одна страница.

Одна количественно-именная конструкция, таким образом, может иметь два или больше соответствующих вариантов перевода, выбор эквивалента при этом зависит от конкретной ситуации или от стилистической окраски текста.

Канд. филол. н. Е.Б.Никифорова (Волгоград)

О ДИНАМИКЕ КОННОТАЦИИ ЛЕКСЕМЫ «ХУДОЙ»

Древнерусская лексема *хоудый* исконно реализовала, по свидетельству словаря И.И.Срезневского, следующие значения: 1. плохой, дурной *Всакъ чловЕкъ прЕжде доброе вино полагаетъ, и егда оупиються, тогда хоуждее* 2. некрасивый, невзрачный *Бысть хоудъ лицемъ и нравомъ чюденъ* 3. некрепкий, непрочный *не все ли бЕ стЕньмъ, и мимо иде, и хоуже*

паоучины 4. слабый *Въ болезни тяжъцЕ позна ся хоудъ и созва моужа своя,* а также 5. малый, 6. бедный, скудный, 7. бедный, в бедности, 8. незнатный, простой, 9. незначительный, не обладающий достоинствами, 10. дурной, скверный, зловредный, 11. жалкий, 12. ничтожный. 13. слабый, безличный, 14. неясный (И.И.Срезневский 1958 т. 3: 1417). Представляется, что все эти значения отражали различные грани единого синкретичного концепта *худый.* Использование данного прилагательного в контекстах, предполагающих его сочетание с существительными, обозначающими одежду, обувь или предметы обихода (типа *худая рубаха, худое ведро)* способствовали появлению значения «дырявый», не противоречащего системе значений лексемы. *Худая рубаха* – рубаха «плохая», «некрасивая», «непрочная», ассоциирующаяся с «бедностью», «незнатностью», она «жалкая», «ничтожная» и, конечно, «не обладающая достоинствами». Оформление отмеченного нового значения в XVIII-XIX в. у слова *худой* «изношенный, ветхий, дырявый» зарегистрировано в Толковом словаре живого великорусского языка В.И.Даля (В.И.Даль 1955 т. 4: 568). Ср.: *Как не прозябнуть в одном худеньком армяке?* (А.С.Пушкин, Капитанская дочка). Отметим, что ни в словаре И.И.Срезневского (XI- XIV в.), ни в словаре В.И.Даля (XIX в), у лексемы *хоудый* (худой) не отмечается значения «стройный, не полный, не упитанный», актуального для данного слова в наше время. Указанное значение, по свидетельству словаря В.И.Даля, вербализовалось однокорневыми лексемами *худощавый, худоба* и *худобина* – «худощавость, тощесть», причем в ряде диалектов лексема *худоба* реализовала еще и значения «болезнь (сухотка, падучая)», а также «калечество, наружное безобразие»; «бедность, голь, нищета»; *худобый* «худой, тощий, болезненный». Отрицательное отношение к «худобе» зафиксировано как в словарных дефинициях, так и в примерах (см.: В.И.Даль 1955 т. 4: 568). Таким образом, первоначально *худой* («стройный»), ассоциировавшееся еще в XIX в. с понятиями «слабый», «жалкий» и даже «больной», было нежелательным эпитетом и имело явную отрицательную коннотацию, как и все остальные значения лексемы. Изменение реалий жизни, социального и культурного контекста приводит к нейтрализации отрицательной коннотации и даже появлению положительной оценочности (ассоциации с понятиями «здоровый образ жизни», «спортивный», «модный»). Вероятно, именно утрата негативной оценки значения *худой* («стройный»), а также преобладающее использование прилагательного *плохой* вместо *худой* («дурной») явилось причиной того, что в современном языке лексема распалась на три омонима: *худой1* – не толстый, не упитанный, *худой2* (*устар., разг.) – плохой; *худой3* (*разг.) – дырявый, прохудившийся (С.И.Ожегов, Н.Ю.Шведова 2004: 870).

Аспирант Л.Г.Ратушная (Пенза)

К ВОПРОСУ О КРИТЕРИЯХ ОБЪЕКТИВНОСТИ ФАКТОВ АНАФОНИИ В РУССКОЙ И АНГЛИЙСКОЙ ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ПРОЗЕ

Явление анафонии относится к наиболее интересным фоносемантическим феноменам. Несмотря на то, что существует немало работ, посвященных анафонии в поэзии и прозе, до сих пор это явление является дискуссионным. Для того, чтобы с полным основанием заявлять о наличии или отсутствии анафонии в оригинальном и переводном художественном произведении, для того, чтобы сравнивать речевые факты в них как однородные, необходимо решить вопрос о критериях объективности фактов анафонии, которые являлись бы универсальными и для русского, и для английского языков.

В качестве таких критериев используются:

1) наличие опорного слова (одного или нескольких).

2) «превышение звуками» опорного слова «речевого фона как отражения обычной частотности звуков» [см.: А.В.Пузырев 1995: 185].

Имена собственные являются «одной из разновидностей тематических слов» [А.В.Пузырев 1995: 191] и, кроме того, «удобны и своей графической отмеченностью» [там же]. Полагаем, что не может быть принципиальных возражений против принятия в качестве опорных слов имен собственных (а, если говорить более конкретно, имен персонажей). Считаем уместным привести здесь мнение И.Вуйович, которая выделяет следующие характерные черты вербальных опорных элементов:

1) употребительность;

2) центральное место в тематических группах;

3) деривационность;

4) словосочетательная активность;

5) достаточно обобщенная семантика;

6) важность для той или иной отрасли науки или культуры;

7) стилистическая нейтральность;

8) принадлежность к устойчивым пластам лексики;

9) многоассоциативность;

10) специфическая метафоризация [цит. по: В.А.Балдова 1997: 134-137].

Наблюдения над использованием имен собственных в художественной речи показывают, что они обладают всеми выделенными И.Вуйович свойствами.

Удобней всего первый параметр продемонстрировать с помощью таблицы. В подтверждение высокой употребительности имен собственных приведем следующие данные о количестве их словоупотреблений в оригинальном и переводном художественном произведениях:

Имя собственное	Оригинальное произведение	Переводное произведение
Анна (Anna)	814	808
Вронский (Vronsky)	862	865
Долли (Dolly)	303	307
Кити (Kitty)	662	673
Левин (Levin)	1645	1628
Облонский (Oblonsky)	133	127
Степан (Stepan)	553	549
Стива (Stiva)	64	68
Clyde (Клайд)	2318	3361
Esta (Эста)	91	118
Gilbert (Гилберт)	216	268
Griffiths (Грифитс)	565	642
Roberta (Роберта)	825	1163
Sondra (Сондра)	428	524

Приведенные количественные данные позволяют сделать вывод о том, что имена персонажей действительно обладают высокой употребительностью в художественном тексте.

Центральное место имени собственного в тематических группах также не подвергается сомнению. Имя персонажа является организующим и структурирующим компонентом тематической группы. Это подтверждает и мнение Л.Гинзбург: «Элементы, прикрепленные этому имени [имени героя – Л.Р.], выводятся друг из друга или из общего корня, вступают между собой в отношения подобия и противоречия» [Л.Гинзбург 1979: 90].

Для имен собственных характерен специфичный вид деривационности – образование нарицательного имени существительного от имени собственного на основе переноса значения обладания особенными чертами характера или внешности:

Узрю ли русской Терпсихоры
Душой исполненный полет? [А.С.Пушкин 1981: 12]

Что касается словосочетательной активности собственных имен существительных, лексикология русского и английского языков не определяет особых типов словосочетательных моделей для них, следовательно, все словосочетательные модели существительных характерны и для имен собственных. Исходя из данных о количестве словосочетаний, главным элементом которых является существительное, можно говорить о высокой словосочетательной активности собственных имен существительных.

При обсуждении обобщенной семантики имени собственного, полагаем уместным привести мнение Л.Н.Мурзина, справедливо утверждающего, что «…собственное имя, в отличие от нарицательного, действительно лишено содержания: оно светит отраженным светом развернутого текста» [Л.Н.Мурзин 1991: 53].

Рассматривая и такой признак, выделенный И.Вуйович, как важность опорного слова для той или иной отрасли науки или культуры, укажем на то, что в языке и культуре каждого народа имеется развитая система собственных имен существительных: это и имена и фамилии людей, и названия городов и поселков, гор и рек и т.д. Имена собственные специфичны и значимы для конкретной нации и являются отражением ее истории и духовной жизни (ср. The English Channel (англ. яз) и La Manche (фр. яз.) – двоякое название пролива, отделяющего Францию от Великобритании).

Имя собственное часто является стилистически нейтральным. Исключения составляют лишь уменьшительно-ласкательные варианты имен собственных.

Имена собственные обладают и такой чертой опорных слов как принадлежность к устойчивым пластам лексики: многие реально исторические имена собственные существуют уже не один десяток столетий, не подвергаясь каким-либо значимым изменениям.

Вопрос о многоассоциативности имени собственного, пожалуй, наиболее точно раскрыла Н.Д.Арутюнова: «Пока имя собственное не закреплено за конкретным объектом, оно не значимо, но коль скоро оно получило своего носителя, оно окутывается ассоциациями, создающими образ референта имени. С именем начинают связываться разнородные сведения о номинате, впечатления от него, его внешний вид, эмоционально отношение, им вызываемое и т.п.» [Н.Д.Арутюнова 1999: 24-25]. Таким образом, имя человека может вызывать в сознании носителей языка ассоциации, связанные не только с конкретным человеком, но также и постоянно пополняющийся комплекс характеристик, принадлежащий носителям этого имени на протяжении веков.

Наконец, имена собственные обладают и последней чертой опорных слов, выделенной И.Вуйович. Специфическую метафоризацию имен собственных, основанную на сходстве определенных характеристик имени собственного и другого объекта, мы можем проследить на примере пословиц и устойчивых выражений английского и русского языков. В качестве примера приведем фразеологизм, встречающийся и в русском, и в английском языке: *перейти Рубикон (to cross the Rubicon)* – отважиться на какой-то бесповоротный шаг, переступить, перейти какой-то важный рубеж (в 49 г. до н. э. Юлий Цезарь, вопреки запрещению Римского сената, перешел с войском Рубикон – реку, служившую границей между Италией и Цизальпинской Галлией, – и начал гражданскую войну).

Следует отметить, что характерные черты опорных слов, выделенные И.Вуйович, позволяют не столько определить, какое именно слово является опорным, сколько проверить, является ли предполагаемое слово таковым или нет. В случае с именами собственными наблюдается полное соответствие по всем десяти критериям, поэтому не существует никаких препятствий для того, чтобы принять имена собственные в качестве опорных слов художественного текста. В пользу этого решения говорит и факт удобства графической формы имен собственных, и тот факт, что имена

собственные любого языка удовлетворяют выше сформулированным требованиям.

Вторым критерием объективности фактов анафонии, как уже говорилось, является превышение звуками опорного слова нейтрального речевого фона. И здесь мы оказываемся перед необходимостью определения обычной частотности звуков в речи, причем в такой ее разновидности, как прозаическое художественное произведение.

Но прежде, чем приступить к подсчетам, необходимо решить вопрос о единице исследования речевого фона, т.е. ориентации на звук, букву или звукобукву. Представляется невозможным принять букву в качестве единицы исследования речевого фона. Как отмечает Л.Р.Зиндер, «буква, как правило, имеет не одно звуковое значение, т.е. служит для передачи на письме нескольких разных фонем» [Л.Р.Зиндер 1987: 63]. Действительно, и в русском, и в английском языках одна и та же буква в зависимости от своей позиции в слове, типа слога и окружающих ее букв может передавать от одного до четырех звуков, кардинально различающихся по своим акустическим характеристикам. Психолингвистическое исследование с опорой на букву означало бы признание того факта, что эти звуки идентичны, что противоречит данным фонетики, фонологии и других наук.

Звукобуква как единица исследования речевого фона художественной прозы, несомненно, удобна для исследователя: ориентируясь на нее несложно произвести компьютерные подсчеты. Кроме того, что несомненно является более важным, прочны психолингвистические основания ориентации на звукобукву. Как отмечал А.П.Журавлев, автор этого термина, «для грамотного человека звук и буква неразрывно связаны, и появление одного знака сейчас же вызывает в сознании появление другого. Поэтому графический, буквенный образ не может не оказывать влияния на восприятие звука. Буква в этой паре как бы стабилизирует восприятие звука, помогает выработать в сознании типический образ звука и закрепляет его с помощью графического изображения» [А.П.Журавлев 1974: 34]. Особенности русского языка позволяют принять звукобукву в качестве единицы исследования речевого фона. Что касается английского языка, трудность применения звукобуквенного подхода к анализу материала здесь состоит в том, что одна и та же гласная буква обозначает до четырех различных звуков, графический образ которых не совпадает с графическим образом букв. Стремясь к унификации исследования русской и английской художественной прозы, нельзя принять звукобукву как единицу речевого фона русского языка, в то время как единицей речевого фона английского языка будет не звукобуква.

Исходя из выше изложенного, нам остается в качестве единицы исследования речевого фона принять звук. С одной стороны, этим будет обеспечена преемственность нашего исследования от многих психолингвистических исследований (в т.ч. и Ф. де Соссюра), отправной точкой которых был именно звук. Кроме того, можно будет избежать и проблемы статуса графической формы языка. Этот вопрос был поднят более двух

столетий назад и до сих пор остается дискуссионным. Главная роль отводилась то графике (приведем как пример мнение Ф. де Соссюра): «…графическое слово столь тесно переплетается со словом звучащим, чьим изображением оно является, что оно в конце концов присваивает себе главенствующую роль; в результате изображению звучащего знака приписывается столько же или даже больше значения, нежели самому этому знаку» [Ф. де Соссюр 1977: 63], то звуковому образу (пример тому – мнение И.А.Бодуэн де Куртенэ): «…произносительно-слуховое может возникать и мыслиться совершенно независимо от писанно-зрительного: писанно-зрительное же имеет смысл, осмысливается только в связи с произносительно-слуховым» [цит. по: Л.Р.Зиндер 1987: 11]. Наконец, ориентация на звук обеспечивает бóльшую близость к реальному звучанию художественной речи, т.е. позволяет исследованию обрести практическую направленность.

С другой стороны, это создает дополнительные проблемы в определении нейтрального речевого фона, так как все подсчеты придется проводить вручную. Но в целях получения достоверных данных этим незначительным минусом можно пренебречь.

Установив, таким образом, субстанцию определения нейтрального речевого фона, необходимо произвести несложную, но трудоемкую работу: затранскрибировать значительные по объему равные отрезки текстов художественных произведений одного или нескольких авторов, писавших примерно в одно и то же время, произвести арифметический подсчет частоты встречаемости каждого звука в каждом из отрезков, сравнить их статистически, и сделать вывод о средней частотности каждого звука в художественной речи.

Подобным образом нами была определена средняя частотность звуков в английской художественной прозе (на материале английского языка). Были затранскрибированы два отрезка в 10 000 звуков каждый Т.Драйзера и У.С.Моэма, а также отрезок из перевода Л.Н.Толстого на английский язык такого же объема. Различия арифметических данных частотности большинства звуков оказались статистически не значимыми. Но значительные различия в частоте некоторых звуков потребовали привлечения дополнительного материала для анализа. Ограниченные возможности презентации материала в рамках данной статьи позволили нам привести данные лишь по общему количеству гласных и согласных в рассмотренных отрезках художественных текстов (см. таблицу ниже).

Автор	Гласные		Согласные	
	Количество	%%	Количество	%%
Т.Драйзер	3842	38,42	6158	61,58
У.С.Моэм	3842	38,42	6158	61,58
Л.Н.Толстой	3841	38,41	6159	61,59

Исходя из представленных в таблице данных можно заключить, что соотношение гласных и согласных в оригинальном и переводном художественных текстах на английском языке составляет 2:3, что характерно и для русского языка [см.: А.В.Пузырев 1995: 188].

Данные о средней частотности звуков в художественной речи сами по себе не являются достаточными для определения нарушения нейтрального речевого фона вследствие более частого употребления того или иного звука. Зафиксировать нарушение нейтрального речевого фона можно, произведя следующие расчеты: «Если соотношение гласных и согласных в … речи равно … 2: 3.., то на десять гласных… обычно приходится пятнадцать согласных. Примем полученные 25 звуков за 100 процентов. Употребление какого либо звука в этих условиях дважды составит 8 процентов, т.е. число, которое превышает частотность любого согласного или ударного гласного» [А.В.Пузырев 1995: 190]. Последнее утверждение справедливо и для английского языка, где установленная частотность в 8 процентов превышается лишь двумя безударными гласными звуками: [ə] и [i]. Следовательно, если в пределах 10 слогов (укажем, что в английском языке дополнительную трудность представляют слогообразующие сочетания согласных) какой-либо звук повторяется дважды, то это является нарушением нейтрального речевого фона и свидетельствует о присутствии в данном тексте анафонии.

В заключение заметим, что далеко не все лингвисты рассматривают анафонию как мощное средство интенсификации текста, наделения его дополнительной фактической и эмоциональной информацией; спорным остается вопрос о присутствии/отсутствии анафонии в отдельной фразе или целом художественном произведении. Выше обозначенные критерии объективности фактов анафонии в силу своей простоты помогут исследователю быстро и без труда дать однозначный ответ о наличии анафонии в тексте, а само обнаружение этого факта заставит его задуматься о том глубинном содержании, поверхностным показателем которого является анафония.

Цитируемая литература:

Арутюнова Н.Д. Язык и мир человека. – М.: Языки русской культуры, 1999. – I-XV, 896 с. – 1 ил.

Балдова В.А. Экспериментальное исследование роли ключевых слов в понимании специального текста // Психолингвистические исследования слова и текста. – Тверь, 1997. – С. 134 – 138.

Гинзбург Л. О литературном герое. – Л.: Советский писатель, 1979. – 224 с.

Журавлев А.П. Фонетическое значение. – Л.: Издательство Ленинградского университета, 1974. – 160 с.

Зиндер Л.Р. Очерк общей теории письма. – Л.: Наука, 1987. – 112 с.

Мурзин Л.Н., Штерн А.С. Текст и его восприятие. – Свердловск: Издательство Уральского института, 1991. – 172 с.: ил.

Пузырев А.В. Анаграммы как явление языка: Опыт системного осмысления. – М.; Пенза: Институт языкознания РАН, ПГПУ им. В.Г.Белинского, 1995. – 378 с.

Пушкин А.С. Собрание сочинений в десяти томах. – Т. 4. – М.: Правда, 1981. – 430 с.

Соссюр Ф. Труды по языкознанию: Переводы с французского языка под редакцией А.А.Холодовича. – Москва: Прогресс, 1977. – 695 с.

Канд. филол. наук И.Г.Родионова (Пенза)

МОДЕЛИРОВАНИЕ СЕКРЕТНЫХ ЯЗЫКОВ КАК ВИД МЕТАЯЗЫКОВОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ДЕТЕЙ

В процессе овладения языком ребенок, в первую очередь, усваивает нормированные, стандартизированные способы речевых действий, диктуемые взрослыми. Однако, обладая глубоким внутренним потенциалом к конструктивному творчеству, ребенок «преломляет новое знание, новое умение через свое понимание мира, пропускает его через свой личный опыт, который неповторим и уникален» (Н.Н.Поддьяков 1990: 16). Материалом для исследований и экспериментов для ребенка очень часто становится язык, а деятельность ребенка в подобных случаях характеризуется как метаязыковая. Одним из видов метаязыковой деятельности детей является моделирование секретных языков.

Истоки создания детьми секретных языков видятся в возрасте, названном К.И. Чуковским «от двух до пяти», когда ребенок придумывает слова, значение которых порой остается загадкой даже для родителей (*«Хочу скорбайку!»*). Кроме того, известно, что маленькие дети умышленно придумывают в играх собственные слова (*трик-трак, кукуля, моги-боги*) (М.Р.Львов 2000: 212).

Моделирование секретных языков происходит в младшем и среднем школьном возрасте, когда вовлеченные в общую деятельность дети стремятся противопоставить себя миру взрослых, отделиться, отгородиться от них или от других детей, сделав свою речь непонятной для посторонних. Безусловно, секретные детские языки – это не языки в полном смысле этого слова, поскольку, во-первых, являются средством общения небольшой группы людей; во-вторых, содержат незначительное, по сравнению с естественными языками, количество лексических единиц; в-третьих, не представляют собой самостоятельную систему, а основаны, как показывает имеющийся материал, на законах родного языка ребенка.

Рассмотрим способы создания детских секретных языков. В качестве иллюстративного материала приведем примеры из художественной прозы, отражающей речевую реальность.

1. Моделирование отдельных слов – тайных названий предметов, признаков, действий:

Как было объяснить Катьке, что Финтифлига и Симак-Барбарик – это были условные наименования неких загадочных личностей, якобы обитавших в дебрях тайги, где воображение Коли и Женчи поселило их в качестве неустрашимых пограничников. Это было его с Женчей тайной (Л.А.Кассиль. Ранний восход);

Ругательные слова мы говорили. Но тетя Валя их не понимала. Мы придумывали их сами, на ходу, если что-нибудь случалось. Иногда эти слова походили на иностранные пиратские ругательства или марсианские заклинания (В.П.Крапивин. Ковер-самолет);

Дело в том, что штаны на нашем ребячьем диалекте назывались «шкеры», а лямки соответственно «шкеровозы» (В.П.Крапивин. «Однажды играли…»).

2. Десемантизация общеизвестных слов:

Да, я писал уже где-то, что двор на ребячьем языке назывался «ограда» (В.П. Крапивин. «Однажды играли…»).

3. Употребление только первого слога из каждого произносимого общеупотребительного слова:

– А по по не по? – серьезно спросил Биндюг.

(– А по портрету не получишь? – перевели наши сзади.)

– А Ра-то вы ме би? – спокойно сказал Костя Жук.

(– А раньше-то вы меня били? – растолковали нам «внучки») (Л.А.Кассиль. Кондуит и Швамбрания).

4. Введение в состав всех произносимых слов лишнего звука или слога:

Ни Сикстен, ни Бенка, ни Юнте не видели ни одного из слов этого языка написанным на бумаге, иначе у них не было бы никаких трудностей с разгадкой его тайны. Потому что каждый согласный удваивался и между ними вставлялось «о». Так, например, имя Калле звучало на тайном языке так: «Кок-а-лол-лол-е», Андерс же – «А-нон-дод-е-рор-сос» (А.Линдгрен. Суперсыщик Калле Блумквист рискует жизнью).

Таким образом, моделирование секретных языков как вид метаязыковой деятельности детей представляет собой синтез творческого и прагматического начал в процессе овладения языком.

К. филол. н. Е.Н.Сердобинцева (Пенза)

ПРОФЕССИОНАЛИЗМЫ И ОСОБЕННОСТИ ПАМЯТИ

В поведении человека выделяют две формы: рефлекторную и интеллектуальную. Рефлекторная форма поведения проявляется спонтанно и непосредственно на раздражитель. В основе интеллектуальной формы поведения человека лежит его способность планировать свои действия. А.А.Леонтьев выделяет три фазы интеллектуального поведения: 1) ориентировка в ситуации и выбор плана действий; 2) исполнение намеченного

плана; 3) сличение результата с целью. Выбор плана действий и «…правильность поведения в любой момент зависит не от событий, происходящих в тот момент в окружающей среде, а от контекста, созданного памятью» (А.А.Леонтьев 1969: 380). В профессиональной деятельности постоянно возникает необходимость в четком правильном выборе определенного решения и озвучание его в контексте профессиональной речи. Поэтому невозможно обойти вниманием вопрос соотношения памяти и профессионализмов как языкового явления, т.к. становится важным механизм информационного наполнения сигналов (А.А.Леонтьев, П.Б.Невельский).

Ориентироваться в окружающем мире помогает прежде всего оперативная (кратковременная, непосредственная, рабочая) память, которая характерна лишь человеку как высшая психологическая функция и подчинена определенным целям его деятельности. Она соотнесена с конкретным актом деятельности и «направлена, главным образом, на фиксацию общего числа вновь появляющихся сигналов» (Б.Ф.Ломов.) Психологи установили релевантность числа запоминающихся единиц для оперативной, кратковременной памяти. Оно равно 7 ± 2 единицам. Причем информация лучше запоминается, если в ней меньше символов.

Рассматривая профессиональную лексику с точки зрения объема оперативной памяти в сравнии с термином, увидим стремление первого к краткости, а второго к многочленности из-за необходимости наиболее полно выразить понятие о называемом явлении. Профессионализм, как правило, однословное наименование: безреберка, ветровик, барабан и т.д. Составные наименования представляют 18 % от общего объёма (8000 единиц) исследованной профессиональной лексики. Причем большая доля отводится двухсловным наименованиям – 15 %: вставной зуб, повременное издание; 3 % составляют трехсловные названия: соединительная печатная плата, циклический релейный набор, безвальный поршневой насос; и всего 0,6 % составляют четырехсловные профессионализмы: математическая машина непрерывного действия и т.п. Такое положение отвечает требованиям оперативной памяти, т.к. передаваемая информация, заключенная в определенную синтаксическую структуру речи, содержит не один номен. Но известно, «…чем сложнее структура предложения, тем меньше слов запоминается после этого предложения» (Д.Слобин, Дж.Грин 1976: 67) И для оптимизации передачи и восприятия информации в рабочей ситуации отсекаются лишние единицы, концентрируя информацию в оставшейся лексеме. Поэтому, наряду с созданием новых профессиональных единиц различными словообразовательными способами, можно часто наблюдать трансформацию термина путем его формального сокращения и семантической конденсации в одном слове: генератор вм. импульсный генератор 15-54, подпыл вм. подпыливание теста, просев вм. просеивание муки, транспортер вм. транспортная лента. Этот процесс переводит термин в разряд профессиональной лексики, фигурирующей в устной речи в производственной деятельности человека. Таким образом, существование профессионализмов вполне вписывается в требования объёма оперативной памяти.

«…Событие регистрируется в кратковременной памяти, где оно циркулирует в течение некоторого времени, как след в нервных цепях, а затем переводится в более долговременное хранение в молекулярной форме» (К.Прибрам 1975: 384) . Информация, полученная из вне кодируется в памяти и при этом акцент делается не на форму, а на содержание, на смысл кода. Таким образом запоминаются не лексические единицы, а семантические компоненты их (А.А.Леонтьев). Думается, этим можно объяснить преобладание лексико-семантического способа образования профессиональных номинаций. Метафорический перенос основан на сходстве сем в значении, а метонимия на их смежности. Например, путем метафоризации образованы следующие профессиональные слова: бивень – антена на хвосте самолета, коридор – пробел в несколько строчек, тюльпан – сверлильный станок, имеющий вытянутую кверху форму; метонимический перенос помог создать такие профессионализмы, как: резина – колесо, балахна – картон балахнинской фабрики, рука – рычаг переключения в машине и т.п. В основе того и другого семантического переноса лежит ассоциативное представление. Это подтверждает мнение психолингвистов о том, что «…мы имеем дело в речевой памяти не с собственно семантическими, а с ассоциативными характеристиками» (А.А.Леонтьев 1969: 197). Причем, следует отметить, что базой для семантического словообразования профессиональной лексики служат общеупотребительные слова, точнее, те слова, которые носитель использует чаще всего в речи: кабанок – огнеупорный брус, керогаз – о вертолете, лента – укладка бухты проволоки по длине, сковородка – брак дна стеклянного изделия и т.д. Что также соответствует исследованиям психолингвистов, которые показали, что «…в механизмах речи используется не априорная, скажем, языковая вероятность, частота слов в текстах на данном языке и т.д., а величина, отражающая организацию слов по частоте в деятельности данного носителя языка и – более того – в данной его деятельности» (А.А.Леонтьев 1969: 199).

Слово, обладая особым признаком, соотносится с определенной группой слов, характеризующихся сходными признаками. Именно в этой группе происходит поиск нужного слова путем отбора семантических признаков на основе ассоциативных данных. Сначала устраняются признаки, которыми искомое слово не может обладать, затем происходит последовательный просмотр подходящих признаков. «При этом возникает эффект полного или частичного «резонанса». Частичный резонанс, когда в поиск одновременно втягивается не одно, а несколько слов, близких по своим семантическим признакам» (А.А.Леонтьев 1969: 200-201), что также иллюстрируется системой профессиональной лексики: верблюд и тюльпан – сверлильный станок, Антон и Аннушка – самолет АН и др.

Профессионализмы называют предметы и явления, с которыми имеет дело человек в процессе трудовой деятельности. Функция термина обозначать научно-техническое понятие о предмете или явлении, которое существует в профессиональной сфере. В силу выполняемой функции профес-

сиональная лексика обладает конкретным значением в отличие от терминологических единиц с обощенной семантикой, что определенным образом сказывается на процессе запоминания. Исследования Бренера, Миллера позволили увидеть разницу в запоминании слов с абстрактной и конкретной семантикой. Абстрактные слова запоминаются на 0,52 хуже, чем конкретные, что объясняет абсолютное преобладание конкретной лексики в профессионально-производственной речи

В памяти выделяют три процесса: запоминание, сохранение и воспроизведение. Языковой знак должен быть соотнесен с этими процессами так, чтобы они проходили наиболее успешно. Для лучшего запоминания языковой знак должен быть ярким, выделяющимся среди других. Чтобы легче сохранить, а затем и воспроизвести этот знак, он должен быть еще и похож на уже существующие, известные номинации. Этим требованиям полностью отвечают профессиональные слова. Большинство из них, как отмечалось выше, образовано лексико-семантическим путем на базе общенародной речи. Известно, что этот способ словообразования придает новым единицам образность и выразительность. Например: негр – слесарь, поросенок – межосевой дифференциал, узбек – иностранный самолет и т.п. Кроме названных, в профессионализмах присутствуют и другие коннотативные семы, делающие знак ярким. Эмоциональность и оценка содержится в следующих примерах: малышка – электрокар небольшого размера, брехун – барограф на самолете АН-2, сестричка – гайка и т.п. Как видим, данные слова общеупотребительны, поэтому известны широкому кругу говорящих, следовательно, отвечают требованиям сохранения и воспроизведения информации в памяти.

В профессиональной речи большинства отраслей народного хозяйства содержится минимальное количество иностранных слов. Иностранные слова не отличаются выразительностью, т.к. образ, первоначально содержащийся в слове, не понятен, чужд носителям языка-приемника. При переходе в другой язык слово утрачивает определенное количество сем, в том числе и коннотативных. Иноязычные слова не вызывают известных языковых ассоциаций, поэтому их трудно сохранить в памяти с последующим воспроизведением.

Если в профессиональную речь попадают иностранные слова, то только освоенные общенародным языком, «обросшие» знакомыми ассоциациями, например: анаконда – самолет МИГ-30 , вакуум – тормозная камера, габариты – подфарники, фантомас – аккумулятор, бункера – тестобродильные отделения.

Кроме названной причины, иностранные слова отсутствуют в профессиональной речи и потому, что существует общая предрасположенность «к забыванию их», которая «сказывается в той неравномерности, с какой мы располагаем запасом иностранных слов…» (З.Фрейд 2000: 130)

Как видим, есть объективные условия, объясняющие малое количественное содержание иноязычной лексики в профессиональной речи.

Профессиональная лексика как естественное языковое явление соответсвует всем требованиям, которые предъявляет человеческий мозг для оптимального хранения и использования информации в памяти.

Цитируемая литература:

А.А.Леонтьев. Психолингвистические единицы порождения речевого высказывания. – М., Наука, 1969.

К.Прибрам. Языки мозга. – М.: Прогресс, 1975.

Д.Слобин, Дж.Грин. Психолингвистика /Под ред. А.А.Леонтьева. – М.: Прогресс, 1976.

З.Фрейд. Забывание иностранных слов. // Психология памяти /Под ред. Ю.Б.Гиппенрейтер и В.Я.Романова. – М.: ЧеРо, 2000.

Соискатель З.М.Степанова (Пенза)

УПОТРЕБЛЕНИЕ ПРЕДЛОГОВ ВО ФРАНЦУЗСКИХ И РУССКИХ ПОСЛОВИЦАХ (СТАТИСТИЧЕСКИЙ АСПЕКТ)

Основная задача данного доклада – обратить внимание на общее и особенное в национальных реляционных картинах мира, представленных во французских и русских пословицах.

Решение поставленной задачи в полном объеме, разумеется, невозможно без многопланового контрастивного изучения пословиц двух языков со стороны их формы и содержания. В настоящем докладе мы ограничимся статистическим анализом употребления предлогов во французских и русских пословицах.

Реляционная картина мира, в нашем понимании, представлена совокупностью *реляционных концептов*. Под реляционным концептом нами понимается обобщенное представление об *отношениях* между объектами, явлениями, событиями, признаками и т.п.

Реляционные концепты могут быть выражены релятивными элементами языка, такими как предлоги, союзы, наречия места и времени, падежные флексии.

В работе мы недифференцированно, как полные синонимы, используем термины *реляционный концепт – реляционное представление.*

В качестве имен реляционных концептов мы используем инвентарь наименований значений синтаксем, предложенный Г. А. Золотовой (Г. А. Золотова 1988), внеся в него некоторые изменения и дополнения. Приведем несколько примеров реляционных концептов:

Концепт *локатив* (где?) – представление о местонахождении предмета: фр. *On ne peut pas être au four et au moulin.* Букв.: Нельзя быть (одновременно) в пекарне и на мельнице; *На торной дороге трава не растёт.*

Концепт *директив 1* (откуда?) – представление об исходной точке движения: фр. *La faim fait sortir le loup du bois.* Букв.: Голод заставляет волка выходить из леса; *Без труда не вынешь и рыбку из пруда.*

Концепт *директив 2* (куда?) – представление о конечном пункте движения: фр. *Il ne faut pas aller au bois qui craint les feuilles.* Букв.: Не нужно идти в лес тому, кто боится листьев; *Волков бояться – в лес не ходить.*

Концепт *транзитив* – представление о пути движения предмета: *По которой реке плыть, той и песенки петь; По губам текло, да в рот не попало.*

Четыре названных концепта относятся к концептам пространства, или пространственным представлениям.

Как отмечалось выше, реляционная картина мира отражается в разных релятивных элементах языка. Однако, в силу специфики объекта данной работы мы ограничимся анализом предлогов.

При исследовании семантики предлогов мы используем те же термины (*локатив, директив* и т.д.) для наименования лексико-семантических вариантов предлогов.

Материалом для статистического анализа послужили 400 пар эквивалентных пословиц (см. Французско-русский словарь пословиц 2001). Из анализируемых пословиц были вычленены все лексико-семантические варианты предлогов. На 400 французских пословиц приходится 458 лексико-семантических варианта предлогов, на 400 русских пословиц – 464 варианта. Несовпадение числа пословиц и числа лексико-семантических вариантов предлогов объясняется тем, что в некоторых пословицах содержатся по два, а иногда по три предлога.

Результаты статистического анализа лексико-семантических вариантов предлогов – компонентов пословиц представлены в следующей таблице.

№ п/п	Л С В предлогов	Во французских пословицах		В русских пословицах	
		Число уп-ний	%%	Число уп-ний	%%
1	2	3	4	5	6
1.	*Локатив*	80	17,5	105	22,7
2.	*Директив 1*	12	2,6	47	10,2
3.	*Директив 2*	34	7,4	79	17,1
4.	*Транзитив*	0	0	6	1,3
5.	*Темпоратив*	40	8,7	18	3,9
6.	*Каузатив*	4	0,9	37	7,9
7.	*Финитив*	36	7,9	7	1,5
8.	*Дестинатив*	55	12,1	7	1,5
9.	*Коррелятив*	13	2,9	32	6,9
10.	*Инструментив*	24	5,2	2	0,4
11.	*Посессив*	21	4,6	6	1,3
12.	*Атрибутив*	14	3	7	1,5
13.	*Объектив*	8	1,8	6	1,3

1	2	3	4	5	6
14.	*Комитатив*	15	3,3	24	5,2
15.	*Аблятив*	17	3,8	16	3,4
16.	*Модитив*	24	5,2	7	1,5
17.	*Фабрикатив*	23	5,1	5	1,1
18.	*Интенсив*	3	0,6	10	2,1
19.	*Ситуатив*	5	1,1	5	1,1
20.	*Делиберативе*	6	1,3	8	1,7
21.	*Кондитив*	5	1,1	5	1,1
22.	*Трансгрессив*	2	0,4	2	0,4
23.	*Партитив*	2	0.4	2	0,4
24.	*Сурсив*	3	0,6	4	0,8
25.	*Потенсив*	0	0	5	1,1
26.	*Агентив*	6	1,3	0	0
27.	*Лимитатив*	1	0,2	3	0,7
28.	*Генератив*	2	0,4	2	0,4
29.	*Консекутив*	1	0,2	0	0
30.	*Субститутив*	1	0,2	1	0,2
31.	*Фазитив*	1	0,2	2	0,4
32.	*Дистрибутив*	0	0	4	0,8
ИТОГО:		458	100	464	100

Проведённый статистический анализ лексико-семантических вариантов предлогов позволяет определить рейтинг реляционных концептов, представленных во французских и русских пословицах.

Рейтинг реляционных концептов	Во французских пословицах	В русских пословицах
1 место	*Локатив* (где?)	*Локатив* (где?)
2 место	*Дестинатив* (предназначение)	*Директив 2* (куда?)
3 место	*Темпоратив* (время)	*Директив 1* (откуда?)
4 место	*Финитив* (цель)	*Каузатив* (причина)
5 место	*Директив 2* (куда?)	*Коррелятив* («в соответствии»)
6 место	*Инструментив* (орудие действия) *Модитив* (образ действия)	*Комитатив* («совместно»)
7 место	*Фабрикатив* (из чего изготовлен предмет)	*Темпоратив* (время)

Статистика употребления пространственных лексико-семантических вариантов предлогов в составе французских и русских пословиц отражена в следующей таблице:

		Во французских пословицах		В русских пословицах	
№ п/п	Пространственный ЛСВ	Число уп-ний	% %	Число уп-ний	% %
1	*Локатив* (где?)	80	60,5	105	44,3
2	*Директив1* (откуда?)	12	9,5	47	19,8
3	*Директив2* (куда?)	34	27	79	33,4
4	*Транзитив* (путь движения)	0	0	6	2,5
	Итого:	126	100	237	100

Удельный вес пространственных лексико-семантических вариантов предлогов во всей совокупности ЛСВ предлогов в составе пословиц представлен в следующей таблице:

	Во французских пословицах		В русских пословицах	
ЛСВ предлогов	Число уп-ний	% %	Число уп-ний	% %
Пространственные	126	27,6	237	51,1
Непространственные	332	72,4	227	48,9
Итого:	458	100	464	100

В результате статистического анализа лексико-семантических вариантов предлогов – компонентов французских и русских пословиц – мы пришли к следующим выводам:

1. Среди всех лексико-семантических вариантов предлогов наиболее часто в составе пословиц реализуются лексико-семантические варианты, связанные с представлениями о пространстве. Это касается как русских, так и французских пословиц (соответственно 51,1% и 27,6 %). Это значит, что каждая вторая реализация значения предлога в русских пословицах и почти каждая третья реализация во французских пословицах представляют какой-либо из четырёх пространственных концептов: локатив, директив 1, директив 2, транзитив.

Таким образом, пространственные представления занимают ведущее место в пословичной реляционной картине мира как русских, так и французов.

2. С другой стороны, приведённые выше статистические данные, а также рейтинг реляционных концептов свидетельствуют о том, что удельный вес пространственных представлений во всей совокупности реляционных представлений, отражённых в пословицах, различается по языкам. В русской пословичной картине мира пространственные концепты зани-

мают гораздо более значительное место, чем в пословичной картине мира французов. Иными словами, представления о пространстве (о местонахождении предмета, его перемещении в определённом направлении, по определённому пути) более важны для русского языкового сознания, чем для языкового сознания французов.

3. Представления о времени (*темпоратив*) занимает в пословичной картине мира французов и русских неравновеликое место (соответственно третье и седьмое места – см. рейтинг реляционных концептов). Это означает, что для французов представление о времени протекания действия, события гораздо важнее, чем для русских.

4. По данным пословичного материала, языковое сознание французов устремлено вперёд, в будущее, тогда как языковое сознание русских смотрит, скорее, назад, в прошлое. Об этом свидетельствуют рейтинги таких реляционных концептов, как *дестинатив* (предназначение), *финитив* (цель), *каузатив* (причина).

Во французской реляционной пословичной картине мира очень высок рейтинг концепта *дестинатив* (второе место после концепта *локатив*). Это означает, что для французов чрезвычайно важным оказывается вопрос: для чего предназначена та или иная вещь. Русский пословичный концепт *дестинатив* не входит в число концептов, имеющих высокий рейтинг.

Французский пословичный концепт *финитив* и русский пословичный концепт *каузатив* занимают в рейтинговой таблице одно и то же, четвёртое место. Причём, противоположные концепты (французский *каузатив* и русский *финитив*) в указанной таблице вообще не отмечены. Сказанное со всей определённостью может свидетельствовать о неравноценности концептов цели и причины в рассматриваемых национальных картинах мира: для французов важнее цель действия, для русских – причина Известно, что из двух вопросов: «Кто виноват?» и «Что делать?» русская интеллигенция всегда больше задавалась первым вопросом.

С другой стороны, вероятно, неслучайно, что вопрос «Почему?» по-французски звучит POURquoi и означает буквально «Для чего», т.е. «С какой целью». Как справедливо заметил Г.Д.Гачев, во внутренней форме этого наречия делается акцент на цели, призвании вещи. «То есть вперёд, в Будущее… Отсюда – теории ПРО-гресса, Э-волюции, «жизненного прорыва» (élan vital) – именно во Франции блестяще развивались умами (Руссо, Кондорсе, Ламарк…)» (Г.Д.Гачев 1998: 157-158).

5. Во французской пословичной картине мира важное место занимают, наряду с концептом цели, концепты, связанные с другими аспектами трудовой деятельности – *инструментив* (орудие действия), *модитив* (образ действия), а также концепт *фабрикатив* (представление о материале, из которого изготовляется предмет). Сказанное свидетельствует о важности для французского языкового сознания окультуренных представлений о труде.

Соответствующие русские концепты в рейтинговой таблице не отмечены.

6. В русской пословичной картине мира достаточно высокие рейтинговые места занимают концепты *коррелятив* (пятое место) и *комитатив* (шестое место).

Концепт *Коррелятив* (в соответствии) представлен в многочисленных пословицах типа *По заслугам и честь, По месту и почёт,* отражающих справедливую оценку труда человека как основание для уважительного (или иного) отношения к людям.

Концепт *комитатив* (совместность действия) отражает известный коллективизм, историческую соборность русского народа.

Концепты *коррелятив* и *комитатив* во французской пословичной картине мира занимают незначительные места.

Таким образом, общим во французской и русской реляционных пословичных картинах мира является первостепенность пространственных представлений.

Особенным является неравноценность в национальных реляционных картинах мира пространственных и некоторых непространственных концептов (*темпоратив, дестинатив, финитив, каузатив, и др.)*

Цитируемая литература:

Гачев Г.Д. Национальные образы мира: Курс лекций. – М.: Издательский центр “Академия,” 1998. – 432 с.

Золотова Г.А. Синтаксический словарь: Репертуар элементарных единиц русского синтаксиса / Отв. ред. Ю.Н. Караулов: АН СССР, Ин-т рус. яз. – М.: Наука, 1988. – 439 с.

Французско-русский словарь пословиц и поговорок /Составитель В.А.Гнездилова. – М.: «Мирта-Принт», 2001. – 64 с.

Соискатель Т.А.Степина (Пенза)

СТЕРЕОТИПЫ ВОИНСКОГО ОБЩЕНИЯ В УСТАВАХ XVII-XX ВЕКОВ

Условия армейского социума создают максимальные возможности для формирования различного рода стереотипов, в том числе и речевых. В этой связи стереотипы воинского общения являются перспективным объектом исследования как с точки зрения задач оптимизации процесса коммуникации, так и описания языка как явления воинской субкультуры. Об этом свидетельствует также ряд работ, где изучаются когнитивные (Ю.М.Носов, В.С.Агеев, В.А.Рыжков), сравнительные (Ю.Т.Мартынов), прагматические аспекты (Е.А.Елина) стереотипов воинского общения. Установлено, что основным признаком стереотипов является устойчивость структуры, а в качестве главной функции – «экономия внимания, (энергии), и в итоге социальная регуляция поведения» (Н.А.Рождественская

1986: 69-76). Другими словами, стереотипы воинского общения – это речевые единицы с постоянным лексическим составом и устойчивой структурой, выполняющие регулятивную функцию и имеющие письменную фиксацию в законодательных воинских документах. К таким единицам мы относим воинские команды, формулы воинского речевого этикета а также воинские доклады. В воинском субъязыке указанные единицы образуют специфическую микросистему языковых единиц.

Стереотипы воинского общения противопоставлены формулам общенационального речевого этикета как единицы, референциально соотнесенные с военным делом и связанные с выполнением коммуникантами профессионально-ролевых функций. Внутри сферы профессионального воинского общения стереотипные единицы противопоставляются, с одной стороны, фразеологическим единицам (*пулеметное гнездо, принять строевую стойку* и др.), как речевые средства регуляции речевым средствам «распредмечивания» (по Н.К.Гарбовскому 1989). С другой стороны, в системе речевых средств регуляции профессиональной воинской деятельности стереотипные высказывания противопоставляются нестереотипным, как устойчивые структуры свободно комбинируемым.

Генетический аспект исследования предполагает установить причины возникновения и характер эволюции микросистемы стереотипов воинского общения в системе воинского субъязыка и заключается в том, что языковые средства данных единиц рассматриваются в их историческом изменении. Для этого в качестве материала привлекаются документы, регламентирующие деятельность военнослужащих с XVII по XX вв.

Происхождение стереотипов воинского общения тесным образом связано с развитием армейской системы обучения и воспитания, причем потребность в стереотипах как элементе данной системы появилась позднее возникновения первых полков. Этим объясняется отсутствие стереотипов в самых ранних воинских уставах 1511 и 1607 гг. Общая малочисленность войска в начале XVII века (15–20 тыс.) и его функционирование только на время боевых действий не требовали каких-либо особых средств регуляции. Отсюда малая значимость стереотипов общения в системе воинского субъязыка.

Потребность в стереотипах общения в середине XVII века была обусловлена новыми требованиями боевой практики в связи с реорганизацией армии и увеличением роли огнестрельного оружия в бою. Впервые стереотипы воинского общения нашли отражение в уставе 1647 года “Учение и хитрость ратного строения пехотных людей”. В этом документе содержится значительное количество “слов, которые при учении ведутся...”, применявшихся при строевом обучении солдат приемам с копьями и мушкетами и различным движениям и действиям, необходимым для военного построения пехотных подразделений – воинских команд: *Наклоняся прямым телом левое колено согни и постави ту же ногу наперед, а правую потяни назад, изворотя ногу поперек наупор; Сойми фетиль с курка; Возьми мушкет правою рукою вниз* и др.

Потребность в субординации, явившаяся следствием создания Петром I регулярной армии, увеличения ее численности привели к повышению роли стереотипных единиц в системе воинского субъязыка, увеличению их количества и расширению функций. В Уставе 1719, наряду с командами, впервые зафиксированы формулы воинского речевого этикета – *Слушай!* как формула привлечения внимания, а также воинские обращения, представляющие собой социально-профессиональные регулятивы: *Если идет стрельба по плутонгам, то полковник скажет: Господа офицеры, управляйте в своих ротах*. Однако приведенные стереотипы являлись единичными, поскольку единая система воинских званий, а, следовательно, и обращений законодательно оформилась в 1722 году Табелью о рангах.

К концу XIX века в войсках уже функционировала дифференцированная система субординационных отношений, которая была закреплена в уставах: *Младшие должны титуловать...генералов от инфантерии...– Ваше Высокопревосходительство, генерал-лейтенантов... – Ваше превосходительство, всех генералов, имеющих титул князя или графа – Ваше Сиятельство...* (Устав внутренней службы 1910). В это же время получают распространение такой тип, как доклады.

Современный этап развития стереотипов воинского общения характеризуется увеличением общего количества единиц за счет увеличения их видов: стереотипы воинского общения, применяемые при проверке транспортных средств, предъявлении требований, просьб, увеличении количества таких видов, как доклады и т.д.

Результаты анализа показывают, что значимость стереотипов воинского общения в системе воинского субъязыка возрастает, о чем свидетельствуют рост их удельного веса и расширение функционального поля. Следовательно, можно говорить о повышении стереотипности воинского общения в целом.

Соискатель Е.Г.Стешина (Пенза)

ПАРЕМИИ КАК СРЕДСТВО ОБЪЕКТИВАЦИИ КОНЦЕПТА «БЕДНОСТЬ» В РУССКОМ И ФРАНЦУЗСКОМ ЯЗЫКАХ

У каждого народа с давних времён в речевом обиходе наряду со словами и устойчивыми сочетаниями слов используются и устойчивые фразы, одну из разновидностей которых составляют паремии. Они привлекают говорящих своей семантической ёмкостью и способностью к употреблению в различных речевых ситуациях и с разными речевыми целями. Как представляется, эти единицы образуют одну из семиотических подсистем, обеспечивающих процесс полноценной коммуникации носителей одного языка. Под паремиями понимаются вторичные языковые знаки – замкнутые устойчивые фразы (пословицы и поговорки), являющиеся маркёрами ситуаций или отношений между реалиями.

Обращение к пословично-поговорочному фонду языка способствует наиболее полному описанию всех сторон концепта, раскрытию его нацио-

нально-культурных особенностей. Пословицы показывают не только отношение к какой-то конкретной ситуации, они дают возможность выявить специфику оценочных предпочтений общества и их мотивировку, установить систему ценностных ориентаций культуры, определить совокупность господствующих норм культуры определенного народа. (Л.Б.Савенкова)

По мнению В.И.Карасика, именно нормативные ситуации отражены в языке и в наиболее эксплицитном виде представлены в пословицах, которые в сжатом виде содержат наиболее существенные предписания и оценки поведения людей (В.И. Карасик 2002: 31).

Анализ паремий и афоризмов дает исследователю информацию прежде всего о содержании интерпретационного поля концепта.

Интерпретационное поле концепта составляют многочисленные его оценки и трактовки, стереотипные мнения и суждения, выстраиваемые на базе концепта, которые высказывались и высказываются разными людьми и имеют хождение в обществе.

Анализ интерпретационного поля показывает, как шло развитие признаков концепта по мере его осмысления в разное время, в разных обстоятельствах, как относились или относятся к тому или иному концепту разные группы людей и отдельные люди.

Разумеется, признаки, извлеченные из интерпретационного поля, образуют периферию концепта, его поверхностные слои, быстро изменяющиеся с течением времени и изменением обстоятельств, но без них содержание изучаемого концепта остается недостаточно полным. (З.Д. Попова, И.А. Стернин 2003: 129,130)

Для нашего исследования отобраны 180 пословиц, из них 83 русских и 97 французских. Анализ пословичных выражений французского и русского языков позволил нам выделить 32 когнитивных признака, из них относящиеся только к русскому сознанию – 7, французскому – 11.

Предполагается, что во французской и русской лингвокультурах данный концепт имеет множество совпадающих когнитивных признаков, отраженных в исследованных паремиях:

1) бедность подразумевает отсутствие достаточных средств к существованию: Беднее всех бед, как денег нет. L'argent va au pauvre, tout comme une selle a une vache. 2) осуждение бедности: Бедность не порок, а вдвое хуже. La pauvreté est une première mort. 3) бедность нельзя осуждать: Бедность не порок. Pauvrete n'est pas vice. 4) бедность приносит страдания и зло: Бедность в клюку гнет. Celui qui vient pauvre, vient mauvais. 5) у бедности появляется чувство зависти: Бедный по чужому тужит. Grasse cuisine, la pauvrete pour voisine. 6) неприхотливость бедности: У бедного и два гроша - куча хороша. A pauvre coeur, petit souhait. 7) у бедности много времени для безделья: Бедный времени не ищет. Qui a 20 ans n'a pas de barbe qui lui pousse, a 30 ans ne se marie, a 40 ans n'a rien sera toujours celibataire et pauvre. 8) бесправие бедности: Богатому идти в суд – трын-трава; бедному – долой голова. Un pauvre ne doit point avoir de colere. 9) предопределенность беды для бедняка: Бедному Кузеньке и бедная песенка. На бедность

и с соседней стрехи каплет. A riche homme, sa vache souvent vele, et au pauvre avorte. 10) бедность – состояние бедняка: Бедный в нуже - что жаба в луже. De pauvre eveque, pauvre eveche. 11) богат ли беден – все равны перед богом: Богатый не золото ест, а бедный не камень гложет. Le riche et le pauvre sont tous deux pareils dans le cercueil. 12) у бедности свое счастье: Счастье бедному – алтын; богатому – миллион. Enfant et rire, richesse de pauvre. 13) бедность вызывает презрение и нежелание общаться: Богатый бедному не брат. Mieux aimerais etre néant que d'etre pauvre et n'avoir rien. 14) бедность заставляет работать: Le pauvre qui s'attacha a mendier a une seule porte, mourut de faim. Богатство с рогами, бедность с ногами.

Но вместе с тем исследуемый концепт характеризуется специфическими когнитивными признаками, которые в разной степени оказываются актуальными для носителей сравниваемых лингвокультур и которые существуют в особых признаковых объединениях, не совпадающих в сознании французов и русских. Так, можно выделить следующие когнитивные признаки концепта «бедность», характерные только для французского сознания (в скобках отмечено количество пословиц):

1) праздный образ жизни ведет к бедности (8): Chanter au lit, siffler à table, rendent un riche pauvre; Le jeu, la femme et vin friand font l'homme pauvre tout en raint; Qui dort jusque'au soleil levant, il meurt pauvre finalement. 2) женщина приносит бедность (4): Qui ecoute sa femme et son cure ne manquent point de pauvrete. De femmes méchantes et de la pauvrete, seigneur, veux tu nous proteger? 3) бедность появляется из-за оскудения нравственных качеств (4): Il est bien pauvre qu'il n'a que prommettre. 4) разбогатевшая бедность опасна (3): Il n'est si grand depit que de pauvre orguilleux. Un pauvre enrichi est toujours le plus fier. 5) бедность – это разновидность скряжничества (2): L'homme chetif pauvre et mesquin de chacun est proche et voisin. Pauvrete est une espece de ladrerie. 6) бог не любит бедность(3): Il est tant pauvre, que Dieu le cerche pour tuer. Qui est pauvre est en enfer. 7) из бедности рождается неверность (2): En grand pauvrete n'a pas grand loyaute. 8) бедности следует помогать(2): L'aumone au pauvre n'appauvrit pas. Argent sert au pauvre de bénéfice et à l'avare de grand supplice. 9) бедность может быть честной(2): Pauvre et loyal. Pauvre et prud'homme. 10) можно избежать бедности (3): Qui saurait sa bonne aventure, jamais on ne serait pauvre. 11) бедность – не предмет для зависти (2): Pauvre, chétif et malheureux ne sont sujets aux envieux.

Когнитивные признаки, выделенные в результате анализа русских пословичных выражений:

1) бог милостив к бедности (4): И бедный украдет, да его бог прощает. Бедно живет, да по-божьи. 2) бедность вызывает безразличие (2): Никто того не ведает, как (где) бедный обедает. Убыль его (бедняка) никому не бедна. 3) поучительность бедности (2): Бедность учит, а счастье портит. Бедный знает и друга и недруга. 4) для бедности характерна беспечность(2): Бедный песни поет, а богатый только слушает. 5) бедность человечна (2): У бедного шуба овечья, а та же душа человечья. 6) беднота все-

гда бедна (1): Богатство на час, а бедность до веку. 7) бедность может быть щедрой (1): Что беднее, то щедрее.

Анализ показывает, что совпавшие когнитивные признаки неоднозначно оцениваются русскими и французами и обладают разным статусом в языковом сознании:

1. Самая многочисленная группа пословичных выражений в русском языке – 17, во французском языке – 8, как и следовало ожидать, бедность подразумевает отсутствие достаточных средств к существованию. Приведенный признак является ядерным и совпадает с семантическим анализом лексемы «бедность» разными толковыми словарями. Ядро концепта объективируется в русском языке лексемой «бедность». Толковые словари дают возможность судить о семантике лексемы, репрезентирующей концепт «бедность».

Семантика лексемы «бедность» в словаре В. И. Даля отображается в толковании слова «бедный», где «бедность» - состояние бедного; недостаточность, неимущество, убожество, скудость, нищета, голь, нагота, досада, обида, огорчение, неудача. Бедность не стыд, или не порок.

Современный толковый словарь под редакцией С.А.Кузнецова (2002) предлагает следующие дефиниции лексемы «бедность»:

1. Состояние, положение бедняка, нужда (1 зн.) Жить в бедности.

2. Убогость, неприглядность. Бедность обстановки.

3. Недостаточность чего-л., скудность в ч.-л. Бедность воображения.

Из сем данных значений ключевой лексемы мы можем выделить первичные концептуальные признаки изучаемого концепта:

Бедность – это состояние бедняка.

Бедность выражает скудность, недостаточность.

Французский словарь – Dictionnaire Alphabetique et Analogique de la langue Francaise par Paul Robert предлагает три семемы лексемы «pauvrete»:

1. Etat d'une personne qui manque de moyens materiels, d'argent, insuffisance de ressources. Loc. prov. *Pauvrete n'est pas vice*. // Aspect pauvre, miserable. *La pauvrete d'un quartier ouvrie*.

2. Insuffisance materiel ou morale. *Pauvrete du sol. Pauvrete intellectuelle*.

3. Une pauvrete : action ou parole basse, ridicule, et specialt. chose commune, vulgaire, banale ou insignifiante dans le domaine intellectuel, litteraire.

« ... je l'entendis (ma mere) qui disait a l'oreille de mon pere : - Quelles pauvretes on apprend a cet enfant ! – Ce sont, en effet, de grandes pauvretes, dit mon pere. Que voulez-vous aussi qu'une vieille fille entende a la pedagogie ?» FRANCE, Livre de mon ami, Livre de Pierre, V.

Исходя из данных словаря, мы смогли выделить следующие когнитивные признаки значений лексемы «pauvrete»:

Бедность – это состояние человека, у которого нет денег, материальных средств.

Бедность – материальное или моральнаое обнищание**.**

Бедность означает низкое или смешное действие или слово, и банальный, вульгарный, незначительный поступок (в области литературы, духовной жизни).

В нашей работе выявлено значение лексемы “pauvrete - низкое или смешное действие или слово, и банальный, вульгарный, незначительный поступок, касающийся области литературы”, которое не дается ни одним русским толковым словарем. Таким образом, мы столкнулись в нашем исследовании с явлением лакунарности.

В данном случае мы имеем дело с немотивированной межъязыковой лакуной, где мотивированные лакуны – отсутствие соответствующего предмета или явления в национальной культуре (лапти, щи, матрешка, балалайка, вечер пятницы, суббота и воскресенье), немотивированные лакуны не могут быть объяснены отсутствием явления или предмета (сутки, кипяток, добрый, вечер после работы).

Концепты, представленные немотивированными лакунами, есть в сознании русского человека, он, несомненно, выделяет соответствующие явления в окружающей действительност, оперирует ими как мыслительными единицами в процессе мыслительной деятельности, но эти концепты не имеют в русском языке стандартного языкового выражения. Вероятно, это коммуникативно нерелевантные концепты, которые являются одновременно неустойчивыми. Общая причина отсутствия для имеющихся концептов средств системной языковой объективации несомненно - отсутствие коммуникативной потребности, в результате чего не осуществлена номинация. (З.Д.Попова, И.А.Стернин 2003: 41,42)

Суммируя результаты проанализированных источников, можно сделать вывод, что приведенные дефиниции толковыми русскими и французским словарями совпадают в определении убогости, скудности, ограниченности бедности, однако французский словарь, как и любое западное общество, настаивает на материальной стороне вопроса, что отражает западный склад ума, в то время как русское сознание не концентрирует свое внимание на денежной стороне вопроса, выражая тем самым идею того, что бедность может быть как физическая так и моральная. Наличие явления лакунарности говорит о национальной специфике мышления, которая обусловлена не национальным языком, а национальной действительностью.

Как мы видим из полученных результатов, как русское, так и французское сознания отождествляют бедность с недостаточным количеством материальных благ. Этот признак является ядерным для обоих языков.

2. Самыми актуальными для носителей русского языка являются паремии, которые выражают идею того, что у бедности нет выбора (11), так как все горести и беды уготованы ей. Для русской «бедности», как и для русского человека характерен фатализм, то есть – что написано судьбою, того не изменить. Покорность судьбе, смирение с положением дел, нежелание что-то изменить – эти качества ярко проявляются как признаки концепта «бедность» на протяжении всей истории России. История же французского государства, напротив, представляет французов, как нацию бун-

товщиков, готовых к борьбе, к изменению судьбы. По этой причине выделенный признак признается менее важным для французской лингвокультуры (3).

Западные народы в целом прагматичны, утилитарны, рациональны. Для русских более характерна пассивная жизненная позиция, фатализм, леность, созерцательность, мечтательность. В этом отношении русские более близки к восточным, особенно мусульманским нациям, чем к западным и, вероятно, прав был Р.Киплинг, назвав русских «самым западным из восточных народов» – в отличие от российских интеллигентов, считавших русских «самым восточным» из народов западных (З.Д.Попова, И.А.Стернин 2003: 142).

3. Самая многочисленная группа во французском языке – это пословичные выражения, выделяющие бедность, как объект презрения(12). В русском языке насчитывается таких пословиц – 3. Яркий показатель в различие оценки человека, которого преследует бедность в русской и французской лингвокультурах. Бедность по-русски связана с обреченностью, невезеньем, подчинением судьбе, по-французски – с элементом презрения, так как человеку нужно иметь «право «свободной воли», человек может бросить вызов и противостоять судьбе». Именно свободная воля, по мнению Ежи Фарыно, и определяет разницу между православием и католицизмом, между русским и западным отношением к жизни (В.И.Карасик 2002: 171).

4. В нашем исследовании отмечен признак: праздный образ жизни приводит к бедности, относящийся только к французскому языковому сознанию и насчитывающий 9 пословичных выражений. Присутствие данного признака во французском пословичном фонде говорит, что не одно разорение, банкротство произошло по причине вина, женщин и игры. Этот яркий признак относится к ближней периферии концепта.

5. Когнитивный признак у бедности свое счастье также насчитывает 9 пословичных выражений во французском языке. Французское языковое сознание находит счастье для бедности в здоровье, детях, уме, силе, понимании окружающих. Русский человек находит счастье бедности в детях.

6. Отмечается с одной стороны осуждение бедности как русским народом (8), так и французским (5); с другой же стороны – бедность не осуждаема в русском (5) и во французском (5) языках. Такого рода противоречивость культурно значимых ориентиров, обозначенных в паремиях, В.Н.Телия объясняет тем, что язык может отражать и доминирующие факты группового или корпоративного, а не только общенародного самосознания (В.Н.Телия 1996: 45). Более того, как отмечают З.Д.Попова и И.А.Стернин, в интерпретационном поле можно найти разнообразные суждения и оценки, часто противоречивые, но зато представляющие признаки концепта в полном объеме. Один и тот же концепт как бы поворачивается разными сторонами к разным людям, и благодаря этому становится очевидной многослойность и многомерность каждого концепта.

7. В русском языковом сознании обращает на себя внимание такой признак изучаемого концепта, как бедность приносит страдания и зло(8). Также дается отрицательная оценка бедности и во французском языке(4). Это позволяет предположить, что признак тяжелой доли для бедности является фактом языкового сознания обоих языков.

8. Интересно отметить, что во французском языке разбогатевшая бедность опасна(3), это говорит о том, что, во-первых, нельзя доверять разбогатевшим людям; а во-вторых, бедность не вечна и из нее можно выбраться. В нашем исследовании мы не находим ни одной русской паремии, содержащий подобный признак, по той причине, что при установленном укладе русского народа невозможно выбраться из нищеты и при этом добиться высокого положения.

9. Национально-культурное своеобразие мы находим в отношении Бога к бедности в двух лингвокультурах. У русских – Бог милостив к бедности (3), одним из возможных объяснений этого положения дел является особый статус милосердия как православной добродетели. У французов бедность вызывает отрицательное отношение Бога к бедности (3). По всей вероятности это можно объяснить многовековой борьбой между католиками и протестантами. Вечные распри внутри церкви ведут к расколу внутри мировоззренческой картины к религии.

10. Анализ представленного материала показывает, что сущность бедности находит приблизительно одинаковое отражение в пословичных выражениях обоих языков в следующих когнитивных признаках: зависть, неприхотливость, бесправие, безделье бедности, которые присутствуют практически одинаково в обоих языках. Проанализированные признаки являются периферийными для русского и французского сознания.

Сопоставительный анализ французских и русских пословиц, связанных с выражением значения концепта «бедность», показал, что приведенные пословичные выражения совпадают в определении недостаточности средств, скудности, ограниченности бедности. Нельзя не отметить, что имеет место некоторая вариативность в структуре образного содержания исследуемого концепта: французское сознание настаивает на материальной стороне вопроса, в то время как русское мышление больше стремится к чувственно-эмоциональной трактовке, что обусловлено определённой национальной спецификой ценностной картины мира и культурно-фоновых знаний каждой из лингвокультур.

Цитируемая литература:

Даль В.И. Пословицы русского народа. – М.: ННН, 1994. – 616 с.

Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка. В 4 т. – Т. 1. – СПб.: ТОО Диамант, 1996. – 784 с.

Карасик В.И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс. – Волгоград, 2002. – 477с.

Попова З.Д., Стернин И.А. Очерки по когнитивной лингвистике. – Воронеж, 2001. – 191с.

Современный толковый словарь русского языка. / Под ред. С.А. Кузнецова. – СПб.: «Норинт», 2002. – 960 с.

Телия В.Н. Русская фразеология. Семантический, прагматический и лингвокультурологический аспекты. - М.: 1996. – 288 с.

Французско-русский фразеологический словарь / Сост. В.Г.Гак, И.А.Кунина и др. - М.: 1963. – 1112 с.

Dictionnaire alphabetique et analogique de la langue franзaise/ P.Robert. – Vol.5. – Paris: Societe du nouveau littre Le Robert/ Paris XI, 1980. – 894 p.

Канд. филол. наук Т.Ю.Тамерьян (Владикавказ)

ЯЗЫКОВАЯ ИДЕНТИФИКАЦИЯ КАК КОМПОНЕНТ КУЛЬТУРНОГО САМООПРЕДЕЛЕНИЯ

Трактовка понятия «родной язык» (РЯ) осуществляется с учетом влияния различных факторов – психологических, этнических, культурных, социально-исторических, коммуникативно-прагматических. Родной язык может совпадать с этническим или принадлежать другому этносу. Несовпадение родного языка и языка национальной принадлежности чаще всего объясняется внелингвистическими факторами: неоднородностью национального состава республики, ролью изучаемого языка, смешанными браками.

Требуется отдельно отметить функциональные подмены понятий, производимые рядом авторов, когда ставится знак равенства между терминами первичный/вторичный языковой код, первичная/вторичная языковая система и сущностно ошибочным термином первичный/вторичный язык, который наряду с термином первый/второй язык выступает в качестве синонимичной замены (Е.М.Верещагин 1969 и др.). Более того, Т.А.Бертагаев предлагает дифференцировать понятия вторичного и второго («родного») языков. «Вторичный родной язык – это язык, который наслоен на материнский. Носитель не владеет им с детства. В отличие от вторичного вторым родным языком называется язык, бытующий в семье (например, при смешанном браке) и являющийся родным для ребенка наравне с другим языком» (Т.А.Бертагаев 1972: 83).

Т.Ю.Позднякова, ссылаясь на мнение ряда авторов, констатирует, что в родном языке присутствуют два начала – этническое и межэтническое, а в неродном языке только одно начало, предстающее именно как код (как средство общения) (Т.Ю.Позднякова 1999: 64). Ю.Д.Каражаев, реинтерпретируя изложенное, уточняет, что «если второй (не-родной) язык есть просто код межэтнического общения, то родной язык также предстает кодом, но уже внутриэтнического общения» (Ю.Д.Каражаев 2001: 6). Как продолжает далее автор, дух родного языка сокрыт в своеобразных энтимемах (пресуппозициях), в этнопассиопарности, в этноритмах, представ-

ляющих собой некий метафорический мир – этномировоззренческо-понятийную копию реальной действительности (Ю.Д.Каражаев 2001:7-8).

Правомерно заключить, что родной язык не является «врожденным», доминантным или функционально активным, его статус устанавливается личностью, а не приравнивается к государственному или официально принятому языку.

«Есть все основания говорить о наличии в языковом сознании билингва единой модели языковой идентификации, а не как принято считать, разнообразных комбинаций разнородных признаков родного языка» (Т.Ю.Позднякова 1999: 66). Если родной язык, по выражению Ю.Д.Апресяна, входит в «личную сферу говорящего» как неотъемлемое свойство личности, то неродной язык может быть исключен из личной сферы языкового опыта билингва как «средство общения» (Т.Ю.Позднякова 1999: 67).

Опираясь на мнение Р.И.Хашимова о необходимости наличия оснований для признания билингвом какого-либо языка родным (Р.И.Хашимов 1987:94), мы предлагаем следующую процедуру идентификации:

1) осознать свою этническую принадлежность или идентифицировать себя как индивида, принадлежащего к одному или более этносам;

2) осознать общность психического склада с соответствующими нациями и народностями;

3) осознать общность культуры;

4) осознать общность мировоззренческо-понятийного плана;

5) осознать/ощутить общность этнических языковых картин мира.

Канд. пед. наук Г.В.Фадина (Балашов)

КОРРЕЛЯЦИЯ РЕЧИ И МЫШЛЕНИЯ ДЕТЕЙ В ПЕРИОД ДОШКОЛЬНОГО ДЕТСТВА.

Дошкольный возраст очень важен для психического развития, так как на первое место выходит целенаправленная познавательная деятельность, в процессе которой происходят существенные изменения в психической сфере. Постепенно ведущее место в структуре познавательных процессов начинают занимать мышление и речь.

Мышление – это процесс обобщенного и опосредованного отражения сущностных характеристик, причинно-следственных связей между явлениями окружающей действительности посредством вербализации. Особенности развития мышления в период дошкольного детства проявляются в переходе от наглядного уровня мыслительной деятельности к абстрактно-логическому, от конкретного к проблемному, что отражается в гибкости, самостоятельности и продуктивности мышления.

Развитие мышления оказывает позитивное влияние на развитие смысловой стороны речевой деятельности дошкольника. Речевая деятельность совершенствуется в количественном и качественном отношении:

– развивается регулирующая функция речи, которая помогает регулировать деятельность и поведение;

– складывается планирующая и инструктивные функции речи, проявляющиеся сначала в игровой, а затем и в учебной деятельности;

– совершенствуется звуковая сторона речевой деятельности: преодолеваются дефекты звукопроизношения, фонематического слуха и восприятия;

– совершенствуется смысловая сторона речевой деятельности: обогащается словарный запас, появляется лексическая вариативность, формируется связность речи, дети овладевают монологом.

Параллельное развитие речи и мышления сказывается на систематизации семантических полей, развитие морфологии и синтаксиса, совершенствование фонетики и фонематических процессов. В старшем дошкольном возрасте речь и мышление объединяются, образуя речемыслительную деятельность. В процессе речемыслительной деятельности формируются логико-грамматические конструкции русского языка, совершенствуются операции планирования и программирования. Активизация мыслительной деятельности детей влияет на уровень сформированности языковой компетентности детей.

Канд. пед. наук Е.Ю.Филатова (Балашов)

РАЗВИТИЕ ТВОРЧЕСКИХ СПОСОБНОСТЕЙ ДЕТЕЙ СТАРШЕГО ДОШКОЛЬНОГО ВОЗРАСТА (В СВЯЗИ С РАЗВИТИЕМ РЕЧИ)

Мы рассматриваем творчество как совокупность представлений и образов в речевой деятельности, так как развитие творческих способностей наиболее эффективно, если оно осуществляется в неразрывном единстве с развитием речи, с обогащением и активизацией словаря.

Каждый период детства создает благоприятные условия для проявления и развития способностей. Наиболее своеобразен в этом отношении дошкольный возраст, когда бурно развивается творческий характер деятельности.

По нашему мнению, развивающая среда представляет собой комплекс психолого-педагогических условий развития творческих способностей в организованном пространстве креативного поля. Среди них мы выделяем следующие:

1. Образовательное пространство: система занятий по развитию вербального творчества, ориентация на зону ближайшего развития детей, создание условий и средств организации обучения и развития, технология обучения: методы и приемы, формы, средства обучения; проблемность обучения, система упражнений, активизирующих речевое и творческое развитие.

2. Коммуникативное пространство: сформированность коммуникативных навыков, взаимодействие детей в процессе продуктивных видов деятельности, полноценное межличностное общение, стиль общения педа-

гога, совместная деятельность, позитивное сотрудничество педагога с детьми.

3. Коррекционное пространство: коррекция речевого развития, коррекция познавательного развития, коррекция эмоционального и коммуникативного развития.

4. Развивающее пространство: система развивающих занятий, упражнений и игр, направленных на формирование творческого потенциала, творческой самостоятельности, стимулирование творческой активности.

Для оценки уровня развития творческих способностей мы выделяем следующие критерии: сформированность компонентов речевой деятельности, сформированность креативных компонентов процессов познавательной дейтельности, сформированность операций мыслительной деятельности, активность творческой деятельности. На основе интегральных качественных критериальных показателей были выявлены и описаны уровни развития творческих способностей детей старшего дошкольного возраста средствами обогащения и активации словаря.

Репродуктивный уровень характеризуется ограниченным словарным составом речи, непониманием обобщенного и отвлеченного смысла слов, однообразностью в конструировании текста, затруднениями в подборе слов близких или противоположных по значению.

Предтворческий уровень отличается тем, что словарный запас соответствует возрастным особенностям, предложения простые, высказывания контекстные, речь связная, частичное понимание обобщенного и отвлеченного смысла слов, вариативность ограничена стереотипными конструкциями, словесные ассоциации не оригинальны.

Творческий уровень – достаточный словарный запас, сложные распространенные предложения, внеситуативные высказывания, использование вербальных и невербальных средств общения, речь развернута, понимание обобщенного и отвлеченного смысла слов, семантико-синтаксическая и лексико-семантическая вариативность речи, умение использовать обогащенный словарный запас при придумывании рассказов, сочинении сказок, нахождении синонимов и антонимов к разным частям речи; высокий уровень образной и словесной памяти; вербальное воображение: точность в выборе словесных ассоциаций.

Соискатель Е.А.Хомяков (Пенза)

КОНЦЕПТЫ *«ПРАВДА»* И *«ИСТИНА»* В ЛЕКСИЧЕСКОЙ НОМИНАЦИИ

В последнее время большую актуальность получили исследования языка в плане антропоцентрического подхода. В рамках данного подхода эксплицитно провозглашается принцип постижения языка в тесной связи с бытием человека. Способность осмысливать окружающий мир является одной из главных характеристик человека. В обобщенной форме в языке представлен жизненный опыт человека, продукт его познавательной дея-

тельности и мышления. Язык есть отражение действительности, вместилище знаний, памятник истории. Через язык выражается менталитет народа. Познание народа будет не полным и даже невозможным без изучения языка. А, с другой стороны, природа языка понимается и объясняется исходя из человека (народа) и его мира. Подчеркивая своеобразие и уникальность слова естественного языка, Л.В. Щерба указывал на то, что мир, который нам дан в нашем непосредственном опыте, оставаясь везде одним и тем же, постигается различным образом в различных языках, даже в тех, на которых говорят народы представляющие собой единство с точки зрения культуры. Более того, известно, что слова разных языков даже для более или менее тождественных понятий часто бывают, различны по своим вторичным ассоциациям (Л.В.Щерба 1974: 69). Каждый язык по-своему расчленяет реальный мир, и у каждого народа создается своя картина мира. В каждом языке складывается специфическая система концептов. Определенная картина мира и система концептов вместе с языком передаются из поколения в поколение и определяют специфику моральных норм, социально-политических форм и институтов, ценностных ориентаций. Фактический материал показывает, что процесс концептуализации действительности национально и культурно специфичен, и это особенно ярко проявляется в способах вербализации идеальных сущностей, в основе которых лежат те представления о стоящей за именем абстрактной сущности, которые сложились в данной культуре и переданы традицией, в частности и через язык.

В связи с вышесказанным можно заявить в отношении концептов *истина* и *правда* то, что они могут как совпадать в определенных точках лексического пространства, так и демонстрировать специфические сущности. В данной работе мы рассматриваем сосуществование концептов *правда* и *истина* в русской, французской и немецкой культурах.

Будучи широко представленными в этническом языковом сознании, понятия *правда* и *истина* обладают богатейшей концептуальной нагруженностью, несут в себе значимую информацию о мировоззренческих парадигмах, бытующих в национальном культурном пространстве, о своеобразии народного мышления, об особенностях национального духа. Очевидно, что концептуальная корреляция выше обозначенных понятий довольно не тривиальна. Эти термины охватывают пересекающиеся понятия, они весьма близки по своему общеупотребительному значению, но все же не тождественны. Их смысловые поля обладают определенной спецификой. В интеркультурном плане проблема заключается, прежде всего, в неравномерном членении ноэтического поля данных концептов в разных языках. Так, французскому *la vérité* и немецкому *die Wahrheit* в русском языке соответствуют два слова: *истина* и *правда.*

Нередко *правда* и *истина* в русском языке употребляются как взаимозаменяемые понятия, что не совсем верно. Неточное осознание данных языковых единиц и неправильное их использование может привести к ошибочному толкованию явлений действительности, а в последующем и к

взаимонепониманию. Необходимо также обратить внимание на то, изначально основными значениями древнерусского *правъ* были – 1. прямой, гладкий, ровный; 2. прямой, без изгибов, не отклоняющийся вправо или влево; 3. правильный, верный (Р.М. Цейтлин 1996:137). В отношении понятия *истина* наиболее убедительной представляется этимология В.Н.Топорова: «более внимательное изучение славянских фактов показывает, что древнейшим значением в слав. istъ нужно считать как раз «тот самый, именно тот», и лишь в последствии в условиях различных контекстов появились значения «настоящий, истинный, действительный», причем чаще всего они закрепились не за прилагательным istъ, а за его производными istьny, istinьnъ, istovъ, которые в свою очередь могли влиять на изолированное производное istъ». Синонимичное употребление лексем *правда* и *истина* в значении «то, что было в действительности» является вторичным. В русском языке оно получило распространение после 14 века. (Р.М.Цейтлин 1996: 160; М. Фасмер 1986: 144).

Таким образом, уже на уровни этимологии понятия *правда* и *истина* в русском языковом сознании демонстрируют в структуре своего семантического ядра определенные различия. Основные смыслы, выражаемые данными терминами, сохранились и по сей день, определяя тем самым их функционирование в современном языке. Принимая во внимание тот факт, что смысловая конфигурация концептов *правда* и *истина* несет в себе специфический характер, мы будем рассматривать данные понятия как два самостоятельных, представленные в русском языке двумя терминами, а во французском и немецком языках одним.

При изучении культурных концептов, раскрытии содержания и выявлении универсальных и специфических характеристик, оказывается неизбежным обращение к лексическому составу языков, а именно к толкованиям слов как к одному из языковых способов выражения исследуемого концепта. Исследовательская работа со словарными дефинициями, по нашему мнению, обязательным образом должна предполагать компонентный анализ понятия и компаративный анализ понятий в разных языковых культурах. Компонентный анализ предполагает разложение значения языковой единицы на составляющие его элементы. При этом мы придерживаемся положения о значении как сложной системе взаимосвязанных компонентов, выделение которых возможно с помощью компонентного анализа. Структура значения представляет собой иерархию связанных семантических компонентов, одни из которых входят в ядро значения, а другие принадлежат его периферии. Под семантическим компонентом понимается «выделимая часть лексического значения, меньшая, чем все значение» (И.А.Стернин 1985:40). Компаративный анализ смысловых структур исследуемых концептов в межкультурном плане позволяет на более объективных, логических основаниях выявить структурацию смыслового содержания, специфические и универсальные характеристики исследуемых концептов, существующие в разных культурах. Проведенный нами компонентный анализ исследуемых понятий свидетельствует о неравномерном

объеме их семантического содержания. Так, русские словари выделяют в общей сложности 2 – 3 значения слова *истина*, 6 – 8 значений *правды*. Смысловая структура немецкого *die Wahrheit* выражается тремя семами. Семантика французского слова *la vérité* складывается из совокупности 9 значений.

Весь отобранный материал можно распределить на три группировки в зависимости от того, каким образом элементы семантической структуры концептов в различных языках корреспондируют друг с другом, совпадают ли они полностью, частично или же носят специфический национальный характер. В основу классификации нами был положен тезис Ю.М. Скребнева о существовании трех классов языковых единиц: абсолютно специфических, относительно специфических и неспецифических единиц (Ю.М. Скребнев 1975: 33). Очевидно, что такое трехмерное соотношение языковых единиц может быть использовано и с отдельными лексико-семантическими вариантами различных понятий в нескольких языках. Так, дефиниции, совпадающие во всех трех языках, будут нами рассматриваться как неспецифические; относительно специфический характер свойственен лексико-семантическим вариантам, совпадающим по своему смысловому содержанию в двух языках; абсолютно специфические дефиниции детерминируют семантическую структуру какого-либо понятия лишь в одном языке.

Например, общими характеристиками концепта *истина*, представленными неспецифическими дефинициями, являются следующие структурные компоненты семантического пространства исследуемого понятия:

1. Адекватное отображение в сознании воспринимающего того, что существует объективно (в связи с совпадением мыслимого с действительностью, в правильном понимании, знании объективной действительности). Данный смысл реализуется в следующих контекстах: Стремление к истине лежит в основе научных исканий. Die relative, die absolute *Wahrheit*, philosophische, geschichtliche *Wahrheit* (относительная, абсолютная, философская, историческая *истина*); Zur *Wahrheit* wird eine neue Erkenntnis erst nach langer und umfassender Prüfung(*истиной* становтся нове знание лишь после длительной и всеохватывающей проверки).

2. Знание, соответствующее реальности, факты, которые ему соответствуют, будучи выраженными, известными. То, что есть в действительности, соответствует действительности. Данное значение манифестируется в следующих контекстах: скрывать *истину*, ручаться за *истину* сообщения, соответствовать *истине*, голая *истина*; sag mir die *Wahrheit*! (скажи мне правду), ich schpreche, erzähle die *Wahrheit* (я говорю, рассказываю правду), die ganze, volle, nackte ungeschminkte *Wahrheit* erfahren (узнать полную, голую, неприукрашенную правду), die *Wahrheit* verschweigern, leugnen (скрывать *истину*, лгать); c'est la pure, entière *vérité* (это чистая, полная *правда*), dire la *vérité*, toute la *vérité* (говорить *правду*, всю *правду*), cacher, taire la *vérité* (скрывать *истину*, умалчивать *правду*).

Относительно специфические компоненты концепта *истина* репрезентируются в русском, французском и немецком языках следующими лексико-семантическими вариантами.

Во французском и немецком языках:

Характер какого-либо мыслительного (умственного) действия (суждение, мысль), который соответствует реальности. Это значение выявляется в сочетаниях: la *vérité* d'un principe, d'une proposition (*истинность* принципа, верность предложения), die *Wahrheit* einer Aussage prüfen (проверять истинность выражения), die *Wahrheit* einer Darstellung bestreiten (оспаривать истинность представления).

В русском и французском языках:

Утверждение, суждение, положение, основанное на житейском опыте. Данное семантическое значение реализуется в следующих сочетаниях: *vérités* éternelles (вечные истины), *vérité* d'évangile (святая *истина*), *vérités* premières (primitives, évidentes mais indémontrables) (простейшие, элементарные, очевидные, но недоказуемые *истины*).

Лексическое пространство, занимаемое концептом *истина*, имеет более сложную конфигурацию семного состава во французском языке, и дефиниции, классифицируемые как абсолютно специфические, свойственны, главным образом, французскому языку. Нами было выявлено пять абсолютно специфических семантических структур концепта *истина*:

1. То, что находит свое соответствие в сознании (в связи с соотношением соответствия с мыслимым объектом): chercher (prétendre posséder) la *vérité* (искать *истину*, претендовать на обладание *истиной*), la recherche de la *vérité* (поиск *истины*).

2. Характер того, что соответствует нашему представлению о реальности (правдоподобие, вероятность, сходство, подобие). La *vérité* d'un portrait (d'une reproduction, d'un personnage) (сходство портрета, репродукции, персонажа).

3. Реальность, действительность (в самом общем смысле). La *vérité* passe la renommée (A.France); (en art) la réalité, motif de création (opposé à l'imagination, l'invention).

4. *Истина*, рассматриваемая как первопричина (основа, начало), обладающая или нет персонифицированным характером. *La vérité* est en marche (E. Zola) (*Истина* идет), le triomphe de *la vétité* (sur l'erreur, le mensonge) (триумф *истины* (над ошибкой, ложью).

5. Искренне выражение того, что известно кому-либо, того, свидетелем чего кто-либо был. Un accent, un air de *vérité* qui ne trompe pas (искренняя «нотка»; искренний вид, который не обманывает).

Структуре концепта *правда*, выражаемого в русском, французском и немецком языках, как правило, посредством слов *правда, la vétité, die Wahrheit,* также свойственно наличие абсолютно специфических, относительно специфических и неспецифических компонентов. Общими для всех языков являются следующие значения:

1. То, что соответствует действительности, то, что есть на самом деле. Данное значение выявляется в таких контекстах: по *правде* (говорить, отвечать), смотреть *правде* в глаза, в лицо. Все, что говорили, правда; она и довольна молода, и хороша собой. (А. Остр.). sag mir die *Wahrhei*t! (скажи мне правду), ich schpreche, erzähle die *Wahrheit* (я говорю, рассказываю правду), die ganze, volle, nackte ungeschminkte *Wahrheit* erfahren (узнать полную, голую, неприукрашенную правду), die *Wahrheit* verschweigern, leugnen (скрывать *истину*, лгать); c'est la pure, entière *vérité* (это чистая, полная *правда*), dire la *vérité*, toute la *vérité* (говорить *правду*, всю *правду*), cacher, taire la *vérité* (скрывать *истину*, умалчивать *правду*).

2. Правдивость, правильность. Например, в следующих контекстах: Мать говорила и нежно, и ласково, и я как будто почувствовал правду ее слов, успокоился. (С. Акс.); la *vérité* d'un principe, d'une proposition (*истинность* принципа, верность предложения), die *Wahrheit* einer Aussage prüfen (проверять истинность выражения), die *Wahrheit* einer Darstellung bestreiten (оспаривать истинность представления).

Относительно специфический элемент концепта выявляется в рамках французского и немецкого языков:

3. Адекватное отображение в сознании воспринимающего того, что существует объективно (в связи с совпадением мыслимого с действительностью, в правильном понимании, знании объективной действительности): Die relative, die absolute *Wahrheit*, philosophische, geschichtliche *Wahrheit* (относительная, абсолютная, философская, историческая *истина*); Zur *Wahrheit* wird eine neue Erkenntnis erst nach langer und umfassender Prüfung(*истиной* становтся нове знание лишь после длительной и всеохватывающей проверки).

Абсолютно специфические значения присущи русскому и французскому языковому сознанию. В русском языке таковыми являются:

1. Идеал поведения, заключающийся в соответствии поступков требованиям морали, долга, в правильном понимании и выполнении этических принципов. Стезёю правды бодро следуй (Пушк.), стоять за правду, жить правдой, пострадать за правду

2. Правота. На чьей стороне правота? (Кто прав?). Ваша правда.

3. Название кодексов средневекового права. Русская Правда. Правды германские. Салическая Правда.

Во французском языке выявляется шесть абсолютно специфических значений семантической конфигурации концепта *правда*. Пять из них совпадают со значениями концепта *истина*, формирующими его смысловую индивидуальность. Для более наглядного представления структурации смыслового содержания концептов *правда* и *истина* предлагается следующая схема:

Концепт «истина»

№	СЕМАНТИЧЕСКИЙ КОМПОНЕНТ КОНЦЕПТА	Рус. яз.	Фр. яз.	Нем. яз.
1	Адекватное отображение в сознании воспринимающего того, что существует объективно	+	+	+
2	Знание, соответствующее реальности, факты, которые ему соответствуют, будучи выраженными, известными. То, что есть в действительности, соответствует действительности	+	+	+
3	Характер какого-либо мыслительного (умственного) действия (суждение, мысль), который соответствует реальности.		+	+
4	То, что находит свое соответствие в сознании (в связи с соотношением соответствия с мыслимым объектом)		+	
5	Характер того, что соответствует нашему представлению о реальности		+	
6	Утверждение, суждение, основанное на житейском опыте.	+	+	
7	Реальность, действительность (в самом общем смысле)		+	
8	Истина как первопричина (основа, начало), обладающая или нет персонифицированным характером.		+	
9	Искреннее выражение того, что известно кому-либо, того, свидетелем чего кто-либо был.		+	

Концепт «правда»

№	СЕМАНТИЧЕСКИЙ КОМПОНЕНТ КОНЦЕПТА	Рус. яз.	Фр. яз.	Нем. яз
1	То, что соответствует действительности, то, что есть на самом деле.	+	+	+
2	Правдивость правильность	+	+	+
3	Идеал поведения, заключающийся в соответствии поступков требованиям морали, долга, в правильном понимании и выполнении этических принципов.	+		
4	Правота	+		
5	Название кодексов средневекового права	+		
6	Адекватное отображение в сознании воспринимающего того, что существует объективно		+	+
7	То, что находит свое соответствие в сознании (в связи с соотношением соответствия с мыслимым объектом)		+	

8	Характер того, что соответствует нашему представлению о реальности		+	
9	Утверждение, суждение, основанное на житейском опыте.		+	
10	Реальность, действительность (в самом общем смысле)		+	
11	Правда как первопричина (основа, начало), обладающая или нет персонифицированным характером.		+	
12	Искреннее выражение того, что известно кому-либо, того, свидетелем чего кто-либо был.		+	

На основе проведенного исследования можно сделать следующие выводы:

1. Каждое отдельное этническое единство специфическим образом формирует свое представление об окружающей действительности, что материально воплощается в языке. В каждом языке складывается определенная система концептов отличная от других.

2. Данные компонентного и компаративного анализа показывают, что в языке находят отражение различные стороны исследуемых концептов, о чем свидетельствуют данные приведенных выше таблиц.

3. Понятия *правда* и *истина* демонстрируют национальную и культурную специфику концептуализации действительности французским, русским и немецким народами. В русском языке для выражения данных концептов используются две лексических единицы – правда и истина, в то время как в немецком и французском языках в данном случае используется по одному понятию – *la vérité* и *die Wahrheit.*

Цитируемая литература:

Скребнев Ю.М. Очерк теории стилистики. – Горький, 1975. – 175 с.

Щерба Л.В. Языковая система и речевая деятельность. – Л., 1974. – 428 с..

Стернин И.А. Лексическое значение слова в речи. – Воронеж: Изд-во Воронеж.ун-та, 1985. – 170 с.

Цейтлин Р.М. Сравнительная лексикология славянских языков 10/11 – 14/15 вв. Проблемы и методы. – М.: Наука, 1986. – 237 с.

Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка: 3-е изд., стер. – М.: АЗЪ, 1996. – 928 с.

Словарь современного русского литературного языка/АН СССР, Ин-т рус. яз.; Ред. кол.: В.В.Виноградов (пред.) и др. – М.; Л.: Изд-во АН СССР. – Т.5: И – К /Ред. А.М.Бабкини, Ю.С.Сорокин. – 1956. – 1918 с.

Толковый словарь русского языка /Сост. Г.О. Винокур и др.; Под ред. Д.Н.Ушакова. – М.: Сов. Энциклопедия, 1935. – Т. 1: А-К. – 1163 с.

Фасмер М. Этимологический словарь русского языка: В 4 т. – 2-е изд., стер. – Т. 2. – М.: Прогресс, 1986.– 671 с.

Dictionnaire alphabétique et analogiaue de la langue française par Paul Robert, volume 6, Paris 11, 1980.

Wörterbuch der deutchen Gegenwartssprache Akademie-Verlag-Berlin 1978, Band 6.

Deutsch-Russisches Wörterbuch Akademie-Verlag-Berlin 1984, Band 3.

Асп. Л.Р.Янборисова (Пенза)

КЛЮЧЕВЫЕ И ОПОРНЫЕ СЛОВА ВО ФРАНЦУЗСКОЙ И РУССКОЙ ПОЭЗИИ (НА МАТЕРИАЛЕ СТИХОТВОРЕНИЙ П.ВЕРЛЕНА, В.БРЮСОВА)

Проблема ключевых и опорных слов является одним из важных направлений в изучении лингвистики. И хотя многие филологи и литературоведы неоднократно обращались к этой проблеме (В.М.Жирмунский, В.В.Одинцов, А.Н.Кожин), она продолжает оставаться разработанной недостаточно.

Целью данной статьи является выявление ключевых и опорных слов, обозначение законов и принципов их функционирования на материале французской и русской поэзии.

Задача настоящей статьи состоит в том, чтобы, обозначив исходные позиции в понимании ключевых элементов и опорных слов текста, проанализировать некоторые стихотворные тексты известного французского поэта 18 в. П.Верлена, а также русского поэта В.Брюсова. Особое внимание обратим на соотношение тематических, опорных и ключевых слов текста и выявим их роль в иерархии элементов текста.

Исходным понятием при рассмотрении проблемы ключевых слов является понятие семантико-стилистической вариативности. В толковании этого понятия мы следуем за А.В.Пузыревым (см.: А.В.Пузырев 1995_1: 23-28,127,131-134,141-142; 1995_2: 40-54). Обязательным проявлением семантико-стилистической вариативности является приращение смысла, когда ключевое слово представляет собой единицу, семантически не равную самой себе в начале и в конце порождения текста, а целью текста подчас и является изменение семантического объема ключевого слова. Итак, в конечном счете, ключевым словом правомерно считается только то слово, которое «не равно само себе». Стилистическая же вариативность ключевого слова проявляется в обогащении его семантики различными коннотациями.

Для того чтобы проиллюстрировать соотношение тематических, опорных и ключевых элементов, обратимся к поэзии французского поэта П.Верлена.

На небе мировой поэзии французский поэт последней трети 19 века Поль Верлен – одна из наиболее ярких звезд. В сложном хоре французских стихотворцев никогда не спутаешь с другими индивидуальный по тембру,

ясный по звучанию, богатый интонациями голос Верлена. Верлен был яснее и проще всех своих учеников: в его меланхолических, звучащих глубокой тоской стихах был ясно слышен вопль отчаяния, боль чуткой и нежной души, которая жаждет света, жаждет чистоты, ищет бога и не находит, хочет любить людей и не может. Жизнь Верлена протекала не спокойно, он выступал против буржуазной действительности, продажности исскуства. Когда развернулись события Парижской Коммуны, Верлен всем сердцем был на стороне восставшего народа и даже принял непосредственное участие в делах Коммуны как редактор и журналист. Впоследствии во время разгрома Коммуны ему пришлось скрываться от репрессий. Поэзия Верлена очень многогранна; являясь талантливым и прирожденным поэтом, он создал стихотворения, в которых звучат ноты грусти и меланхолии, недолгого забвения и вновь возникающей печали, в них можно без труда почувствовать живую человеческую душу, жестоко страдающую от своего разлада с миром.

Обратимся к рассмотрению некоторых стихотворных текстов Верлена в плане представленности ключевых и опорных слов.

Soleils couchants

Une aube affaiblie
Verse par les champs
La mélancolie
Des soleils couchants.
La mélancolie
Berce de doux chants
Mon cœur qui s'oublie
Aux soleils couchants.
Et d’étranges rêves,
Comme des soleils
Couchants sur les grèves,
Fantômes vermeils,
Défilent sans trêves,
Défilent, pareils
A des grands soleils
Couchants sur les grèves.

В переводе А.Гелескула данное стихотворение выглядит следующим образом:

Закаты

За утренней мглою
Сквозят пустыри
Печалью былою
Вечерней зари.
Печалью былою
До края полны

Вечерней зарею
Рожденные сны.
Не зная возврата,
Нездешние сны,
Они, как закаты
Песчаной страны,
Уходят куда-то
И гаснут впотьмах,
Печальней заката
В песчаных холмах.

Повторяющимися в тексте оказываются словосочетание *les soleils couchants* – закаты, существительное *la mélancolie* – меланхолия, грусть. Несмотря на свою повторяемость в стихотворении, существительное *la mélancolie* не является опорным, так как оно не создает логическую основу текста, а также допускает синонимическую замену: грусть, печаль, тоска. Однако необходимо все же отметить, что, несмотря на вышеперечисленные признаки в данном слове улавливается некая связь с обозначением основной темы поэтического произведения – ведь поэт повествует о своей тоске, о печали, наполняющей его сны…

Словосочетание *les soleils couchants* – закаты – связано с обозначением основной идеи произведения, именно оно образует логический каркас стихотворения и «прикрепляет» его к действительности. Важно подчеркнуть, что наряду с обозначением основной темы произведения, это словосочетание оказывается композиционным и смысловым стержнем поэтического текста. Оно испытывает приращение смысла к своему лексическому значению: закат ассоциируется у поэта не только со временем суток, но и с печалью, приходящей к поэту. С закатами рождаются сны, являющиеся в данном стихотворении символом смерти. Необходимо отметить, что сон во французской культуре (как и в русской) часто символизирует смерть, ср. фразеологизм: «заснуть [уснуть] вечным [последним, могильным] сном», ср. франц.: «dormir du dernier sommeil» – «спать вечным сном»; «dormir pour toujours» – «уснуть навек, спать вечным сном».

Стержневой характер словосочетания «*les soleils couchants*» позволяет считать его не только опорным, но и ключевым, так как оно не равно само себе. По своему участию и роли в композиции данного стихотворения, ключевой элемент *«les soleils couchants*» относится к единицам, формируемым текстом, где изменениям подвергается и денотативное, и коннотативное содержание ключевого элемента. В данном стихотворении велика роль названия: оно прямо называет ключевой элемент.

Любопытно, что и в переводе ключевая роль за этим элементом сохраняется, хотя французскому словосочетанию *les soleils couchants* соответствует всего лишь одно слово – *закаты.*

Обратимся к другому стихотворению П.Верлена:

Crépuscule du soir mystique

Le Souvenir avec le Crépuscule
Rougeoie et tremble à l'ardent horizon
De l'Espérance en flamme qui recule
Et s'agrandit ainsi qu'une cloison
Mystérieuse où mainte floraison
Dahlia, lys, tulipe et renoncule
S'élance autour d'un treillis, et circule
Parmi la maladive exhalaison
De parfums lourds et chauds, dont le poison
– Dahlia, lys, tulipe et renoncule –
Noyant mes sens, mon âme et ma raison,
Mêle dans une immense pâmoison,
Le Souvenir avec le Crépuscule.

В переводе В.Васильева данное стихотворение выглядит следующим образом:

Воспоминанье о тайне сумерек

Воспоминанье в Сумерках печали
Чуть брезжится на небе, и закат
Надежды ярким пламенем объят,
А Прошлого тускнеющие дали
Одел туман, в котором, слившись в ряд, –
Тюльпаны, розы, лилии, сабали
Сплетаются с решётками оград
И, шелестом своим наполнив сад,
Так запахами воздух пропитали –
Тюльпаны, розы, лилии, сабали, –
Что их тлетворный резкий аромат
Дурманит мозг, и тщетно ловит взгляд
Воспоминанье в Сумерках печали.

В данном поэтическом тексте наблюдается особый композиционный прием – «кольцо». Словосочетание *Le souvenir avec le Crépuscule* – воспоминание вместе с сумерками – это семантический и композиционный центр стихотворения, оно аккумулирует основной смысл текста и испытывает приращение смысла к своему лексическому значению: Воспоминание вместе с сумерками алеет и трепещет на ярком горизонте Надежды, объятом пламенем, который все удаляется и ширится наподобие загадочной изгороди, где множество цветов – георгины, лилии, тюльпаны, розы – вьется вокруг решетки.… Это пейзаж? Конечно, ведь здесь написан сумеречный мир, заход солнца, пламенеющее небо, ограда, увитая цветами, но в то же время поэт дает понять, что горизонт здесь особый, «горизонт Надежды, объятый пламенем», а Сумерки идут в паре с Воспоминанием, и оба суще-

ствительные пишутся с заглавной буквы, эта орфографическая особенность придает им символический смысл и подчеркивает тоску поэта по былому, его ощущение неуловимости минувшего, невосстановимости его.

Le souvenir avec le Crépuscule – ключевой элемент данного текста, демонстрирующий формулу кольца: в начале стихотворения мы наблюдаем первое употребление ключевого элемента, где поэт говорит о своем воспоминанье, пришедшем к нему в сумерках печали, но читателю еще не известно, что это за воспоминанье. Затем поэт развивает тему, то есть раскрывает перед читателем тему пришедшего воспоминания – это воспоминанье о его прошлом, а также его пессимистический настрой в отношении будущего. Наконец, мы наблюдаем последнее употребление ключевого элемента, обогащенного – в результате развития темы – новым поэтическим смыслом: воспоминаньем здесь является своего рода неуловимая, мучительная сила – с одной стороны неопределенная, с другой стороны очень сильная.

Если в первом стихотворении ключевой элемент *les soleils couchants* (*закаты*) относится к группе единиц, формируемых текстом и является своего рода «центром притяжения», центростремительным элементом, на метафоризацию которого работает весь текст, то во втором стихотворении ключевой элемент скорее центробежен, он относится к группе ключевых слов, активно формирующих текст, и является важнейшим структурным элементом, обогащающимся в результате кольцевого употребления новым смыслом. В первом случае композиция играет явно второстепенную роль и как бы «обслуживает» ключевой элемент (семантически и синтаксически не разложимую идиому), а во втором случае композиция кольца, включающего ключевой элемент, является ведущим средством текстообразования.

Существительное *L'Espérance* – надежда – во втором стихотворении является опорным словом. Оно создает логическую основу текста, словосочетание *L'espérance en flamme* – надежда в огне, четко передает основную тему произведения, не допускает оно и никаких синонимических замен, а его извлечение из стихотворения привело бы к его распаду, и тоже относится к числу опорных элементов.

Проведенное исследование показывает, что доля стихотворений, содержащих те или иные ключевые элементы, в лирике П.Верлена довольно высока.

Для сравнительного анализа приведем примеры представленности КЭ в русской поэзии, воспользовавшись материалом стихотворных текстов В.Брюсова.

Усталость

Не дойти мне! не дойти мне! я устал! устал! устал!
Сушь степей гостеприимней, чем уступы этих скал!

Всюду камни, только камни! мох да горная сосна!
Грудь гранита, будь мягка мне! спой мне песню, тишина!

Вот роняю посох пыльный, вот упал, в пыли простерт.
Вот лежит, как прах могильный, тот, который был так горд.

Может быть, за серым кряжем цель моих заветных дней…
Я не стану первым стражем у Ее святых дверей!

Не склонюсь, целуя свято в храм ведущую ступень…
Злые завесы заката растянул над входом день.

Солнце канет за уступом, ночь протянет черный шелк,
И сюда за новым трупом поползет за волком волк.

Долго ль взор мой будет в силах отражать их натиск злой?
Стынет кровь в замерзших жилах! словно факел предо мной!

Не дошел я! не свершил я подвиг свой! устал! упал!
Чу! шуршат угрюмо крылья духов мести между скал!

В данном стихотворении ключевым словом является глагол «устал». Данное слово повторяется четыре раза и обозначает его основной смысл (и в этом смысле, оно является опорным). В то же самое время оно является объективно выделенным семантико-композиционным стержнем стихотворения, аккумулирующим его основной смысл.

Благодаря развитию темы лирического текста глагол *устал* метафоризируется, попадает в коммуникативный центр стихотворения и становится ключевым. Его метафоричность прослеживается на протяжении всего стихотворения.

Важно подчеркнуть, что лексическое значение глагола *устал* предполагает одновременное сосуществование нескольких лексико-семантических вариантов (ЛСВ), один из которых ориентирован на метафорическое употребление ключевого слова. Ср.: *устать* 1. утомиться от продолжительной, трудной работы, умственной или физической нагрузки 2. почувствовать душевное утомление от однообразия действий, повторяющихся впечатлений и т.п. напр. устать от переживаний, устать морально. 3. техн. потерять необходимую прочность от многократного воздействия физических нагрузок. 4. истощиться, не иметь необходимых питательных веществ для произрастания сельскохозяйственных культур (о почве).

В результате развития темы у ключевого слова *устал* возникает дополнительная отрицательная в оценочном отношении сема: *устал* означает здесь *нахожусь на пороге смерти* (ср. словосочетания, предшествующие финальному использованию этого слова: *Грудь гранита, будь мягка; прах могильный; за новым трупом; Стынет кровь в замерзших жилах* и др.).

Данное значение ключевого слова не представлено в словарях, поэтому в нём четко проявляется семантико-стилистическая вариативность ключевого слова.

С одной стороны, глагол *устал* является центростремительным в тексте: на его метафоризацию работает развитие темы всего стихотворного текста. С другой стороны, само это слово – *устал* – активно влияет на динамику и развитие темы: оно образует рифмы в начальном и финальном двустишиях, т.е. в ключевых позициях этого текста.

Очевидно, что своему участию и роли в композиции стихотворения ключевое слово «устал» занимает промежуточную позицию между ключевыми единицами, формируемым текстом, и ключевыми единицами, являющимися по своему характеру структурообразующими.

Важно подчеркнуть, что тема отсутствия жизни так или иначе проходит через многие слова и словосочетания данного текста. Например: существительное *тишина* одним из своих значений имеет: отсутствие звуков, говора, шума; безмолвие, молчание (*мертвая, гробовая тишина*); существительное же *прах* своим лексическим значением прямо указывает на тему смерти в стихотворении: ср.: *прах* 1. Тело человека после смерти; останки, труп, (*погрести чей-то прах, поклониться праху кого-либо*, *Священный прах, мир праху его*). 2. О том, что недолговечно, ничтожно, малоценно. Среди многочисленных значений прилагательного *черный* существуют следующие: 1. Мрачный, безрадостный, связанный с тяжестями жизни, (*черная скука, тоска, ч-ая доля, судьба, ч-ая полоса жизни* и др.) 2. По суеверным представлениям: чародейский, колдовской, магический, связанный с нечистой силой (*ч-ые заклинания, наговоры, ч-ая магия* и др.) 3. Очень плохой, крайне отрицательный 4. Злостный, низкий, коварный. Вряд ли необходимо приводить лексическое значение существительного *труп,* которое может иметь только одно значение в самых разных контекстах. Глагол *стыть* в предложении *стынет кровь в замерзших жилах* употреблен в значении: находиться в состоянии ужаса, изумления перед кем-л, чем-л. Данное предложение прямо указывает на тему смерти в стихотворении. Таким образом, через все приведенные выше слова и словосочетания проходит одна и та же тема – тема отсутствия жизни, тема смерти. Она пронизывает все стихотворение в целом от начала и до конца и является стержневой темой данного стихотворения, а единицей, фокусирующей в себе эту стержневую тему текста, и является ключевое слово *устал*.

Наблюдения позволяют полагать, что использование ключевых элементов характеризует тексты как русской, так и французской поэзии.

Цитируемая литература

Большой толковый словарь Российской академии наук. – С.-Пб.: Норинт, 2000. – 1570 с.

Брюсов В.Я. Стихотворения. – М.: Советская Россия, 1990. – 381 с.

Верлен П. Лирика. – М.: 1969. – 280 с.

Жирмунский В.М. Теория стиха. – Л.: Сов. писатель, 1975. – 536 с.

Кожин А.Н., Крылова О.А., Одинцов В.В. Функциональные типы русской речи. – М.: Высшая школа, 1982. – 223 с.

Одинцов В.В. Стилистика текста. – М.: Наука, 1980. – 263 с.

Пузырев А.В. Анаграммы как явление языка: Опыт системного осмысления М.; Пенза: Ин-т языкознания РАН, ПГПУ им. В.Г.Белинского, 1995. – 378 с.

Проблемы изучения анаграмм: Межвузовский сборник научных трудов. – М.: ИРЯ АН, 1995. – 140 с.

Verlaine P. Poésies. – М.: Прогресс, 1997. – 315 с.

ЛОГИКО-СТРУКТУРНЫЕ АСПЕКТЫ ЯЗЫКА И МЫШЛЕНИЯ

Канд. филол. наук Л.И.Андреева (Балашов)

ТИПЫ ОТНОШЕНИЙ В СИСТЕМЕ ИМЁН СОБСТВЕННЫХ

Для характеристики лексики в современной лексикологии пользуются тремя измерениями, тремя типами отношений: парадигматическими, синтагматическими и ассоциативно-деривационными.

Эти отношения у имён собственных (далее – ИС) проявляются иначе, чем у имён нарицательных (далее – ИН). Межсловные и внутрисловные отношения онимов характеризуются своей спецификой.

В парадигматическом плане «собственным именам не свойственны полисемия и антонимия» (Д.А.Климкова 1985: 16). ИС присуща не антонимия, как у ИН, а сравнительность, например: Верхняя улица – Нижняя улица.

Омонимические отношения в ИС проявляются двояко: с одной стороны, как обычная омонимия (Москва, город и река), а с другой – как специфическая ономастическая – тезоименитость: Толстой (Лев Николаевич; Алексей Константинович; Алексей Николаевич).

Спецификой внутренней структуры ИС объясняются и особенности синонимических отношений. Как выяснилось, синонимия ИС опирается не на связь с понятиями, а на тождество объекта, который называется разными именами. При этом предлагается различать параллели, полиимённость, или полионимию: Санкт-Петербург – Петроград – Ленинград – Санкт-Петербург и номинативные дублеты (А.В.Суперанская), варианты наименования одного и того же объекта (Л.А.Климкова): Лермонтов – Михаил Юрьевич Лермонтов – Михаил Лермонтов и т.д.

Синтагматические отношения также характерны для ИС. Установлено, что, как правило, ИС имеют прямое, номинативное, свободное значение и поэтому сочетаются с широким кругом слов в языке, но всё-таки менее широким, чем ИН. Причём «диапазон сочетаемостных связей зависит также от характера собственного имени, от его принадлежности к определённому разряду» (Д.А.Климкова 1985: 17).

Своеобразие ассоциативно-деривационных связей, характернее для ИС, объясняется однозначностью последних. Известно, что в целом ассоциативно-деривационные связи богаче у ИН, чем у ИС, однако у разных разрядов ИС ассоциативно-деривационные цепочки могут быть разной длины. И если в целом они действительно короче у ИС в сравнении с ИН, то в пределах разных групп самих онимов такие связи могут быть чрезвычайно представлены.

Сфера использования ИС, по сравнению с ИН, также характеризуется своими особенностями.

Специфична и степень употребительности ИС. Она зависит от целого ряда экстралингвистических причин и неодинакова для разных разрядов

онимов. Например, у топонимов она, как известно, зависит от социально-экономической и общественно-политической значимости объекта, у антропонимов – от мотивов выбора (моды, социальной и эмоциональной значимости и др.), т.е. от соотношения экстралингвистического и языкового. Особенно отчётливо это проявляется в художественном тексте, где имеется целостная система онимов и где каждый элемент (ИС) приобретает значимость.

Исследование парадигматических, синтагматических и ассоциативно-деривационных связей начато, в рамках подсистемы ИС в целом сделаны первые интересные наблюдения, и поэтому в данный момент особенно важен учёт результатов частной реализации указанных отношений, например, в системе ИС одного мастера слова.

Описанные различия ИС и ИН лежат прежде всего и главным образом в области лексической семантики, что и даёт основания ономатологам считать ИС в большей степени лексическим, нежели грамматическим разрядом.

Аспирант З.Ю.Балакина (Луганск, Украина)

ЯЗЫКОВЫЕ ИЛЛЮСТРАЦИИ ЭМОЦИОНАЛЬНЫХ КОНЦЕПТОВ В СЛОВАРНЫХ СТАТЬЯХ

При лингвокультурологическом анализе концептов (в нашем случае эмоциональных концептов) многие лингвисты (В.И. Карасик, Н.А. Красавский, С.Г. Воркачев и др.) признают важность и необходимость использования лексикографического материала, в частности толковых словарей, которые являются объективным источником для лингвокультурологического описания языка и дают возможность выявить систему ценностей культуры, зафиксированную языком в иллюстративных примерах. Словарная статья в толковом словаре – это портрет слова, в котором заключена информация о сущности картины мира, представлен опыт, знания человека. Это достаточно надежный способ получения как лингвистической, так и культурной информации, это краткое концентрированное представление результатов освоения того или иного этноса объективного и субъективного мира [Н.А. Красавский].

Иллюстративная часть словарной статьи раскрывает сущность концепта; в ней содержатся сведения о самом понятии и о его оценке. Мы придерживаемся мнения, что именно языковые иллюстрации помогают раскрыть особенности концептов, так как в них содержатся наиболее типичные примеры употребления номинантов эмоций (это могут быть авторские примеры самого составителя словаря, цитаты из текстов классической литературы, устойчивые выражения, пословицы, поговорки).

Иллюстративные примеры, включенные в словарную статью, позволяют более четко описать значение слова. Кроме того, они несут культурную нагрузку, т.е. раскрывают сущность картины мира данного народа.

Анализ примеров, заключенных в иллюстративной части словарной статьи, проводится при помощи применения методики интерпретации, интроспекции и компонентного анализа, которые позволяют разбить данные иллюстрации на соответствующие семантические группы. Например, если сравнивать концепты группы «Печаль – Sorrow», то можно отметить, что в русском языке репрезентация соответствующего эмоционального концепта представлена более полно. Мы можем обнаружить следующие признаки, которые не наблюдаются в англоязычном материале: «причины появления эмоции», «противопоставление печали радости», «человекоподобное действие эмоции», «цветовая характеристика эмоции», «отрицательная/положительная знаковость эмоции», «скрытая форма переживания эмоции», «тяжесть эмоции», «безысходность эмоции».

В английских словарных статьях указаны такие признаки, которые не находят отражения в русскоязычном материале: «мотивация/отсутствие мотивации появления эмоции», «полнота, объем переживания эмоций», «способ избавления от отрицательной эмоции», «печаль – это боль в сердце».

Важным культурологическим фактом являются понятия, представленные в семантической группе «Причины появления эмоции» (грусть о доме, о родных; тоска по родине обращается иногда в телесную болезнь, с изнурительной лихорадкой; мать по сыну, а жена по мужу тоскует), а также «Цветовая характеристика эмоции» (тоска зелёная; «тёмное уныние» [Горький]). Эти понятия отражают ценности русской культуры.

Докт. филол. наук А.Г.Баранов (Краснодар)

ЯЗЫК В ДЕЙСТВИИ – ВИДЫ РЕФЛЕКСИИ

В работе А.А.Залевской (2000) выделяется "речевая деятельность индивида" и "метаязыковая деятельность лингвиста". Нам представляется это определенным упрощением онтологии дискурсивной деятельности и ее профессионального изучения. Кроме того, резкое противопоставление лингвистики и психолингвистики кануло в прошлое в связи с переходом науки в новую парадигму, сопровождающимся ломкой дисциплинарных перегородок. Рефлексия пронизывает дискурсивную деятельность и являет себя не только в профессиональной деятельности лингвиста, но и в речи индивида, что было отмечено Р.Якобсоном. В связи с этим мы полагаем необходимым выделить несколько уровней описания языка в действии, отмечая метаязыковую и метатекстовую деятельности. Они являют себя в разной степени осознанности.

Известная соссюрианская трихотомия ((langue – parole) – langage)) и последующие ее интерпретации и оценки не меняют сути дела: язык в действии как неравновесная система требует его описания на разных уровнях абстракции в вероятностной модели с использованием методологии конфигурирования разных знаний (Г.П.Щедровицкий, С.А.Яновская). Знания рассматриваем как пересекающиеся множества: декларатив-

ные/процедурные, вероятностные/ номенклатурные, системные (номотетические)/ знания-переживания (герменевтические)/риторические (дискурсивные).

Мы исходим из того, что необходимо с современных позиций раскрыть сущность "языкового материала". В нашем понимании – это массив (мозаика) текстов культуры. Рефлексия над ним приводит нас к возможным уровням абстракции в следующей иерархии, начиная с высшего компонента: текстотип – дискурс – речевой жанр – текст – фрагмент текста – речевой фрагмент. Эти единицы анализа могут задаваться только в вероятностном ключе и на низших уровнях как пересекающиеся с единицами уровневой лингвистики (сложное синтаксическое целое, предложение и далее... до фонемы).

Исследование речевых фрагментов как заготовок к тексту (декларативные знания) по настоящему только разворачивается, но имеет уже мощную теоретическую и экспериментальную базу в лице корпусной лингвистики британского покроя (исследование дистрибутивных свойств слова как на формальном, так и, особенно, семантическом уровнях (коллокация, ключевые слова культуры, клише и т.д.). Вероятностный характер речевых фрагментов проявляется в статистике их употребления в речевых жанрах и дискурсах. По утверждению британских исследователей (M.Stubbs) данные об употреблении коллокаций существуют в сознании индивида как интуиция (знание-переживание), и их экспликация средствами корпусной лингвистики проясняет существенные стороны дискурсивной деятельности.

На уровнях жанра, дискурса и текстотипа выявляются дополнительные статистические закономерности, но уже в основном, как процедурные знания организации текста – правила, конвенции, стратегии (риторическая компетенция), которые также формулируются вероятностно. Важно отметить, что начиная с жанра активизируются закономерности, связанные с тематической организацией текста как когнитивной сложностью пропозиционального аспекта – распределением знаний по предметным областям. Модально-прагматический аспект содержания текста отличается как распределенностью на уровне жанра и выше, так и выделенностью определенных ментальных структур (сюда мы относим, прежде всего, *истинность, пространство, время*), которые пронизывают весь массив текстов культуры, проявляясь вариативно от текста к тексту.

Дискурсивные, герменевтические и номотетические знания существуют вероятностно, вариативно, конвергентно в индивидуальной когнитивной системе в основном как языковая интуиция (навык). Их объем и степень конвергенции зависит от когнитивной сложности сознания индивида. Задача состоит в том, чтобы рефлексия ученого-лингвиста вышла не только на уровень выявления различных знаний, но перешла на конфигурирование этих знаний. Лингвистике предстоит выйти на более высокий уровень когнитивной сложности.

Канд. филол. наук Л.В.Валова (Волгоград)

РЕАЛИЗАЦИЯ ПОНЯТИЙНЫХ КАТЕГОРИЙ В ХУДОЖЕСТВЕННОМ ТЕКСТЕ

Текст, обладая иллокутивной силой, соотносится с действительностью, но не непосредственно, а опосредованно, через образы, понятия, представления, запечатленные в сознании автора под воздействием самой реальности. При формировании высказывания автор идет от смысла, который он намерен передать, к формальным средствам выражения, причем “мыслительное содержание” в процессе его интерпретации посредством языковых категорий и единиц разворачивается в сукцессивную последовательность событий, что отвечает требованиям структурной организации речевого произведения.

Реализация понятийных категорий с помощью языковых средств в художественном тексте – процесс целенаправленный, служащий адекватному выражению авторских интенций. Автор произведения, не осознавая участия грамматических средств языка в передаче содержательной стороны повествования (анализ этого аспекта – прерогатива лингвиста), выбирает оптимальный, с его точки зрения, способ выражения определенных смысловых компонентов.

Анализ содержательной стороны конкретных художественных текстов показывает, что речевая реализация типизированных ситуаций, моделей отношений, свойственных действительности, выходит, как правило, за рамки одного предложения. Возможность выявления текстовых фрагментов, превышающих по объему предложение, на основании соответствия их содержательной информации определенному набору типизированных содержательных ситуаций позволяет говорить не только о денотативной, но и сигнификативной ситуации.

Модели содержательных ситуаций, выявляемые на основе содержательной информации текста, являются коррелятами как реальных, так и “мыслимых” ситуаций на уровне творческого, художественного мышления.

Говоря о содержательной ситуации как компоненте содержательной информации, мы имеем в виду некую модель отношений, тип ситуации, потенциальной в реальной и художественной действительности и, вследствие закрепленности в человеческом сознании, воспроизводимой (не создаваемой!) автором текста в соответствии с замыслом.

Можно говорить о некоем наборе содержательных ситуаций, к которым (скорее подсознательно) обращается автор в процессе обдумывания замысла и выработки «личностных смыслов» в целях дальнейшего облечения в языковую форму. В результате проведенного анализа содержательных структур целостных художественных текстов удалось выделить 22 модели содержательных ситуаций и объединить их в группы «действие», «состояние», «описание».

Предложенная классификация моделей содержательных ситуаций художественного текста не претендует на законченность и абсолютность, однако можно утверждать, что содержательные модели исчислимы и основные модели нами, безусловно, определены.

Докт. филос. наук А.А.Гагаев (Пенза)

ГИПОТЕТИЧЕСКАЯ МОДЕЛЬ ПСИХОФИЗИЧЕСКОЙ ПРИЧИННОСТИ И ПСИХОФИЗИОЛОГИЧЕСКОЙ ПРОБЛЕМЫ

Г.Риккерт (Г.Риккерт 1997; 1998) полагает, что теории психофизиологического параллелизма, обмена, психофизиологической редукции – ложны. Однако, в психике человека имеет место форма психофизиологической причинности на основе модели идентиотета или однородности энерго-информационных процессов в сознании и ценностей, и понятийно-логической деятельности сознания.

Эта причинность – форма индивидуального решения воли, которая в единичном причинении формирует кондициональные условия связи определенных факторов событий, истории, вызывая исторические события.

В действительности в психике человека имеют место процессы:

1. Психофизического идентиотета энерго-информационных процессов в мозге и символической формы законов, понятий, логик изоморфных особенному пространству-времени в цикле А.Л.Чижевского (стадии), которые соотносятся как структурно-функциональные и функционально-структурные аналогии.

В схеме идентиотета имеют место следующие процессы.

1) Подсознательная оценка, аффекты, страсти, потребности в силу своей нейрофизиологической физической природы объединяются в схемы локально-общего, особенного, единичного и т.п. А это суть нейрофизиологические комплексы возбуждения. Эти формы и суть мысль как она есть до сознания и до понятия. Эти мысли, как формы и виды общего, открыты к синтезу в рефлексии в доминирующие комплексы особенного качества и к соотнесению по мере общности, и это уже – ценности. А ценности вызывают поток интенций как содержания сознания и как их выражение – волю сообразно общему энергетическому комплексу общей ценности.

Соответственно физиологическая энергия в форме потребностей и интересов трансформировалась в мысль, та – в ценность, а ценности порождают интенции или активность сознания. Это – структурно-функциональная аналогия физиологии и ценностного субстрата сознания и понятия.

2) На этом уровне, в переходе из подсознания в сознание в форме рефлексии, синтеза аппрегензии, воображения и редукции онтологических уровней и тождества, трансцендентальном синтезе апперцепции, при включении – схемы языка и речи, знака, внутренней речи и внешней речи (синтез антропологического принципа, понятия, суждения, умозаключения, блага в рефлексии) осуществляется синтез мыслей в понятие, то есть

комплексы сознания и физиологии, имеющий символически открытую форму. Это символический синтез синтезирует влечения, порождает новые влечения, ограничивает влечения (ноопсихический факультативный антагонизм). Влечения и усиливаются, и деструктурируются. Они приобретают символическую форму взаимодействия.

Схема синтезов входит в акцептор действия физиологической дуги (стимулы, событие, центробежный процесс), но входит и как центральное событие в дугу сознания (задания, образы памяти, синтез, образы движения – следствия, как формы общего, энергии, вызывающие физиологические действия, порождающие психофизиологическую причинность).

Вторая дуга трансформирует представления в понятии и понятия в ценности, которые входят в дугу физиологии как энергетические комплексы – формы общего. Так формируется круг физиологии и сознания и осуществляется переход уже из сознания в физиологию. Это функционально-структурная аналогия понятия и ценности и физиологии.

Общий субстрат и физиологии, и сознания:

а) формированное содержание – общее, особенное, единичное как нейрофизиологические комплексы, порождающие оценки и ценности физиологической дуги;

б) содержательная форма:

– идентиотет, параллелизм и ноопсихический антагонизм, взаимообмен, редукция тождества и онтологических уровней, психофизическая причинность;

– физиологическая дуга и дуга сознания, которые тождественны в акцепторе действия, который имеет содержанием систему синтезов в сознании. Физиологическая дуга действует в целом как афферентный синтез, а дуга сознания как эфферентный синтез.

2. Психофизиологический параллелизм процессов психики и символического мышления, моделирующего тип чувственного представления (созерцание и рефлексия, восприятия, амплификация, синестезия, представление) в особенном пространстве времени и возможные на этой основе гносеологические рефлексии в цикле А.Л.Чижевского.

Наряду с ним Б.Франкл выделяет факультативный ноопсихический антагонизм влечений и форм свободы человеческого сознания и психики. Суть его в том, что влечения – основания свободы, но энергия влечения свертывает свободу и ограничивает рефлексию, а свобода, свертывая и интегрируя, оформляет влечения (Б.Франкл 1990: 108).

3. Психофизический взаимообмен психики и сознания в особенном пространстве времени и цикле А.Л.Чижевского вызывает в подсознательных оценках всплеск продуцирования энергии творчества субстрата понятий – рождение импульсов общего, особенного, единичного как энергетических импульсов, а в сознании развитие этих импульсов в понятия как формированного содержания, что приводит к продуцированию в их системе синтеза психофизиологических оценок, – понятия вызывают рост фи-

зиологической активности в определенном пространстве-времени и стадии цикла А.Л.Чижевского.

4. Психофизиологическая редукция:

а) психофизиологическая редукция к своим импульсам в особенном пространстве-времени и стадии цикла А.Л.Чижевского понятийной жизни сознания (эмотивная сторона понятий);

б) система понятий редуцирует психофизиологию к своей идеальной цельности, возможной в особенном пространстве-времени и стадии цикла А.Л.Чижевского, порождая через расширение эмотивной жизни новую реальность физиологии.

5. Эти процессы образуют общее психики – афферентный синтез – акцептор действия, содержащий в единстве психическую рефлекторную дугу и психофизическую дугу, изоморфность энергетических структур и символической структуры общего в сознании, в котором общее предстает как целеполагающая ценность и общее понятие (система синтезов в сознании), которое, продолжая афферентный синтез, создает решение, организуя действия и эффективный синтез, и это суть индивидуальная форма соединения в сознании кондициональных условий исторических событий в действительности, носящая характер индивидуального решения воли и воплощающихся в фактах истории (это и есть общеличная психофизическая причинность); эфферентный синтез.

В этом процессе наблюдается приспособление к среде (отрицательные обратные связи) и изменение себя и среды (положительные обратные связи). Это и есть индивидуально-общая психофизиологическая причинность в истории. То есть субъектная форма и необходимости, и причинности, задающая форму познанности обще-единичных конечных причин и действия в соответствии с ними и с целью их преодоления (в изменении себя и среды, имея в виду изменение предпосылок, меняющих и необходимости).

Канд. филол. н. С.В.Ионова (Волгоград)

ОСМЫСЛЕНИЕ, ПЕРЕОСМЫСЛЕНИЕ, ПОНИМАНИЕ (К ВОПРОСУ О ПРИБЛИЗИТЕЛЬНОСТИ СОДЕРЖАНИЯ ВТОРИЧНЫХ ТЕКСТОВ)

Проблема понимания и трансляции информации в обществе является ключевой для коммуникативного пространства, формируемого равноправными, независимыми друг от друга участниками. Современный коммуникационный процесс является основой для изменения и совершенствования информации, для передачи многоаспектного содержания сообщения, формирования речевых произведений с разными позициями авторов и системами видения мира. Механизм изменений, происходящих в смысловой составляющей текстов, участвующих в системе информационного обмена, на наш взгляд, демонстрирует такое явление, как вторичное текстообразование.

Основная особенность вторичных текстов – их приблизительность (аппроксимация) по отношению к содержанию первичного текста, которая

становится основной причиной динамики (а иногда и смены) смысловых доминант текста сообщения.

Исследованные нами примеры различных типов вторичных текстов выявило, что изменения первичного сообщения могут происходит на разной глубине освоения текста. В основе модели формирования текста лежит ряд факторов: рациональная/эмоциональная программа развертывания содержания, жанровая форма будущего текста, поверхностная структура (языковое воплощение) текста. Первый их названных факторов позволяет учесть разнообразные компоненты концептуального устройства текста, второй – его речевое существование, третий – языковую репрезентацию. Каждый из заданных факторов потенциально вариативен.

На языковом уровне вариативность проявляется в выборе синтаксических моделей, лексического наполнения, морфологического оформления. На речевом (коммуникативной) уровне вариативность обусловлена возможностью перехода потенциального текста в иные жанровые формы.

На концептуальном уровне – в возможности актуализации разных элементов (слоёв) концепта, или выбора рационально-логическое / эмоциональной программы развертывания содержания.

На каждом из уровней глубины текста, по нашим данным, существуют свои механизмы точности/аппроксиматичности воспроизведения материала, иначе – разные степени аппроксимации текста, свидетельствующие о том, что при трансляции информации речь может идти не только о разных видах понимания/освоения исходного сообщения, но и о его новом его осмыслении и переосмыслении.

Вторичное текстообразование сохраняет все особенности первичного текстопостроения: в результате этой деятельности появляется речевое произведение, имеющее все важнейшие качества текста (цельность, связность, завершенность). Это дает основание рассматривать механизмы динамических изменений смыслов во вторичных сообщениях в качестве основы для изучения и моделирования процессов понимания, происходящих в условиях естественной коммуникации и обмена информацией.

Канд. филол. наук А.Ф.Калинин (Балашов)

ПРЕДЛОЖЕНИЯ ФРАЗЕОЛОГИЗИРОВАННОЙ СТРУКТУРЫ ТИПА *НЕТ ЧТОБЫ ПОРАБОТАТЬ; НЕТ БЫ ПОРАБОТАТЬ*

Предложения фразеологизированной структуры типа *Нет чтобы поработать; Нет бы поработать,* их лингвистическая сущность и положение в системе простого предложения современного русского языка являются мало исследованными. В связи с этим анализ структуры и семантики данных предложений, изучение их в основных аспектах: грамматическом и семантическом является актуальным.

Данные предложения в грамматическом аспекте – это односоставные инфинитивные предложения, включающие в свой состав

независимый инфинитив, отрицательное слово *нет* и союз *чтобы* или частицу *бы: Нет чтобы отговорить; Нет бы встретить.*

Синтаксические категории модальности, времени и лица, как составные компоненты предикативности (по В.В.Виноградову) грамматического значения простого предложения проявляются следующим образом в данных предложениях.

В этих синтаксических структурах проявляется объективная модальность ирреальности, а также частные модальные значения желательности, целесообразности, обусловленные наличием в них союза *чтобы* или частицы *бы: Нет бы обсудить; Нет чтобы остаться.*

Субъективная модальность имеет ограниченное выражение в данных предложениях, что обусловлено, вероятно, их фразеологизированной структурой.

В данных предложениях выражается расширенное настоящее время, что особенно отчетливо проявляется при наличии в них лексем и словосочетаний с временным значением типа *всегда, постоянно, каждый день* и под.: *Нет бы ему здесь всегда работать (газетн.); Нет чтобы каждый день отмечаться (газетн.).*

Данные предложения не имеют временной парадигмы. Возможны их реализации без союза *чтобы* и частицы *бы: Нет ему отдохнуть – работает без устали до позднего вечера (газетн.).*

Синтаксические категории лица, агенса (деятеля) и субъекта определяют грамматическую структуру простого предложения.

Синтаксическая категория лица выражает отношение высказывания к говорящему, собеседнику или третьему лицу. В данных предложениях форма главного члена — независимого инфинитива не указывает на лицо. Но в их структуре может быть словоформа в дат. падеже, выражающая отношение высказывания к первому, второму или третьему лицу: *Нет чтобы мне (тебе, ему) здесь остаться.* Следовательно, в данных конструкциях может наличествовать микропарадигма лица, в них выражается отнесенность действия или состояния к одному из трех лиц.

В данных предложениях словоформа в дат. падеже может рассматриваться «в семантическом плане как название лица или предмет, который должен... с точки зрения говорящего быть деятелем по отношению к потенциальному действию, обозначенному главным членом», то есть речь может идти о выражении в этих предложениях с главным членом инфинитивом потенциального деятеля (агенса) (Лекант П.А. Синтаксис простого предложения в современном русском языке. – М., 1986. – С. 94).

Субъект синтаксический, или грамматический - это «словоформа с предметным значением, грамматически господствующая по отношению к словоформе, которая называет признак предмета: *Девочка весела; Олень бежит; Бегущий олень* (Краткий справочник по современному русскому языку /Под ред. П.А.Леканта. М., 1995. С. 353). В исследуемых предложениях отсутствуют словоформы такого рода с предметным значением, и поэтому они являются бессубъектными.

В семантическом аспекте предложения фразеологизированной структуры типа *Нет чтобы поработать; Нет бы поработать* являются двусоставными предложениями, так как в них выявляются и семантический предикат (эксплицитный), и семантический субъект (имплицитный).

Семантический субъект в данных нераспространенных предложениях является неопределенным: *Нет чтобы учиться* (кому-то). В семантической структуре распространенных предложений с субъектным детерминантом семантический субъект действия или состояния конкретизирован, выражается словоформой в дат. падеже и является определенным: *Нет бы ему еще поработать; Нет чтобы студентам придти.*

Компонентный анализ предложений данной фразеологизированной структуры показал, что наиболее распространенными и продуктивными среди них являются двухкомпонентные, трехкомпонентные и четырехкомпонентные структуры.

Следовательно, исследование предложений фразеологизированной структуры типа *Нет чтобы поработать; Нет бы поработать* выявило, что они являются особым структурным типом инфинитивных односоставных предложений в грамматическом аспект, вместе с тем они представляют собой двусоставные предложения в семантическом аспекте.

Таким образом, при решении проблемы классификации и типологии простого предложения следует исходить из аспекта исследования предложения, что имеет принципиальное значение в теоретическом и практическом планах при изучении синтаксиса простого предложения в русском языке в вузе и в школе.

Доктор филол. наук Ю.Д.Каражаев (Владикавказ)

ДИСКРЕТНО-КОМБИНАТОРНЫЙ ХАРАКТЕР ЯЗЫКОВОЙ СТРУКТУРЫ И ЕГО СЛЕД В ГРАММАТИКЕ НС И ГЕНЕРАТИВНОЙ ГРАММАТИКЕ

1. Среди всех суб-станций (пред-стояний) только язык является тем множеством, в котором вынужденно сосредоточены все остальные мыслимые и даже не-мыслимые (о чем нельзя помыслить, о том молчат [Л.Витгенштейн], где «о чем» и «о том» говорят о значимой пустоте) предосновы.

Это прежде всего, Дух с двумя своими ипостасями – не-сущ-ностью (собственно дух) и ее эманацией – сущ-ностью (материальность/явленность). Затем не-отъемлемые свойства Духа – номологичность, безначальность/бесконечность, время/пространство, универсальность/тотальность, трансцендентная тернарность.

2. Язык предстает зазеркальем зеркала. Онтология его конституируется его же особой ценностью – быть зазеркальем Духа, его испостасей, свойств. Сущность языка всегда за языком, в себе-бытие языка – в зависимости от его внеположности, в безнадежной отстранённости от вне-себя бытия. Язык – необходимая пустота для возникшего из Ни-Что-Нечто

(сколько не говори «халва!халва!» – во рту слаще не станет. И образ цветка – в голове, а не в слове цветок).

3. Но вобравший всё в себя, язык иконирует это всё посредством реминисценций/воспоминаний об этом всё – не будь это так – не быть бы языку языком. Но язык есть язык потому, что он есть бесконечное, конструируемое конечным. Конечность языка – это его дискретность, бесконечность языка – его комбинаторность. В целом же язык есть дискретно-комбинаторное (системно-структурное) образование.

4. Смысл дискретно-комбинаторного характера любой субстанции наглядно иллюстрируется таким математическим представлением, как:

…0 1-2-3 – 1-2-3 – 1-2-3 – 1-2-3-…~

I – II – III – IV

Здесь точки слева от 0 есть символ не-бытия, 0 означает не отсутствие (ноль/нуль – «никакой»), а значимую пустоту, т.е. ничто как водораздел между небытием и бытием. Ряд натуральных чисел последовательно разбивается на относительно гомогенные классы, каждый из которых состоит из трех цифр (1-2-3), обозначающих соответственно разряды единиц, десяток, сотен. Внутри ряда выделяются внутриклассные (1) и межклассные (2) отношения. Так в I-ом классе (класс единиц) отношения (1) означают: единицы «выращивают» десятки, десятки переходят в сотни, во II-ом классе (класс тысяч): единицы тысяч – десятки тысяч – сотни тысяч; в III-ем классе (класс миллионов) – единицы миллионов – десятки миллионов – сотни миллионов и т.д. до бесконечности; II-е отношения означают, что I класс переходит во II-ой класс, II-ой класс переходит в III-ий класс и т.д. до бесконечности. В общем-то принцип и (1), и (2) – отношений таков: идя слева направо: предыдущий (левый) член обязательно переходят в последующий (правый) член, и, наоборот, идя справа налево – каждый последующий (правый) член свертывается (рекурсирует) в предыдущий (левый) член.

5. Изложенный принцип построения дискретно-комбинаторных структур, напоминающий принцип матрешечной модели или модели телескопической антенны, характерен и для языка.

6. Уровни (системы) языка формируются парадигматическими (1) и синтагматическими (2) отношениями, причем (1)-ые устанавливаются между гомогенными, но противопоставленными друг другу единицами; (2)-ые, как сочетаемостные отношения, устанавливаются только между парадигматическими единицами.

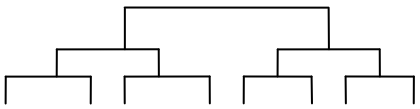
Уровни, как модульные системы, схватываются в одно целое (3) иерархическими (структурообразующими, межсистемными) отношениями, которые порождаются (2) отношениями: две (или более) единицы предыдущего (нижележащего) уровня образуют одну и только одну единицу последующего (вышележащего) уровня (напр.: два (или больше) акустико-артикуляционных признака субуровня образуют одну фонему, две (или больше) единиц 1-го (фонемного) уровня образуют морфему и т.д.; две (или больше) сем образуют – семему (гипоним), две (или больше) семемы

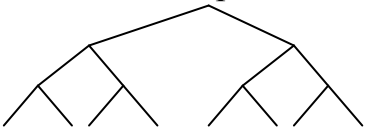
(гипонима) образуют гипероним или семантему, семемы (гипонимы) и / или гиперонимы образуют концепты и т.д.). Субуровни состоят из примитивов (прототипов), т.е. единиц, которые выделяются только в составе единиц вышестоящего уровня (напр., акустико-артикуляционные признаки и семы «проживают» только в фонемах и семемах).

Каждая «титульная» единица языка предстает в трех ипостасях – на трех уровнях: в предыдущем уровне – как материал, на своем уровне – как построенная единица, носящая название того уровня, в который входит, на последующем уровне – как функция (например: фонема = 1. На субуровне – акустико-артикуляционные признаки → 2. На фонемном уровне – фонема → 3. На морфемном – как конституент морфемы).

Таким образом, структуре языка (системе систем) характерны все изложенные выше принципы дискретно-комбинаторных систем: номологичность, тотальность, иерархизированность, трансцендентность, тернарность.

7. Исходя из изложенного, структуру языка можно представить так:





8. Данные схемы, как видно, соответствуют «деревьям» грамматики НС (анализ: идя сверху вниз) и генеративной (гено-порождающей) грамматики (синтез: идя снизу вверх), т.е. грамматике восприятия и грамматике порождения лингвистических структур. Иными словами, гносеология (когитология) имитирует (копирует) онтологию языка как символа ментальных картин мира.

Канд. филол. наук О.В. Куныгина (Челябинск)

СЕМАНТИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ЧАСТИЦ, ВЫРАЖАЮЩИХ ЗНАЧЕНИЕ СОМНЕНИЯ[1]

Частицы, как лексические, так и фразеологические, не обладают номинативной функцией в строгом смысле этого слова. Они не обозначают ни предмета, ни признака, ни процесса, а «вносят главным образом дополнительные оттенки в значения других слов, групп слов, предложений или же служат для выражения разного рода грамматических (а следовательно, и логических, и экспрессивных) отношений» (В.В.Виноградов 1972: 520).

Модальные частицы служат для выражения разного спектра человеческих эмоций, чувств, отношений: утверждение, отрицание, опасение, побуждение, удивление, неожиданность, сожаление, пожелание, восхищение, одобрение, неодобрение, сомнение, уверенность.

К частицам, выражающим значение сомнения, неуверенности, относятся следующие единицы: ***вряд ли, навряд ли, едва ли(ль), ли(ль), вряд, вроде, будто бы*** и другие.

Частицы, выражающие значение сомнения, неуверенности в наличии, реальности действия, находятся при глаголах различных семантических групп.

Когда мы его разбудили, он начал было говорить, что ***навряд ли*** *поднимется* сегодня с постели, так плохо себя чувствует (Чаковский. Это было в Ленинграде). Хищники, тупицы прибрали к рукам его страну. *Придёт* ***ли*** на них управа? Должна прийти. Он верил в это (К. Паустовский. Повесть о лесах).

Значение сомнения в существовании предмета проявляется в сочетании с существительными и местоимениями.

Галстуки пионерские, но ***вроде бы*** не пионеры (О.Аросева. В.Максимова. Без грима). Как кого возьмут, *купца* ***ли***, чиновника, офицера, будочника, – точно живьём и отпечатают (И. гончаров. Обломов).

В сочетании с прилагательными и наречиями описываемые единицы выражают значение сомнения в достоверности признака предмета или признака действия.

– А как дико жить сначала на новой квартире! *Скоро* ***ли*** привыкнешь? (И.Гончаров. Обломов). В глазах, устремлённых поверх нас, нас не видевших, ***вроде бы*** *горькая* усмешка над собой, уголки рта опущены… (Н.Ильина. Дороги и судьбы). Дарье Фёдоровне и Елизавете Михайловне ***вряд ли*** это *интересно* (А.Кузнецова. Долли). Но отослать его к отцам ***Едва ль*** *приятно* будет вам (А.Пушкин. Евгений Онегин).

По данным нашего материала, фразеологическая частица ***едва ли*** сочетается с именами числительными и выражает значение сомнения в достоверности названного количества.

Но из десяти крючков ***едва ли*** *на трёх* попадалась настоящая добыча – на остальных болтались тощие глосики или крабы (В.Катаев. Белеет парус одинокий). В семье он провёл ***едва ли*** *тридцать шесть* часов, а родные его так давно ждали! (Д.Коган. Михаил Врубель). Передача выходила в эфир один раз в месяц, но готовилась так тщательно и серьёзно, что оставляла для нас свободными ***едва ли*** *пять* дней из тридцати (О.Аросева. В.Максимова. Без грима).

Фразеологические частицы, соотносимые с лексическими частицами, обладают широтой семантики. Компоненты-частицы ***будто, вроде, вряд, навряд, ли, чуть*** актуализируют элементы своих значений (сомнение, неуверенность) и формируют индивидуальное значение описываемых фразеологических частиц. Фразеологизмы-частицы имеют больше возможностей в выражении человеческих чувств. Например, значение сомнения, неуверенности, по данным нашего материала, осложняется элементами значения предположительности.

[София:] Напрасно: это всё относится к другим, Молчалин вам наскучил бы ***едва ли***, Когда б сошлись короче с ним (А.Грибоедов. Горе от ума). Все ***как будто*** ничего, а вдруг оглянусь – замечу: смотрит на меня, и не то ей стыдно, не то страшно, не то жалко меня, что ли… (Б.Полевой. Повесть о настоящем человеке).

Взаимодействие внутри одного фразеологизма-частицы разных по семному составу компонентов объясняет сложность структуры и семантики описанных фразеологических единиц.

[1] Работа выполнена при финансовой поддержке гранта Президента Российской Федерации № МК – 3911.2004.6

Аспирант О.С.Макарова (Волгоград)

ФЕНОМЕН МЕТАФОРЫ В ПСИХОЛИНГВИСТИЧЕСКОМ АСПЕКТЕ

Как известно, слово является важной составляющей системы языка, которое, отражая и выражая мысль, позволяет осуществить переход от чувственного познания к рациональному осознанию сути предметов. Овладевая языковой системой, человек абстрагируется от поверхностного суждения, тем самым обеспечивая себе возможность более обстоятельно рассмотреть взаимоотношения этих предметов, которые недоступны непосредственному восприятию, а также сообщить мысль коммуниканту, оформленную по законам того или иного языка.

Образы, возникающие в нашем сознании, закрепляются в языке с помощью слов, выражающих не только прямое, но и переносное значение. Этим обстоятельством объясняется интерес ученых к изучению когнитивного потенциала метафоры, к ее особенностям оформлять объективное знание об окружающих реалиях, описывать многообразные связи и отношения, в которые вступают эти реалии в рамках языковой системы. Метафора признается продуктивным способом познания мира. Так, Дж.Лакофф считает, что «метафора пронизывает всю нашу повседневную жизнь и проявляется не только в языке, но и в мышлении, и в действии. Наша обыденная понятийная система, в рамках которой мы мыслим и действуем, метафорична по самой своей сути» (Дж.Лакофф, 1990).

Метафора отражает взаимообусловленность мышления с закономерностями языковой реализации, является средством оформления и понимания реальности. Речь идет прежде всего об определенным образом структурированных знаниях человека о себе, а также окружающей действительности и принципах человеческого усвоения языка, их системного описания. Вслед за когнитивистом Р.В. Лангакером мы можем говорить о созидании и интерпретации внешнего мира человеком с помощью его психики, поскольку реальность не дана нам в непосредственной эмпирии.

Следует отметить, что адекватное понимание окружающей действительности одним народом невозможно простым калькированием перевести на язык культуры другой нации, поэтому в этом случае мы отмечаем проблемы, связанные с метафорическим переносом, а также ролью метафор в когнитивном контексте, где образные средства рассматриваются с точки зрения их коммуникативного использования. Здесь выделяется особенность метафоры внутри мыслительной деятельности воздействовать на эмотивную составляющую человеческого мышления, способного выражать посредством языка некоторые образы предметов. Эти образы определяют значение слова и взаимоотношения данного слова с другими понятиями в рамках определенного контекста и не могут быть равноценны нейтральным значениям слова, функционирующих в языке. Благодаря таким

ассоциативным связям некого явления окружающей действительности и образного средства, обусловленного контекстуальным употреблением само явление приобретает новую языковую номинацию, которая определяет, как соотносятся между собой понятийные формы мышления, каким образом создаются, фиксируются и распределяются наименования за явлениями окружающей действительности.

Таким образом, способность метафоры обозначать языковыми средствами реалии «деятельности» мысли на основе уже известных значений слова можно выделить как главенствующую в понимании феномена метафоры.

Метафора – это не только способ изображения действительности, но и сфера мышления, средство восприятия, осознания и интерпретации объективного мира. По своей сути метафора социальна, так как показывает, как картина мира отражается, находит свое понимание в общественном сознании и языке.

О.А.Михайлина (Краснодар)

ОПИСАНИЕ ГЛАГОЛЬНОЙ ЛЕКСИКИ КАК СПОСОБА СТРУКТУРАЦИИ ЗНАНИЙ

Значение слова – это минимальное знание предмета или некоторая «идеализация» ситуации, в которой для представления целого используются лишь определенные аспекты сцены. Такое элементарное знание предполагает понимание связи одних значений с другими. Теория поля позволяет представить значения слов и их связи с другими словами в системном (тезаурусном) виде.

В результате анализа текстов, описывающих область юриспруденции, были установлены 11 наиболее частотных лексико-семантических глагольных парадигм (ЛСГП). В качестве примера приведем ЛСГП с общим значением, формирующим базовый концепт, kill – лишить жизни, которую включена 61 единица. При сопоставлении словарных дефиниций глаголов и глагольных фразеологических единиц (ф.е.) была выявлена общая ядерная сема – deprive of life – лишить жизни, значение которой можно описать следующими признаками: социальный контакт, действие, предельность. По признаку – социальный контакт все лексемы этой ЛСГП распадаются на четыре группы: первая группа имеет общее значение – kill against law – убить противозаконно (murder, slay, slaughter, crap, rub out и др.); вторая группа имеет общее значение – kill in the name of law – убить от лица власти: (execute, electrocute, garrote и др.); в третью группу вошли глаголы и ф.е., которые включают оба этих семантических компонента (behead, sword, gas и др.); четвертая группа имеет общее значение – take intentionally one’s own life – лишить себя жизни (commit a suicide, commit hara-kiri и др.); Во второй группе отчетливо выделяются гиперо-гипонимические отношения. Семантическая структура гиперонима execute шире, чем у гипонимов: defenestrate, behead, shoot, hang, electrocute, garrote, guilliotine,

gibbet, send to the stake, set on a hot seat, т. к. их значение ограничено указанием на способ осуществления казни. Основная часть глаголов и ф.е. этой парадигмы, так же как и ядро kill, именуют одно действие (slay, strangle, croak). Однако имеются лексемы, которые обозначают два действия, находящиеся в отношениях конъюнкции или дизъюнкции (tip the garrote, buy it).

В результате анализа, описывающих собственно признак действия дифференциальным сем, было выделено два семантических признака: инструмент действия и способ действия. По первому признаку лексемы были разделены на пять групп: инструмент не указывается, огнестрельное оружие, отравляющее вещество, веревка или шнур, холодное оружие, узаконенное государством изобретение. По второму – на девять групп: способ не указывается; методом удушения; методом нанесения резаных, рубленных, колотых ран и обезглавливания; методом нанесения огнестрельных ран; методом электрического шока; методом утопления; методом сожжения; методом отравления; методом выбрасывания из окна.

Все единицы данной ЛСГП носят негативную оценочную коннотацию, которая тесно связана с эмоциональным (inhumanly, baberously, trechеareously) и экспрессивным (brain – dash out the brains) компонентами. Функционально-стилистическая отнесенность глаголов и ф.е. представлена соотношением от стилистически возвышенных (murder), включая историзмы (commit suttee) и межстилевые единицы (shoot), до стилистически сниженных (crap).

Осуществленный системный анализ показал, что структура организации глагольных лексем и ф.е. выражает отдельные признаки, основанные на экспликации различных типов отношений (агентивных, причинных и др.). Эти отношения реализуются благодаря тому, что глаголы становятся центральными узлами в целой сети образов и связей, которые выступают в роли средств актуализации различных аспектов многогранного индивидуального и социального опыта человека. Из этого следует, что описание глагола требуется вовлечения широкого круга явлений, благодаря которым устанавливается связь глагола с определенными фреймами, сценами, сценариями.

Аспирант Н.А.Пешехонова (Елец)

К ВОПРОСУ О СТРУКТУРНОЙ СХЕМЕ ПРЕДЛОЖЕНИЙ СО ЗНАЧЕНИЕМ СОЗИДАНИЯ ОБЪЕКТА В РЕЗУЛЬТАТЕ ФИЗИЧЕСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

Структурная схема простого предложения (далее ССПП) – это прежде всего знак мыслительного акта предицирования, то есть акта приписывания предмету речи предикативного признака и тем самым формирования суждения. Схема отражает все многообразие отношений, устанавливаемых между словоформами, которые являются номинантами элементов типовой ситуации.

Структурная схема предложений со значением созидания объекта, как правило, трехкомпонентна: «кто созидает что». Она представлена субъектной словоформой со значением агенса, производителя действия, маркированного одушевленным существительным в форме именит. пад., объектной словоформой со значением пассивного участника ситуации, который лишь испытывает на себе результаты действия субъекта, в форме винит. пад. и глагольным предикативом созидания (*мастерить, воздвигать, строить, выкладывать, создавать* и другие). Например: *Зимой на сплаве Исусик не работал, потихоньку выделывал кожи, шил бахилы и продавал местным рыбакам* (Астафьев. Перевал); *За этого нового коня Егор в колхозе сарай сложил* (Калинин. Цыган).

Объекты созидания могут быть дифференцированы, репрезентируя

1) наименования одежды, обуви: *Сколько он тапочек перешил – все другим, себе не оставил* (Солженицын. Один день Ивана Денисовича);

2) названия предметов быта: *Им мало, что там изготовляют им мебель и любую хозяйственную снасть* (Солженицын. Архипелаг ГУЛАГ);

3) названия построек, подсобных и хозяйственных сооружений: *Несмотря на позднюю осень, начались торопливые работы по надстройке и расширению дома – ставили каменное крыльцо с боковыми подъездами* (Толстой. Петр Первый); *И привел-таки себе из Липовки Матрену, срубили избу отдельную, где и сейчас живут…* (Солженицын. Матренин двор).

Абстрактные существительные в роли объекта не функционируют. Это объясняется тем, что процесс созидания – это созидание материального объекта, артефакта.

ССПП со значением созидания объекта могут быть и четырехкомпонентными. Четвертый компонент представлен актантом со значением материала, из которого что-либо создается. Этот актант выражен существительным в родительном падеже с предлогом *из*, причем данную позицию занимают чаще всего вещественные существительные. Например: *Китаец Ли Фанчи слепил себе на пустыре жилье из глины и соломы, а потом стал лепить комнатки, одну к другой, как соты, и сдавать их внаем* (Фадеев. Молодая гвардия). В данном предложении глагольный предикатив имеет отрицательный оттенок, употребляясь в значении `соорудить что-либо хрупкое, неустойчивое`.

ССПП «кто созидает что из чего» выявляет максимальную реализацию содержательной структуры глаголов созидания, включающую семы `лицо созидающее`, `объект созидания`, `материал, из которого создается нечто`.

В качестве структурообразующего компонента выступают прежде всего лексемы с общим значением созидания (*делать, сделать*). Например: *Но он все-таки сделал радиоприемник из тех частей, что еще оставались* (Фадеев. Молодая гвардия); *Они делали их [четки] из размоченного, а потом промешанного хлеба, окрашивали, нанизывали во влажном виде на ссученные и промышленные нитки и давали досохнуть на окне* (Солженицын. Архипелаг ГУЛАГ).

Выявлены также и лексемы, включающие сему `способ созидания`. Например: *Ложка та была ему дорога, прошла с ним весь север, он сам отливал* (`изготовить литьем`) *ее из алюминиевого провода…* (Солженицын. Один день Ивана Денисовича); *Он отрезает их и из них же сплетает* (`плетя, соединить концы чего-нибудь`) *подобные петли, но длинные, и привязывает их так, чтоб они свисали под вагон в прорезанный лаз* (Солженицын. Архипелаг ГУЛАГ); *Илька связал* (`закрутить жгутом, веревкой, стягивать`) *веник из пихтовых лап и принялся убирать в бараке* (Астафьев. Перевал).

Наряду со значением созидания объекта в результате физической деятельности глагол *изобретать* включает и элемент интеллектуальной деятельности: *Но когда Чижевский из последних бросовых материалов разработал маску против силикоза для джезказганских работяг, – Чечев не пустил ее в производство* (Солженицын. Архипелаг ГУЛАГ).

Докт. филол. наук А.В.Пузырёв (Пенза)

ПОНЯТИЕ О СЕМИ УРОВНЯХ МАНИПУЛЯЦИЙ

В понимании манипуляции мы следуем за Е.Л.Доценко: манипуляция – это вид психологического воздействия, искусное исполнение которого ведёт к скрытому возбуждению у другого субъекта намерений, не совпадающих с его актуально существующими желаниями (см.: Е.Л.Доценко 1997: 59).

Основным содержанием настоящего доклада является обоснование многоуровневого характера человеческих манипуляций, имеющих самое прямое отношение ко всему спектру человеческого бытия.

На наш взгляд, можно говорить не менее чем о семи уровнях манипуляций. Обозначим их:

1) физический;
2) финансовый;
3) внутриличностный;
4) межличностный;
5) социальный;
6) принципиальный;
7) универсальный (космический).

В условиях ограниченных рамок изложения позволим себе вполне понятную краткость.

На всех семи уровнях манипуляций мы наблюдаем:

а) психологическое воздействие;

б) отношение к объекту манипуляций как средству достижения собственных целей;

в) стремление получить односторонний выигрыш;

г) скрытый характер воздействия (как факта воздействия, так и его направленность);

д) желание (замотивированность) объекта манипуляции сделать то, что нужно манипулятору;

е) мастерство и сноровку в осуществлении манипулятивных действий.

1. О физическом уровне манипуляций можно говорить много и долго. Во-первых, большинство заболеваний носит психосоматический характер. Это утверждают и биологи, напр.: «…В любом соматическом заболевании можно найти и соматические, и психические факторы!» (канд. биол. наук С.Л.Шишкин, автор предисловия к известной книге Фр.Александера; – см.: Фр.Александер 2000: 16); и сами медики, ср. высказывание докт. мед. наук С.А.Кулакова, что психосоматические аспекты рассматриваются в новое время «как более или менее относящиеся к клинике множества болезней» (С.А.Кулаков 2003: 5). Мнение о том, что внешние обстоятельства воздействуют на человека через систему его внутренних координат, является в психологии общим местом (см.: С.Л.Рубинштейн 2000: 22-23 и др.)

Во-вторых (и в рамках обсуждаемого вопроса это самое существенное), заболевание очень часто играет роль способа психологической защиты манипулятивного характера. В известной «Психотерапевтической энциклопедии» (1998) об этом обстоятельстве говорится как о своего рода топике (общем месте). «К четвёртой группе могут быть отнесены механизмы психологической защиты манипулятивного характера… Известен… защитный механизм ухода в болезнь, при формировании которого больной отказывается от ответственности и самостоятельного решения проблем, оправдывает болезнью свою несостоятельность, ищет опеки и признания, играя роль больного» (Психотерапевтическая энциклопедия 1998: 411).

При манипулятивном уходе в болезнь наблюдаются: психологическое воздействие субъекта на своё физическое состояние (состояние тела становится средством манипуляций) → ухудшение состояния → желание (замотивированность) объекта манипуляции сделать то, что нужно манипулирующему своим здоровьем → получение манипулятором определённого одностороннего выигрыша (психологического или материального). Конечно, сам характер воздействия на тело обычно носит скрытый характер: манипулятор очень часто скрывает даже от самого себя как факт воздействия на своё здоровье, так и направленность этого воздействия.

Лучше К.Г.Юнга вряд ли кто скажет: «Нет вообще лучшего средства, чем невроз, для того, чтобы тиранить весь дом. В особенности сердечные приступы, приступы удушья, всевозможные судороги оказывают огромное действие, эффективность которого едва ли может быть превзойдена. Извергающиеся потоки сострадания, благородный ужас любяще-озабоченных родителей, беготня взад и вперед перепуганной прислуги, шквал телефонных звонков, спешащие на помощь врачи, тяжелые диагнозы, тщательные обследования, длительное лечение, крупные расходы – и в центре всего этого, посреди этой суматохи лежит сам невинно страждущий, к которому окружающие еще и преисполнены благодарности за то, что он нашел в себе силы перенести свои «судороги»… Невроз имеет целевую ориентацию» (К.Г.Юнг 1994: 72-73).

Мы склонны утверждать, что болезни вообще связаны с тем или иным психологическим выигрышем, своего рода выгодой. Своего рода выгода содержится часто даже в феномене смерти, поскольку смерть означает прекращение страданий и позволяет сэкономить значительные мыслительные усилия (конечно, здесь говорится прежде всего о естественной смерти, не вызванной никаким внешним целенаправленным воздействием).

Манипуляции на физическом уровне становятся возможными только тогда, когда личность проводит границу между собой и своим телом, а тело оказывается чужой территорией, «не-Я». «…Позвольте вас спросить: "Чувствуете ли вы, что вы – это тело, или же вы чувствуете, что вы имеете тело?" Большинство людей ответят, что они имеют тело – обладают или владеют им примерно так же, как автомобилем, квартирой или другим предметом. При таких обстоятельствах тело кажется не столько "мною", сколько "моим", а "моё", по определению, находится вне границы, проводимой между "собой" и "не собой"» (К.Уилбер 1999: 200).

Сказанное позволяет придти к предположению, что различные лекарства, хирургические вмешательства зачастую оказываются средством манипуляций больного на физическом уровне, а для выздоровления иногда становится достаточным осознать истинный смысл тех испытаний, которым больной подвергается.

2. О том, что существует мир финансовых манипуляций, все мы знаем из газет, журналов и окружающей жизни. Можно даже сказать, что затевавшаяся знаменитым реформатором *перестройка* и ставила своей целью придать финансовым манипуляциям новый уровень и небывалый размах. Тот факт, что Россия, являясь первой в мире страной по количеству золотовалютных резервов, сегодня оказывается на втором (после США) месте по количеству миллиардеров, наилучшим образом свидетельствует об успешности осуществления планируемых и реализуемых финансовых манипуляций. О том, что данное второе место наглядно демонстрирует широкомасштабность манипулятивного характера финансовой деятельности, говорит 57-е место России в мире по индексу человеческого потенциала (см., напр.: Новая газета – Мир людей, 23.03.2005, № 11. С. 2). Следует заметить, однако, что финансовые манипуляции – в силу направленности конференции и научных интересов автора – не могут быть в центре внимания настоящего доклада.

3. О внутриличностном уровне манипуляций следует говорить тогда, когда та или иная субличность в личности, пользуясь её, этой личности, нецелостностью, берёт верх над другими субличностями и использует для этого те или иные манипуляции.

Конечно, самообман (а внутриличностные манипуляции и внутренняя лживость, самообман во многом схожи) чрезвычайно разрушителен для человека. Л.Н.Толстой записал в своих дневниках по этому поводу так: «Ложь перед другими далеко не так важна и вредна, как ложь перед собой. Ложь перед другими есть часто невинная игра, удовлетворение тщеславия; ложь же перед собой есть всегда извращение истины, отступление от тре-

бований жизни» (запись от *30.07.1896 г.*; см. доклад С.А.Байшевой в настоящих материалах).

Не разрабатывая данный момент более детально, отошлём заинтересованных коллег к чрезвычайно содержательной монографии Е.Л.Доценко (1997), где, в частности, утверждается: «…Технология коррекционной работы убедительно демонстрирует, что внутренние психические процессы вполне могут иметь природу, принципиально совпадающую с межсубъектным взаимодействием» (Е.Л.Доценко 1997: 91).

4. В центре внимания психологических исследований чаще всего оказываются межличностные манипуляции. Сошлёмся на уже упоминавшуюся монографию Е.Л.Доценко: «…Не всякое побуждение конституирует манипуляцию, а лишь такое, когда мы не просто присоединяемся к чьему-либо личному желанию, а навязываем ему новые цели, которые предположительно им не преследовались. Например, кто-то спрашивает у нас дорогу на Минск, а мы его направляем ложно на Пинск – это лишь обман. Если он может заподозрить обман, мы показываем ему верную дорогу в расчете, что он отвергнет нашу подсказку как обманную – этот рефлексивный ход тоже не манипуляция, так как первоначальное намерение другого остается без изменений. В развитие примера Дж.Рудинова, можно сказать, что манипуляция будет иметь место в том случае, если тот, другой, собирался идти в Минск, а мы сделали так, чтобы он захотел пойти в Пинск. Или он вообще никуда не собирался, но решил сделать что-то благодаря нашему влиянию» (Е.Л.Доценко 1997: 56-57). Среди последних исследований межличностных манипуляций психолингвистического характера укажем на выполненное под нашим руководством интересное исследование Л.Ю.Веретёнкиной (Л.Ю.Веретёнкина 2004).

5. Социальные аспекты манипуляций часто привлекают внимание социальных психологов, имиджмейкеров. Конечно, наиболее ярким образом социальные манипуляции проявляются в избирательных кампаниях (см., напр.: Манипулятивные технологии 2003). Но более справедливо было бы ставить вопрос более широко, ср. мнение В.П.Пугачёва: «В целом в истории человечества действует определенная закономерность: **чем больше расходятся интересы управляющих и управляемых, тем более неприемлемым в общественном сознании является применение в политике и управлении физического принуждения, грубой силы; чем шире возможности правящей элиты использовать скрытые методы и технологии управления и чем большими способностями для этого она обладает, тем в большей степени в политической жизни страны используются методы скрытого управления массами** (выделение автора. – *А.П.*).

Оценивая с этих позиций политику современной России, есть все основания констатировать, что у нас сложились наиболее благоприятные предпосылки для гипертрофированного роста методов скрытого управления населением, и сами эти методы и технологии стали доминирующими в российской политике» (В.П.Пугачёв 2003: 64; ср. также: С.Г.Кара-Мурза 2003; Г.Г.Почепцов 1999 и др.).

6. Достаточно мало исследований по манипуляциям на принципиальном уровне. Вероятней всего, о манипуляциях на принципиальном уровне, уровне принципов, следует говорить тогда, когда личность – в силу своей нецелостности – принимает для себя за правило жить не в соответствии с собственными принципами, а применительно к обстоятельствам, применительно к подлости и отказывается воплощать в своей жизни ею же провозглашённые принципы. В собственно психологическом смысле манипуляции на принципиальном уровне очень схожи с внутриличностными. Различие здесь, вероятней всего, в объекте манипуляций. Если при внутриличностных манипуляциях в качестве объекта выступает другая субличность, то при манипуляциях указанного уровня объектом манипуляции оказываются ***принципы*** данной личности.

Конечно, любое общество (в том числе и так называемое демократическое) не может существовать без лжи, без манипуляций: можно было бы сказать, что человек всегда застаёт ложь, примерно так же как он застаёт земное тяготение; пространство социальности изначально искривлено вдоль силовых линий Л-сознания (в данном фрагменте используются рассуждения: А.К.Секацкий 1998: 271-284). В каком-то смысле манипуляции на принципиальном уровне неизбежны: человек как существо говорящее тем самым уже способен ко лжи и, более того, находится у неё в плену. Требуется неустанный контроль сознания, чтобы держать истину на горизонте в качестве цели. А поскольку феномен сознания требует больших энергетических затрат, постольку пребывание в истине для человека как носителя Л-сознания оказывается сродни стоянию на цыпочках, а – со времён Лао-цзы известно – «человек, стоящий на цыпочках, долго не простоит».

Чаще всего философы отрицают обманчивость мира и объясняют заблуждение несовершенством человеческого познания. Но в том-то и дело, что на уровне коммуникации каждый прав – правда одного для другого предстанет ложью (мы об этом писали: А.В.Пузырёв 1995: 272). На уровне коммуникации субъект восприятия всегда прав: уровень коммуникации – царство субъективности.

При оценке мышления имярек как истинного или ложного (в том числе манипулятивного) могут оказаться полезными параметры для ума вообще и для русского в частности, предложенные акад. И.П.Павловым (см.: И.П.Павлов 1991: 7):

1) сосредоточенность мысли на предмете;

2) степень привязанности к фактам, к действительности;

3) абсолютная свобода мысли, доходящая до смелости отвергнуть общепринятые истины;

4) привязанность и беспристрастие к своёй идее;

5) детальность мысли (детальная оценка подробностей условий);

6) стремление к простоте;

7) стремление к абсолютной гарантии, что найденное – истина;

8) смирение перед истиной.

Для того чтобы определить, в какой степени мышление субъекта соответствует истине (соответствует стремлению к целостности, чистоте принципов, или к лицемерию и беспринципности), можно также воспользоваться любопытным приёмом интроспективного характера, предложенным А.А.Меняйловым: «Парадоксально: человек с выраженным личностным началом в себе проявление различных слоёв стадности распознаёт, стадный же – не замечает, тем демонстрируя полное отсутствие критического мышления» (А.А.Меняйлов 2003: 51).

7. Манипуляции на космическом, универсальном уровне. О них, вероятно, следует говорить тогда, когда личность демонстрирует своего рода мономанию, одержимость и из чего-то одного (или денег, или здоровья, или семьи, или финансового благополучия, или социального статуса, или из собственных представлений о жизни и т.д.) «делает бога». Право на существование получает только *одна* истина и только *один* руководящий принцип действия, который должен быть абсолютным. Подобный самообман (строго говоря, автоманипуляция) – а о самообмане мы говорим потому, что развитие многовариантно и в жизни постоянны только изменения – однако, подпадает под действие закона энантиодромии, согласно которому всё переходит в свою противоположность. Рациональная культурная установка необходимо переходит в свою противоположность, а именно в иррациональное культурное опустошение. Человек не должен идентифицировать себя со своим разумом, ибо человек не только разумен и никогда иным не будет. И в школьном воспитании иррациональное не должно искореняться. Как справедливо замечает К.Г.Юнг, пренебрежение бессознательной частью своей психики (в рамках наших рассуждений – автоманипуляция) приводит личность к опасности быть поглощённым бессознательным, но за это полагаются тяжёлые наказания (К.Г.Юнг 1994: 113, 115, 119 и др.).

В рамках настоящего доклада мы можем набросать лишь самую общую картину многоуровневости манипуляций, причём картину, мы осознаём это, весьма неполную и несовершенную. Во многом за рамками доклада осталась и позитивная составляющая изучения манипуляций. Полагаем, что человеческие манипуляции – большая и вечная тема психологических и лингвистических исследований.

Цитируемая литература

Александер Фр. Психосоматическая медицина. – М.: ГЕРРУС, 2000. – 296 с.: ил.

Веретёнкина Л.Ю. Языковое выражение межличностных манипуляций в драматургии А.Н.Островского: Автореферат дисс. …канд. филол. наук. – Пенза, 2004. – 23 с.

Доценко Е.Л. Психология манипуляции: Феномены, механизм и защита. – М.: ЧеРо, 1997. – 344 с.

Кара-Мурза С.Г. Краткий курс манипуляции сознанием. – М.: Эксмо, 2003. – 448 с.

Кулаков С.А. Основы психосоматики. – СПб.: Речь,2003. – 288 с.: ил.

Манипулятивные технологии в избирательных кампаниях России: В 2-х т. – М.: Красные ворота, 2003. Т. 1. 400 с. Т. 2. 272 с.

Меняйлов А.А. Дурилка: Утончённые приёмы скрытого управления. – М.: Издательство «Крафт+», 2003. – 280 с.

Павлов И.П. О русском уме // Лит. газета. – 31.07.1991. – № 30 (5356). – С. 7.

Почепцов Г.Г. Коммуникативные технологии двадцатого века. – М.: Рефл-бук, К.: Ваклер, 1999. – 352 с.

Психотерапевтическая энциклопедия / Под ред. Б.Д.Карвасарского. – СПб.: Питер Ком, 1998. – 752 с.: – (Серия «Мастера психологии»).

Пугачёв В.П. Технологии скрытого управления в современной российской политике //Вестник МГУ. Серия 12. Политические науки. 2003. № 3. С. 64-102.

Пузырев А.В. Анаграммы как явление языка: Опыт системного осмысления. – М.; Пенза: Ин-т языкознания РАН, ПГПУ им. В.Г.Белинского, 1995. – 378 с.

Секацкий А.К. Формы лжи в структурах социальности // Очерки социальной философии: Учебное пособие /Под ред. К.С.Пигрова. – СПб.: СПб.ГУ, 1998. С. 271-284.

Уилбер К. Кто я? //Психосоматика: Взаимосвязь психики и здоровья. Хрестоматия / Сост. К.В.Сельченок. – Мн.: Харвест, 1999. – С. 194-211.

Рубинштейн С.Л. Основы общей психологии. – СПб.: Питер, 2000. – 712 с.: – (Серия «Мастера психологии»).

Юнг К.Г. Психология бессознательного. – М.: Канон, 1994. – 320 с.

Канд. филол. наук В.К.Радзиховская (Москва)

ПРЕДМЕТ ВЗАИМНОГО ИНТЕРЕСА В ПОЛЕ ВЗАИМНОСТИ

Взаимное действие – это действие, совершаемое парным в своей основе множеством субъектов, связанных между собой объектной зависимостью, и скоординированное в пространстве и времени по значимой цели и способу осуществления (В.К.Радзиховская 1998). В систему средств функционально-семантической категории (ФСК) взаимности входят и названия собственно взаимных действий (*встречаться, делиться, разговаривать, дружить, ссориться*) и отдельных актов взаимного действия, так называемых полувзаимных действий, конверсивы (Ю.Д.Апресян 1974) (*продавать – покупать, жениться – выходить замуж, спрашивать – отвечать*), наименования участников взаимного действия (*соперник, собеседник, друг*) и лиц, так или иначе участвующих в нем, стимулирующих его, влияющих на характер протекания взаимного действия (*сплетник, сваха, судья*), представляющих вместе лексико-семантические группировки в поле ФСК вза-

имности. Даже названия характеристик лиц (участников взаимного действия), а также самого взаимного действия, способствующих представлению взаимных отношений (*общительный, разговорчивый, вежливый; взаимно, наперегонки, вничью*), также входят в поле взаимности. Не имея морфологического центра (М.И.Откупщикова 1978), ФСК взаимности объединяет и системно организует разноуровневые средства, принадлежащие разным частям речи, софункционирующие при передаче значения взаимности. В грамматической системе русского языка ФСК взаимности выступает как ***субкатегория*** *(подкатегория*), которая опирается на структуру взаимного залога, объединяя все части речи. Ее парадигма «рассыпана» в языке и организуется местоименными указателями, возглавляемыми в русском языке взаимным местоимением друг друга, выделенным в работе (Н.А.Янко-Триницкая 1968).

Взаимные глаголы могут быть возвратными и невозвратными. Эти последние, глаголы мысли и речи (Н.А.Янко-Триницкая 1968), обозначая сложное действие, сформированное путем удвоения речевого действия – его интериоризации (Л.С.Выготский 1996) (человек размышляет и разговаривает прежде всего сам с собой), – содержат взаимное значение в лексической части и поэтому не требуют своего морфологического оформления. Взаимное значение глагола не препятствует его использованию в конструкциях страдательного залога: *В маленьком белом домике собирался теперь по вечерам небольшой елагинский кружок, здесь* ***обсуждались*** *новые* ***вопросы****, ...читались новые газеты.* (В.Короленко); *Я слишком рано стала наблюдать* ***все, что*** *вокруг меня делалось и* ***говорилось*** *взрослыми*. (Е.Панаева). В систему средств ФСК взаимности, таким образом, попадает и объект, который мы бы назвали объектом взаимного интереса. Лексическое наполнение позиции объекта в поле взаимных отношений образуют соответственно одну из лексико-семантических групп ФСК взаимности, тем более важную, что именно этот объект определяет и организует взаимное действие в сфере имущественных отношений, более того, он организует целостность доминантного в поле взаимности мысле-рече-языкового действия. Верное наблюдение этой важной особенности человеческой психики сделал А.П.Чехов, создав образ Душечки: «А как это ужасно, не иметь никакого мнения! Видишь, например, как стоит бутылка, или идёт дождь, или едет мужик на телеге, но для чего эта бутылка, или дождь, или едет мужик на телеге, какой в них смысл, сказать не можешь и даже за тысячу рублей не сказал бы. При Кукине и Пустовалове и потом при ветеринаре Оленька могла объяснить всё и сказала бы своё мнение о чём угодно, теперь же и среди мыслей и в сердце у неё такая же пустота, как и на дворе. И так жутко и так горько, как будто объелась полыни». **Мнение** – феномен взаимодействия, взаимности как явления психики, мыслительной деятельности. Значение, мнение – вот что организует всю деятельность человека через мысле-рече-языковую деятельность и мысле-рече-языковое действие как общественное явление: *И вот общественное мнение! / Пружина чести, наш кумир! / И вот на чем вертится мир!* (А.Пушкин). Цен-

ностное значение для личности общественного мнения подчеркивается и ироническим высказыванием поэта: «*Мнение – не имение. / Потерять его не страшно*» (В.Маяковский) – замечательно, что здесь сливаются объекты имущественной и интеллектуальной ценности, вполне выявляя феномен объекта взаимного интереса в поле взаимных отношений.

Сам язык является объектом взаимного действия, он организует, согласует мысле-рече-языковую деятельность и мысле-рече-языковое действие – взаимное по своей природе действие. Невозможно, чтобы в языке не нарабатывалась лексика, системно организующая наименования объектов взаимного действия. Для каждого системно организованного поля взаимного действия (взаимного движения с предметом, взаимных отношений с предметом имущественной ценности, мысле-рече-языкового действия как доминантного в поле взаимных отношений) складывается иерархия наименований объектов взаимного действия, направляемая формированием соответственной терминосистемы (В.М.Сергевнина 1978). Значение взаимного действия с предметом пронизывает всё поле ФСК взаимности, так что мы различаем три группы наименований предметов взаимного действия: **(а)** предмет (объект) имущественного владения; разновидностью такого объекта является предмет купли-продажи, при этом такие слова, как *товар, деньги, акции, фишки* служат наиболее общими выразителями значения предмета взаимного действия как объекта имущественного владения и наиболее отчетливо сигнализируют о наличии взаимных имущественных отношений в тексте; **(б)** предмет игры (игровая фигура) как объект взаимодействия игроков в поле физического, а точнее, психофизического действия; в языке ему соответствуют формирующие поля взаимности в тексте названия предметов спортивного инвентаря (*мячи, шары, шашки*), игровых фигур (*карты, кости, фишки*), используемых в различных играх, предназначенных для двоих и более игроков; **(в)** слово и язык как феномен культуры, носитель информации и инструмент мысле-рече-языкового действия, общения – взаимного действия высшего порядка – выступают выразителями ФСК взаимности; *значение, мнение* (даже *фишка*) – вот что организует всю деятельность человека через мысле-рече-языковую деятельность и мысле-рече-языковое действие как общественное явление.

Предмет взаимного интереса всегда присутствует в поле взаимных отношений в явной или неявной форме как мотив взаимного действия. С целью успешной реализации взаимных отношений он может быть скрыт намеренно или непреднамеренно. Но если нет предмета взаимного интереса, то и нет взаимности отношений. Язык и речь реагируют на эту сложную ситуацию взаимных отношений оформлением взаимного значения в глаголе, в наименованиях лиц, участников взаимного действия, и объектов взаимного интереса, их характеристик, самим наличием/отсутствием и даже ложным представлением объекта взаимного интереса в речи.

Будучи жизненно важной категорией, организующей движение всех форм в языке, ФСК взаимности формируется как ***суперкатегория*** (*надкатегория*) с динамически неоднородной – грамматической, словообразова-

тельной, лексической (фиксируемой терминологически) – полицентричностью, актуализируя системность выражения взаимных отношений в языковом континууме.

Докторант Э.А. Салихова (Уфа)

О РОЛИ КОГНИТИВНОЙ ТЕОРИИ В ПРОЦЕССАХ РЕЧЕПОРОЖДЕНИЯ

Очевидно, что психолингвистическое изучение прагматики требует анализа её оснований. База, на которой строятся подобные теории, является и концептуальной (поскольку проявляется при общем анализе деятельности и взаимодействия) и эмпирической (это видно из исследований особенностей порождения и восприятия речи в процессе коммуникации).

Одним из главных компонентов теории коммуникативно-языкового взаимодействия выступает *когнитивная теория* употребления языка, открывающая доступ к процессам и структурам, обеспечивающим производство, понимание и.т.п. виды когнитивной обработки высказывания, и объясняющая природу речевых актов. Теория этого типа должна стремится прояснить характер связи между различными когнитивными системами и условиями успешности речевых актов при овладении и пользовании словом (шире – языком) в конкретных ситуациях. Помимо таких когнитивных феноменов, как нормы и оценки, предпочтения, велика роль и конвенционального знания (социального по своему характеру), которое можно считать основным фактором, определяющим функционирование других систем и коммуникацию. Эти системы именуются, в частности, фреймами, гештальтами и пр. Когнитивная теория в качестве одной из задач должна дать объяснение нашей способности формировать и использовать различного рода стратегии в овладении и пользовании словом.

Обращаясь к понятию стратегии, отметим необходимость её характеристики как свойства когнитивных планов – общей организации некоторой последовательности действий, включающей цель (или цели) взаимодействия. Учитывая последнее, можно говорить о социальных её коррелятах. Существует множество способов достижения заявленных целей, и стратегии имеют отношении к *выбору* средств для этого.

Приведенные замечания позволяют заключить, что стратегии в общих чертах – это характеристика когнитивного плана общения, которая контролирует оптимальное решение задач гибким и локально управляемым способом в условиях недостатка информации о соответствующих (последовательных) действиях другим участником коммуникации. Значит, ход определяется как функциональная единица последовательности действий, которая способствует решению локальных или глобальных задач под контролем подобной стратегии.

Изложенные соображения основываются на том, что любой поведенческий акт должен быть смоделирован в центральных аппаратах мозга. Его «программирующая деятельность заключается в создании центральной ор-

ганизации поведенческого акта на основе доминирующей мотивации, прошлого жизненного опыта и в соответствии вероятностной структурой среды» [Ассоциативные системы мозга 1985: 5]. Основываясь на обширном теоретическом и экспериментальном материале по физиологии мозга, А.С.Батуев предлагает такую схему функциональной организации целенаправленного поведенческого акта, которая может быть применена также и к речевому акту. Согласно ей, частные поведенческие гипотезы (в нашей терминологии - стратегии) в соответствии с вероятностной структурой образуют новую динамическую программу, которая удерживается в кратковременной памяти до реализации поведенческого акта. Вероятностные программы актуализируют в строго временной зависимости ряд гипотез (стратегий), в результате чего совершается действие (речевой акт), которое может привести к получению/отсутствию результата.

Поведение (в т.ч. речевое) в постоянно меняющейся среде требует выработки способностей к вероятностному прогнозированию и соответствующих пластических мозговых систем. Таковыми являются наиболее сложно организованные ассоциативные системы мозга, в тесном взаимодействии с другими структурами мозга.

Аспирант О.А.Селеменева (Елец)

СТРУКТУРНАЯ СХЕМА «ГДЕ ПРОИСХОДИТ ЧТО» – ЗНАК СОСТОЯНИЯ ОКРУЖАЮЩЕЙ СРЕДЫ

Объектом нашего изучения явилась структурная схема простого предложения «где происходит что», означаемым которой выступает пропозиция «состояние природы», и особенности её речевой реализации. Исследование выполнено на материале, представляющем выборку в количестве 380 высказываний из произведений русских писателей XIX – XX веков.

Выделенная нами схема двухкомпонентна. Локативная лексема или локативная предложно-падежная форма называет носителя состояния, а глагол, за которым в грамматике закреплён термин «безличный», кодирует семему состояние природы, являясь структурообразующим компонентом. В этой позиции наиболее частотны глаголы типа *темнеет (32 %), светает (24 %), смеркается (19 %), вечереет (7 %)* и др.

Речевая реализация схемы представлена исходной формой (11 %) (например: *В роще вечереет, морозит, высокое небо холодеет и синеет* – Бунин. Метеор), её грамматической и структурно-семантической модификациями. Грамматическая модификация чаще (98,5 %) реализуется формой прошедшего времени предикатива (например: *В котловине смеркалось...* – Ефремов. Дорога Ветров), реже – формой будущего времени (1,5 %) (например: *Однако, скоро будет светать...* – Куприн. Впотьмах). Модификации, представленной формой сослагательного наклонения предикатива, в нашей выборке не обнаружено, хотя потенциально она возможна. Например: *Подморозило бы на улице, мы пошли бы на каток.* Онтологическая

природа состояния среды налагает запрет на волюнтивную модификацию описываемой схемы.

Структурно-семантическая модификация нашей схемы чаще представлена неполной реализацией (82 %), заключающейся в эллипсисе словоформы со значением носителя состояния (например: – *Темнеет, – сказал Баулин. – Пора домой* – Паустовский. Повесть о лесах); фазовой модификацией, представленной лексемами с семой 'начало' как в высказываниях с исходной формой схемы, так и её временной модификации, представленной формами прошедшего и будущего времени (17 %) (например: *Разговаривая таким образом, мы катаемся по озеру до тех пор, пока не начинает темнеть* (Куприн. Прапорщик армейский); *После полудня стало накрапывать* – Толстой. Пётр Первый); отрицательной (1 %) (например: *Ещё не светало, а уже по всему дому хлопали двери...* – Толстой. Пётр Первый). Речевая реализация структурной схемы не исключает вопросительной и модальной модификаций, не нашедших в нашей выборке места, но возможных: Например: *Уже светает? Уже должно светать.* Однако отметим, онтологическая природа субъекта исключает модификацию с семой 'желание'.

Процесс речевой реализации описываемой схемы приводит к включению в позиционную схему высказывания детерминирующих конструкций, реализующих пропозициональный смысл 'время'. Например: *После полудня стало накрапывать* (Толстой. Петр Первый).

Итак, двухкомпонентная структурная схема «где происходит что», являясь маркёром пропозиции «состояние природы», в процессе речевой реализации подвержена темпоральной, неполной, фазисной, отрицательной модификациям. Онтологическая природа состояния среды налагает запрет на волюнтивную модификацию описываемой схемы и исключает модификацию с семой 'желание'.

Докт. филол. наук К.Я.Сигал (Москва)

ЛЕКСИЧЕСКАЯ ОБЪЕКТИВАЦИЯ СОЮЗНОГО МАРКЕРА СОЧИНИТЕЛЬНЫХ ОТНОШЕНИЙ В СВЕТЕ ЭКСПЕРИМЕНТАЛЬНЫХ ДАННЫХ

Психолингвистический анализ сочинения [Сигал 2001] показал, что при структурировании сочинительных отношений говорящий должен прежде всего выяснить, подходит ли для репрезентации актуальных для него смысловых оттенков (результатов когнитивной конфигурации элементов множества) бессоюзие, и лишь затем, в случае выбраковки нулевого маркера (собственно нулевого или же нулевого маркера, соотнесенного с материально выраженным показателем сочинительных отношений), он вырабатывает когнитивную ориентировку по лексической объективации союзного маркера определенного семантического класса. Поэтому в поставленном нами эксперименте, основанном на процедуре оценки испытуемыми пар сочинительных конструкций с конкурирующими союзными схемами

(соединительными) и на метаязыковом комментировании выбранного варианта в послеэкспериментальной анкете, проверялась гипотеза о том, что выбор конкретного сочинительного союза определяется когнитивным эталоном его семантики, отображающим функционально достаточный объем смысловых признаков и прагмастилистических оттенков союза как представителя своего семантического подкласса. Результаты проведенного эксперимента позволяют сформулировать следующие основные выводы.

Во-первых, выбрав исходный вариант союзной схемы сочинительной конструкции в каждой из стимульных пар как более правильный, преобладающее большинство испытуемых подтвердили стереотипный характер идентификации контекста неполнозначной позиции сочинительного союза. Функциональная структура этого контекста иерархична: сочиненные компоненты > лексико-грамматические индексы предтекста > коммуникативная (в превращенном виде - текстовая) ситуация, - причем на выбор одного и того же соединительного союза может повлиять фактор любого иерархического уровня, что свидетельствует о лексической объективации сочинительного союза как о сложной, автоматизированной за счет многослойных функциональных связей данных служебных знаков речемыслительной операции. Во-вторых, опираясь на совпадение исходных и выбранных большинством испытуемых союзных схем, а также на мотивировку этого выбора в метатекстах, нельзя не прийти к выводу о том, что в языковой способности индивида существуют когнитивные эталоны сочинительных союзов, в данном случае представляющие собой результат обобщения коммуникативных условий употребления лексических элементов *и ..., и; но* и *да* в соединительной функции. Когнитивный эталон – это синкретический комплекс рациональных и эмоциональных сторон конъюнкционального семиозиса (становления сочинительного союза как служебного знака), и поэтому при синтаксической категоризации множества говорящий интерпретирует его не только формальными синтаксическими значениями, но и функционально связанными с ними рационально- и эмоционально-оценочными смыслами: сочинительный союз неотделим от прагматически-пристрастной "упаковки" тех или иных когнитивных содержаний. Так, по всей видимости, соединительный союз *и ..., и* зафиксирован в языковой способности говорящего (и адресата) в форме эталонных значений 'незавершенность перечисления' и 'много', а также эмоционально-стилистических коннотаций 'значимость каждого элемента', 'быстрая смена' и т.д., союз *но* – в форме эталонных значений 'противопоставление' и 'уступка', а также эмоционально-стилистических коннотаций 'необычность соединения' и 'смена оценок', наконец, союз *да* - в форме эталонных значений 'завершенность перечисления' и 'мало', а также эмоционально-стилистических и стилевых коннотаций – 'сожаление', 'жалость' и т.п. и 'просторечность', 'разговорность', 'архаичность' соответственно.

Несмотря на то, что когнитивные эталоны сочинительных союзов в таком представлении весьма похожи на простые списки функционально релевантных семантизаций и во многом совпадают с лексикографически

полной характеристикой сочинительных союзов в единстве их значений, стилево-стилистических помет и употреблений, в речевой деятельности говорящего когнитивные эталоны обеспечивают одну из важнейших речемыслительных субопераций в структурировании сочинительных отношений - лексическую объективацию союзного маркера. В опосредованном текстом метаязыковом осознании когнитивный эталон сочинительного союза не дан холистически в непосредственном наблюдении, так как для испытуемых более привычным является осмысление селективных процессов в терминах какого-либо одного фактора или условия, отображающего коммуникативную санкционированность произвольного выбора одного из синонимичных союзных маркеров. На самом же деле, *когнитивные эталоны сочинительных союзов – это достаточно стабильные функциональные единицы психолингвистической грамматики, способствующие автоматизированному использованию того или иного лексического элемента в общей с синонимическими лексическими элементами функции маркера сочинительной связи и в специфичной для него функции экспликатора определенной содержательной структуры*. Принципиально важным является и то, что когнитивный эталон может начать действовать даже при доминировании прагмастилистических элементов содержательной структуры сочинения и что тем самым сочинительный союз способен выявлять в речевом высказывании личностно окрашенные мнения, оценки и переживания говорящего по поводу синтаксически репрезентируемого им в форме сочинения предметного множества (см. подробнее об этом в [Сигал 2004]).

Соискатель Н.Ю.Синячкина (Пенза)

СЛОВООБРАЗОВАТЕЛЬНЫЕ ПРОЦЕССЫ И ИХ РОЛЬ В РАЗВИТИИ НЕМЕЦКОЙ ТЕРМИНОЛОГИИ МАШИНОСТРОЕНИЯ

Объем зарубежной информации по всем отраслям науки и техники в последние годы продолжает расти быстрыми темпами. Значительное место в общем потоке занимает информация, поступающая из немецкоязычных стран. Развитие сотрудничества нашей страны с Федеративной Республикой Германии, расширение деловых контактов привело к тому, что еще более возросла роль перевода, реферирования и аннотирования на немецком языке. В этой связи актуальной остается проблема практического владения узкоспециальной терминологической лексикой переводчиками, инженерами и студентами высшей школы.

Наиболее распространенное представление о термине связывает его со словом либо словосочетанием, выражающим специальное (профессиональное) понятие. Описанием терминологии призвана заниматься терминография. Единица описания в терминографии – единица номинации предметов и явлений окружающей действительности и нашего сознания (а отнюдь не лексическая единица как в лексикографии). Вообще под термином понимается слово или словосочетание, языковой знак которого соотнесен с одним понятием или объектом (или несколькими объектами) в сис-

теме понятий данной области науки и техники. Понятию или объекту одновременно с названием в виде термина дается определение (дескрипция), в котором указываются отличные, существенные признаки отраженного в данном понятии предмета или явления. Терминологическая лексика имеет ряд характерных признаков:

1. Наличие дефинитивной функции – способности выражать точное научное понятие.

2. Системная обусловленность, то есть иерархическая подчиненность терминов по какому-либо признаку. Наиболее частный случай иерархической зависимости – родовые и видовые понятия.

3. Многосемичность, однозначность в пределах одной терминологической группы лексики.

4. Отсутствие эмоционально-экспрессивной окраски.

Термин как единица функциональная и имеющая тенденцию к однозначности в рамках данной терминосистемы не может без ущерба для решения коммуникативной задачи иметь более чем одно значение в определенном контексте. И хотя явление полисемии, то есть отклонение от однозначного соответствия понятия и выражающего его термина допускается в редких случаях, чаще всего она есть явление неверного употребления, а не как возможное свойство термина (полисемичность) [К.Я.Авербух 1988: 33].

Для современной терминологии немецкого языка характерны наличие значительного количества англо-американских заимствований, образование многокомпонентных терминологических сочетаний, сокращений разных типов и гибридных терминов. Под гибридным термином подразумевается терминологическое сочетание, в котором один термоэлемент заимствованный, а другой – исконно немецкий [М.С.Шумайлова 2005: 1]. В терминологии любой отрасли остается исключительно продуктивным процесс субстантивации инфинитивных форм глагола. Процесс субстантивации инфинитивов в терминологии машиностроения используется для образования отглагольных существительных, обозначающих технологические операции или процессы в их течении, в то время как существительные, образованные от той же глагольной основы с помощью конверсии, аблаута, или суффиксального образования с помощью суффикса -ung наряду с процессным могут обладать значением результата соответствующего процесса или значением орудия действия. Ср.:

verniet -en	
субстантивация	суффиксация
das Vernieten 1. склепывание, клепка	die Vernietung 1. клепка 2. заклепочный шов

zentrier -en	
субстантивация	суффиксация
das Zentrieren 1. центрирование 2. центрование	das Zentrierung 1. центрование 2. центрирующий элемент

ziehen	
субстантивация	аблаут
das Ziehen 1. вытяжка 2. волочение	der Zug 1. растяжение 2. вытяжка 3. вытяжной штамп

Отглагольные существительные с процессным и результативным значением, создаваемые путем аблаута (чередованием гласных) могут использоваться в процессе основосложения несмотря на то, что этот вид безаффиксного словопроизводства считается в современном немецком языке непродуктивным.

Ср.: Zeugkraft f сила тяги, Zugspindel f ходовой вал, Zugversuch m испытание на растяжение.

Примеры конверсии глагольных основ в терминологии машиностроения:

einbauen	→	Einbau m
монтировать		установка; монтаж, сборка
schneiden	→	Schnitt m
резать		разрез, сечение
sitzen	→	Sitz m
сидеть		1. посадка 2. седло (клапана) 3. гнездо

В немецкой терминологии машиностроения большое распространение получили сложные термины, активное участие в их образовании сложения основ или словоформ. С точки зрения семантико-сентаксических отношений между компонентами в цельнооформленном сложном термине могут быть выделены следующие разновидности словообразовательных процессов: 1) детерминативное, 2) копулятивное и 3) детерминативно-копулятивное сложение [Е.С.Анюшкин 1974: 25].

Детерминативное сложение регламентируется атрибутивной связью компонентов – первый компонент определяет, уточняет второй. Этому процессу в машиностроении обязаны своим возникновением такие субстантивные термины, как

Arbeitsebene f рабочая плоскость, Führungshülse f направляющая втулка, Stangenautomat m прутковый автомат, Schmiedestück n поковка.

Определяющим компонентом могут быть не только существительные, но и прилагательные, глаголы, числительные.

Waagrecht – Bohrmaschine f горизонтально-сверлильный станок

(waagrecht – прилагательное)
Kreisschere дисковые ножницы
(der Kreis – существительное)
Stanzpresse f штамповочный процесс
(stanzen – глагол)
Zweiständer m двухстоечная станина
(zwei – числительное)

Под копулятивным сложением понимаются словообразовательные процессы, которые ведут к установлению сочинительной связи между компонентами в цельнооформленном сложном термине. Компоненты вступают в синтаксически равноправные отношения, на основе равноправной сочинительной связи образуется единый комплекс – сложный субстантивный термин. Для наименования единых научно-технических понятий, обладающих однородными признаками, используются копулятивные словосочетания с общим основным словом, объединенные сочинительным союзом und

[В.Н.Былинович 1984: 98].

Ср.: Schweiß- und Gusskonstruktion f сварно-кованная конструкция;
Bohr- und Fräswerk n горизонтально-расточный станок;
Werkzeug-Schärf- und Schleifmaschine f заточный станок.

На базе копулятивных словосочетаний нередко создается цельнооформленный сложный термин с детерминативно-копулятивными отношениями между компонентами, в котором союз und опущен. В результате детерминативно-копулятивного сложения образуются трехкомпонентные слова, в которых два первых компонента вступают в детерминативные отношения с третьим – основным компонентом и в копулятивные отношения между собой.

Ср.: Portall-Koordinaten-Bohrwerk n портальный координатно-расточный станок, Magasin-Casetten-System n, система кассетного магазина., Präzisions-Rundtisch-Flachschleifmaschine f прецензионный плоскошлифовальный станок с круглым столом, Präge-Folgegesenk n чеканочно-правильный штамп последовательного действия.

В роли синтаксически равноправных компонентов , составляющих определение, иногда выступают фамилии изобретателей. Например: Dia-Testo-Härteprüfer m твердомер Бринелля-Виккерса, Sulf-Inuz-Verfahren n жидкостное азотирование по методу Зульф-Инц.

Конкурируют со сложными словами термины – словосочетания, которые способны выражать в понятии-термине несколько видовых признаков. Стержневой, то есть субстантивный компонент словосочетания рассматривается как категориальный терминоэлемент (КТЭ), а определительный комплекс при нем – как специфический терминоэлемент (СТЭ)[Т.Л.Канделаки 1967: 39]. Наиболее распространенной является модель СТЭ-КТЭ, то есть со специфическим терминоэлементом в препозиции, менее распространена модель КТЭ-СТЭ, то есть со специфическим терминоэлементом в постпозиции. В роли специфического терминоэле-

мента выступают в основном прилагательные, обозначающие физические параметры или реже метафорически переосмысленные прилагательные, переносящие признаки живых существ на материалы, детали, например: fetter Formsand жирная формовочная смесь, magerer Formsand тощая формовочная смесь, beruhigter Stahl спокойная сталь.

Фиксируется и значительное число причастий, причем терминологические причастия способны образоваться, минуя инфинитив и личные формы соотносительного с данным производные от десубстантивных глагольных основ, имеющие значение «снабженный чем-либо», то есть орнативное значение, например: gelaschte Naht шов с накладкой, geschlitzte Mutter разрезная гайка, гайка с прорезью.

Если же причастия образованы от глаголов, в основе которых лежат существительные со значением «инструмент», то они обозначают признак через отношение к результату действия, выполненного при помощи данного инструмента, например: gewalztes Gewinde - накатанная резьба.

Причастия от деадъективных глаголов имеют обобщенное значение «приведенный в состоянии», обозначенное основой прилагательного, например: gekrümmte Oberfläche криволинейная поверхность.

Причастия от прямых глагольных основ обозначают результат действия, выступающий в качестве признака предмета, например: gewundener Bohrer витое сверло, der vorgeschmiedete Rohling кованная вчерне заготовка.

Следует отметить использование в роли специфического терминоэлемента сложно-причастных соединений или прилагательных в полусуффиксами –fest, -sicher, -beständig, -dicht, а также группы, указывающей своим значением на размер, форму, структуру через сравнение, например: hitzebeständige Legierung – жаростойкий сплав, hochfester Grauguss высокопрочный чугун; trapezförmiges Gewinde – трапецеидальная резьба.

Интерес представляет взаимодействие и взаимосвязь семантики специфического терминоэлемента и семантики категориального элемента.

На примере существительного der Stahl рассмотрим признаки материалов, на которые может указывать специфический терминоэлемент:

1) на физико-химические свойства hochfester Stahl высокопрочная сталь;

2) на составную часть, входящую в более сложный материал: ~, plattierter платированная сталь (биметалл), ~, siliziumlegierter кремнистая сталь, ~, magnanhaltiger марганцевосодержащая сталь,~, komplexer комплексная сталь;

3) на устойчивость против нежелательных веществ и процессов: ~, rostbeständiger нержавеющая сталь, ~, säurebeständiger кислотоупорная сталь, ~, zunderbeständiger окалиностойкая сталь, ~, korrosionsbeständiger антикоррозионная сталь, ~, warmfester жароупорная сталь, ~, schnittfester сталь стойкая к резанию;

4) на отсутствие свойства ~, antimagnetischer немагнитная сталь;

5) на внутренний процесс, происходящий в материале, или уже произошедший: ~, blankgezogener холодная сталь, ~, durchhärtender прокаливаемая сталь, ~, einsatzgehärteter цементированная сталь, ~, geglühter отожженная сталь, ~, härtbarer закаливаемая сталь, ~, vergüteter улучшенная, термически обработанная сталь, ~, gehärteter закаленная сталь;

6) на наличие компонента в большей, меньшей и нейтральной степени: ~, hochgekohlter высокоуглеродистая сталь, ~, niedriggekohlter малоуглеродистая сталь.

Описанные в статье словообразовательные процессы являются промежуточным звеном между простейшими формами слова и терминологическим содержанием. Кроме того, они регламентируют отношения между структурно-семантическими компонентами внутри цельнооформленного термина, тем самым позволяют определить значение и границы употребления термина.

Цитируемая литература:

Авербух К.Я. Терминография: традиционное и специфическое// Теория и практика научно-технической лексикографии: Сб. статей. – М.: Рус. яз., 1988.

Шумайлова М.С. Немецкая терминология как объект социолингвистического исследования. – Омск, 2005.

Анюшкин Е.С. Словообразовательные процессы и их роль в формировании и развитии немецкой терминологии свеклосахарного производства //Вопросы терминологии и лингвистической статистики: Сб. статей. – Воронеж, 1974.

Былинович В.Н. О словосочетаниях как единицах терминологии// Романское и германское языкознание: Республиканский межведомственный сборник. – Минск, 1984.

Канделаки Т.Л. Об одном типе словаря международных терминоэлементов //Филол. науки. – 1967. – № 2.

Толковый словарь по машиностроению. – М.: Рус. яз., 1987.

Немецко-русский словарь по технологии машиностроения. – М.: Рус. яз., 1978.

Немецко-русский политехнический словарь. – М.: Рус. яз., 1984.

Lieferprogramm (программа поставок). Gertner Wien, 1995.

Докторант Е.К.Черничкина (Волгоград)

ДОМИНАНТНОСТЬ КОММУНИКАТИВНОГО КОМПОНЕНТА ЛИЧНОСТНОГО ПОЛЯ ЧЕЛОВЕКА

Личность человека является краеугольным понятием многочисленных научных исследований. Тот факт, что целый ряд научных направлений является личностно-ориентированным, связан с масштабностью и многоаспектностью личностного поля человека, в котором можно выделить соци-

альный, биологический, психологический, когнитивный, языковой и коммуникативный компоненты. В последнее время и в лингвистике наблюдается приоритетность изучения аспектов проявления человеческой личности в языковой деятельности индивида.

Вопрос выделения ядра и маргинала в личностном поле человека не может рассматриваться однозначно, каждая научная школа имеет свой фокус рассмотрения.

Личность человека можно рассматривать как индивидуальную проекцию социально значимых черт. Ребенок становится личностью, когда входит в процесс социализации того, что происходит в обществе. Подобная компрессия общественной жизни, общественных отношений будет представлять то всеобщее, инвариантно-нормативное, что присуще любой личности конкретно-временного лингвосоциума. Однако, в тоже время известно, насколько уникальна и неповторима каждая отдельная личность. Человеческая личность ценна своей неповторимостью, которая в большей степени проявляется на коммуникативном уровне при реализации своей основной функции – быть субъектом общественных отношений, экспликацией которых является общение. Именно общение является сущностью и фундаментальной потребностью человека.

Личность человека представляет собой некую целостность, в структуре которой абстрактно можно выделить ряд мозаичных аспектов , выпадение любого из них может привести к деформации личности или свидетельствовать о ее несформированности.

Согласно А.В.Пузыреву, на основе субстратного подхода к языковой реальности, учитывая всеобщий, общий, особенный и единичный компонент или «ступень сущности человека», в личностной парадигме следует различать мыслящую, языковую, речевую и коммуникативную личность. Коммуникативная личность обладает наименьшей степенью абстрактности, но именно в ней происходит экспликация индивидуального своеобразия человека через использование (а)вербальных средств коммуникации.

Коммуникативная личность включает ряд параметров, определенное количество слагаемых. Речь, однако, должна идти не о сумме слагаемых, а об их интегральном единстве.

Коммуникативный компонент тесно взаимосвязан с другими личностными параметрами: индивидуальным когнитивным пространством, эмоциональной сферой, языковой и речевой компетенцией. Следует также заметить, что и в других (условно отнесенных нами к переферийным) компонентах личности (биологическом, психологическом, социальном) можно выделить коммуникативно-значимые признаки, такие как этническая и гендерная принадлежность, социально-культурный статус, биолого-физиологические данные, психологический тип и т.д.

Человек обладает родовой способностью быть коммуникативным агентом (субъектом коммуникации), но каждый индивид еще должен стать им. Коммуникативная личность человека проявляется и развивается во внутренней среде (в процессе саморазвития, рефлексии) и во внешней сре-

де (под влиянием воспитания, образования, воздействия окружающей среды).

Механизм личностного развития представляет собой самоконструирование внутреннего мира личности, как отражения того пространства, в котором происходит ее формирование. Становление коммуникативной личности связано с развитием коммуникативного сознания и накоплением опыта коммуникативной деятельности, которая включает мотивы и потребности в коммуникативной деятельности, сами коммуникативные поведенческие паттерны, а также языковой материал, на основе которого будет проходить коммуникация.

Канд. филол. н. А.Л.Чубарова (Пенза)

ПРЕСУППОЗИЦИИ И ТИПЫ ПРЕДЛОЖЕНИЙ

В лингвистике под пресуппозицией понимаются условия, удовлетворение которых необходимо, чтобы предложение соответствовало целям высказывания. Всё разнообразие пресуппозиций оказывается возможным разделить на три группы. В первую группу входят предложения со структурой предложения. Сюда относятся пресуппозиции простых предложений с обстоятельственными оборотами, с однородными членами, пресуппозиции сложносочиненных предложений с причастными оборотами. Во вторую группу входят пресуппозиции, не связанные со структурой предложения. Сюда относятся пресуппозиции существования, тождества. В третью группу входят пресуппозиции, в которые привлекаются дополнительные сведения из текста. Для выделения пресуппозиций прибегают к критерию отрицания. Критерий отрицания состоит в том, что пресуппозиции утвердительного предложения не изменяются и сохраняются даже тогда, когда предложение преобразуется в отрицательное, так как отрицание затрагивает лишь смысловое содержание предложения. Отрицательные варианты наводят на мысль о том, что отрицание может оформляться по-разному и относиться может либо ко всему предложению в целом, либо к отдельным его структурным частям.

Ввиду неполной надежности критерия и в связи с явной его неразработанностью используются и другие критерии определения пресуппозиций. В одном случае обращаются к помощи критерия вопроса. При переводе предложения в вопросительную форму его пресуппозиции должны сохраняться, так как вопрос относится к смысловому содержанию предложения, а не к его пресуппозиции. Во втором случае применяют критерий повеления. Пресуппозиции по способу их проявления распадаются на четыре группы: регулярные способы выражения пресуппозиций; нерегулярные способы выявления пресуппозиций через преобразования; пресуппозиции, отождествляемые через внелингвистическое знание, и пресуппозиции, выявляемые через весь контекст предложения в целом.

Пресуппозиции никак нельзя признать безоговорочно универсальной категорией. При относительно равном смысловом содержании предложе-

ния они видоизменяются от языка к языку и во многом зависят от структурных качеств языка. Можно говорить об относительной универсальности пресуппозиций, при этом следует отметить, что эта универсальность возрастает по мере того, как мы уходим от регулярных и открытых способов отождествления пресуппозиций и приближаемся к пресуппозициям, отождествляемых через внелингвистическое знание. Свои регулярные, выразительные способности язык всегда сочетает со способами выражения пресуппозиций.

Докторант Л.В.Шалина (Москва)

СЛОВООБРАЗОВАТЕЛЬНАЯ НОМИНАЦИЯ КАК ОБЪЕКТ ЛИНГВИСТИЧЕСКОГО ОПИСАНИЯ

В лингвистике номинация понимается как «процесс образования новых языковых единиц/наименований, служащих для называния и вычленения фрагментов действительности и формирования соответствующих понятий о них» (ЛЭС 1990: 336).

Жизнь не стоит на месте. С развитием общества возникают новые предметы, явления, которые требуют соответствующих наименований. Известно, что новые слова образуются в любом языке с помощью определенных способов и средств словопроизводства на основе уже существующих в языке слов и словообразовательных элементов. Поэтому номинация и словообразование непосредственно связаны друг с другом и являются универсальными характеристиками языка.

Разработкой различных проблем словообразовательной номинации занимались и занимаются как отечественные, так и зарубежные лингвисты.

Представитель Пражского лингвистического кружка В.Матезиус главной задачей номинации считал «изучение средств и способов называния отдельных элементов действительности» (Матезиус 1967: 228).

Теоретическая основа описания явлений словопроизводства с исчерпывающей полнотой представлена в концепции Г.О.Винокура (Винокур 1959).

В концептуальном плане проблема словообразовательной номинации рассматривается в работах Е.С.Кубряковой. По мнению автора, «словообразование и есть то звено в языковой системе, которое «ответственно» за формирование обозначений элементов внешнего и внутреннего опыта человека…, все его средства словообразования, все его приемы и модели возникают и существуют для того, чтобы служить задачам номинации» (Кубрякова 1977: 223).

Развивая идеи предшественников, современные ученые-лингвисты Е.А.Земская, В.В.Лопатин, И.С.Улуханов, И.А.Ширшов, М.Д.Степанова, В.Фляйшер и др. разрабатывают динамический подход к словообразованию, суть которого в том, что интерес сосредоточен на сопоставлениях преимущественно содержательного, но не формального плана. Дальнейшее развитие концепции динамического подхода к словообразованию представлено в трудах Л.П.Катлинской, которая рассматривает словообразова-

ние с позиции функционального описания языка. В общем плане такой подход характеризуется направленностью анализа от содержания к форме языковой единицы (Катлинская 1995). Необходимость функционального подхода к словообразованию продиктована, по мнению Л.П.Катлинской, временем и главным образом спецификой функционирования языка на данном конкретно-историческом этапе общественного развития. При решении собственно номинативных задач словообразования исходным является положение о том, что семантической структуре мотивирующего знака ставится в соответствие определенный набор элементов его формальной структуры. Так, например, в такой номинации, как *запахотека* формальная структура производного и означаемое обнаруживают предельную степень соответствия: поверхностная структура производного *запахотека* воспроизводит мотивирующую единицу (запах) и включает формант -тек/а/, однозначно определяющий соотнесенность производного с наименованием специализированного помещения. В данном случае производное слово можно считать полностью мотивированным.

Позицию Л.П.Катлинской следует считать, на наш взгляд, основополагающей при анализе конкретного словообразовательно-номинативного материала в русском языке.

ДИНАМИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ПРОБЛЕМЫ ЯЗЫКА И МЫШЛЕНИЯ

П.Ф.Беседин (Балашов)

ПОНЯТИЕ СИНЕСТЕЗИИ В ПСИХОЛОГИИ

Термин «синестезия» был введен в научный оборот английским лингвистом Стефаном Ульманом. Теоретически природа этого явления не вполне выяснена. Но в любом случае, явление синестезии – это свидетельство постоянной взаимосвязи анализаторных систем человеческого организма, целостности чувственного отражения объективного мира.

В «Общей психологии» под редакцией В.В.Богословского говорится, что «синестезия» – возбуждение возникшими ощущениями одной модальности ощущений другой модальности (Общая психология 1981). Взаимодействие ощущений, происходящее в центральных ядрах анализатора, приводит к тому, что у человека под давлением, например, звуков могут возникнуть цветовые ощущения холода. Следовательно, синестезию можно рассматривать как частный случай ощущений данной модальности через совозбуждение ощущений других модальностей (Степанян 1986).

По предположению отечественного психолога и нейролингвиста А.Р.Лурия, психофизиологический механизм такого рода связи ощущений состоит в том, что нервные импульсы, идущие от рецепторов (органов чувств), в подкорковой зоне друг друга индуцируют (возбуждают), так как нейропроводящие пути близко расположены друг от друга (Лурия 1975).

Авторы книги «Психология восприятия» указывают, что явление синестезии может возникать как в явной, так и в неявной форме. В явной форме, по данным ряда исследователей, синестезии наблюдаются примерно у 50 % детей и 15 % взрослых (Величковский и др. 1973). Яркие синестезии были, например, у композитора А.Н.Скрябина, переживавшего каждый звук окрашенным в тот или иной цвет и даже писавшего симфонии цвета.

Но вовсе не стоит думать, что синестетические метафоры появились в языках лишь в последнее время. Ученым известно немало примеров, встречающихся в литературных памятниках стран Азии и Востока – Китая, Японии, Ирана, Египта, Аравии; античной литературе. Вероятно, не многие знают, что, говоря *«Архитектура – это застывшая музыка»*, мы повторяем слова римского архитектора Витрувия. В средние века интерес к синестетизму заметно падает, затем в эпоху Возрождения снова возрастает.

В эпоху романтизма проповедовалась идея слияния искусств, и средством выражения его должна была стать синестезия. Т.Готье, французский писатель и художник, стал «теоретиком синестезии», и это благодаря его творчеству она кристаллизовалась в эстетическую доктрину у символистов.

Индивидуальная синестезия была свойственна некоторым русским литераторам, например, В.Набокову, В.Хлебникову. У нас в стране, благодаря исследованиям А.П.Журавлева, установлены достаточно достоверные звукоцветовые параллели: А – ярко-красный, О – светло-желтый или белый, И – светло-синий и т.д. (Журавлев 1988).

Другие примеры можно найти в книге «Основы психолингвистики» И.Н.Горелова и К.Ф.Седова (1998). Таким образом, можно утверждать, что в неявной форме синестезии встречаются у каждого: «теплые» и «холодные» цветовые тона, «высокие» и «низкие» звуки свидетельствуют о том, как естественно подчас оцениваются ощущения при помощи характеристик, заимствованных, казалось бы, из совсем другой модальности.

Канд. филол. наук Н.В.Варнавских (Гуково)

ВЛИЯНИЕ ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ СПЕЦИФИКИ И НАЦИОНАЛЬНЫХ ОСОБЕННОСТЕЙ НА РЕЧЕВОЕ ПОВЕДЕНИЕ ЛИЧНОСТИ

1. В настоящее время лингвистическая наука подняла целый ряд проблем, которые в самом недалеком прошлом были нехарактерны для лингвистики. Речь идет о концептуальном обогащении лингвистической теории на основе междисциплинарных исследований, выполняемых в русле прагмалингвистики. Это перспективное направление изучает языковую личность как носителя профессионально-деятельностных, национально-культурных и индивидуально-личностных качеств и экспериментальным путем диагностирует вышеуказанные качества личности, в частности, по ее речевому поведению.

2. Речевое поведение языковой личности определяется как специфический набор речевых навыков или речевых привычек, который проявляется на неосознаваемом уровне в привычном выборе грамматических и лексических средств.

3. Привычный выбор речевых сигналов формируется отправителем в результате его собственного индивидуального опыта. В то же время все речевые личности не только своеобразны и отличны друг от друга, но имеют ряд общих черт, раскрываемых с позиций скрытой прагмалингвистики:

– все речевые личности оказывают на получателя скрытое воздействие;

– все речевые личности актуализируют в речевом поведении национальную специфику;

– все речевые личности при актуализации привычного речевого поведения проявляют сходные личностные качества, выявляющие их принадлежность к определенной профессиональной группе;

– все речевые личности машинально выбирают речевые сигналы, свидетельствующие об их неповторимых личностных качествах.

4. Национальное своеобразие речевого поведения индивида экстралингвистически обусловлено географическим положением, историческими фактами, социальными явлениями, обычаями и нравами. Картина мира, окружающая носителей языка, не просто отражается в языке, а формирует лингвокультуру его носителя и определяет национально-культурную специфику его речевого поведения, потому что каждый язык представляет свой собственный способ мышления и восприятия (Гумбольдт 1985). Это проявляется в принципах категоризации и материализуется и в лексике, и в грамматике. Один и тот же объект реальности может иметь разное понятийное содержание и формальное выражение в разных языках.

5. Методика анализа, разработанная проф. Г.Г.Матвеевой, позволяет диагностировать профессиональные качества и национальные особенности личности по ее речевому поведению. Отметим, что данные тезисы являются продолжением публикаций автора по диагностированию профессиональных и личностных качеств русско- и англоговорящих адвокатов.

Аспирант П.П. Ветров (Москва)

МЕТОДИКА ДОПОЛНЕНИЯ КАК СРЕДСТВО ЛИНГВИСТИЧЕСКОГО ЭКСПЕРИМЕНТА ВО ФРАЗЕОЛОГИИ

Тезисы настоящей статьи основаны на материалах пилотажного эксперимента с идиомами современного китайского языка.

Не умаляя чисто теоретического подхода к проблеме исследования фразеологии определенного языка, основанного только на пассивном наблюдении за речью и застывшими текстами, мы исходим из того, что детальное рассмотрение и изучение единиц идиоматики в ходе эксперимента не только допустимо, но более того – очевидно необходимо, тем более, если исследование носит функционально-ориентированный характер. Экспериментально полученные данные есть тот необходимый эмпирический материал, который позволяет при правильном к нему подходе добиться максимально возможного уровня объективности теоретических обобщений. Как показала практика, эксперимент на фразеологическом материале дает весьма положительный эффект при применении методики дополнения (‘close procedure’ или ‘close tests’). Данная методика призвана помочь исследователю фразеологии приблизиться к ответу на вопрос, какие именно факторы влияют на возникновение в речи фразеологизма.

Методом направленного отбора формируется серия небольших письменных текстов (либо – фрагментов таких текстов) публицистического, художественного или разговорного стиля. По объему каждый подобный фрагмент должен представлять собой одно или несколько сверхфразовых единств, то есть быть как минимум относительно законченным в смысловом отношении, обычно это условие реализуется в диапазоне от одного до четырех абзацев различной величины. Направленность отбора зависит от исследуемого нами объекта и его параметров – от конкретного типологи-

ческого класса фразеологизмов, от их функционально-коммуникативных характеристик, от структурно-грамматического типа фразеологизма, от его модальных характеристик, категорий одушевленности-неодушевленности и т.д. Все исследуемые фразеологические единицы удаляются из текста так, чтобы на их месте образовались лакуны, причем здесь важно отметить следующее: так как данные деформированные тексты будут восприниматься испытуемыми визуально, необходимо свести к минимуму фактор малейшего косвенного намека на ожидаемую реакцию, значит, предлагая носителям языка заполнить лакуны, *необходимо отказаться от каких-либо ограничений вообще*, т.е. никоим образом искусственно не подталкивать испытуемых к определенному результату. Кроме того, если в тексте одновременно встречается несколько фразеологических единиц, то соответствующие им *пробелы (прочерки) должны*, во-первых, *совпадать по длине между собой*, во-вторых, *несколько (на одну треть или на половину) превышать длину, необходимую для умещения в ней символов (букв или иероглифов) опущенного фразеологизма*, тем самым, мы завуалировано провоцируем испытуемого возможностью отреагировать значительно более распространенной единицей, в отличие от той, которая была первоначально в действительности. Так, единственной опорой испытуемого при заполнении деформированного текста будет сам этот текст и ничего более.

Помимо применения описанной методики дополнения, рассчитанной на визуальную опору, возможна апробация этой же методики со слуховой опорой (см. подробнее об этом в [Ветров 2004]).

Итак, мы вынуждаем испытуемого компенсировать возникший в тексте дисбаланс, и если ряд испытуемых достаточно точно воспроизводил опущенный фразеологизм, то это говорит не о случайности, а о закономерном влиянии определенных факторов, которые требуют дальнейшего анализа и объяснения, только так возможно приблизиться к пониманию того, почему в определенных случаях приходится сталкиваться с высокой частотой воспроизведения фразеологизмов (и образных единиц вообще) при их кажущейся необязательности или даже излишестве.

Таким образом, речь идет о лингвистическом эксперименте в функциональном ключе на материале идиоматики (в первую очередь) неродного языка. Как показывают общие наблюдения и первые экспериментальные данные, фразеологизмы, как правило, находятся в теснейшей функционально-системной взаимосвязи с тем контекстом, в который они включены, что неизбежно наталкивает на мысль проследить технику этих взаимосвязей.

При исследовании в рамках рассматриваемой методики каких-либо других языковых единиц, удаляемых уже сериально, экспериментатор невольно сталкивается с проблемой подчинения своему контролю избирательных стратегий испытуемых. Как пишет В.Б.Касевич, стратегии «определенно связаны с тем, что можно назвать «эффектом первого слова»: выбирая лексическое заполнение для первой лакуны или нескольких первых лакун, испытуемый сильно сужает класс поиска единиц, пригодных для

заполнения последующих лакун, причем это сужение нормально носит прогрессирующий характер по мере продвижения от начала текста к его концу» [В.Б.Касевич, Н.А.Осьминкина 2002: 309]. Естественно, что описанная стратегия фактически бесконтрольна, а значит, будет негативно влиять на надежность получаемых результатов. Эксперимент с фразеологией в значительной мере снимает данную проблему, следовательно, повышает ценность применения рассматриваемой методики.

Первичные данные эксперимента позволяют нам сделать предположение о том, что фразеологизм представляет собой не что иное, как наиболее «престижное» средство выражения мысли на лексическом уровне языка.

В результате подобных экспериментов исследователю фразеологии предоставляется возможность прояснить вопрос о функциональной нагрузке фразеологизма в контексте, о факторах, диктующих применение фразеологизма, о системных связях фразеологизма с ближним и дальним контекстом на лексическом и грамматическом уровнях, об особенностях семантики фразеологизмов.

Эксперимент типа «close tests» в значительной мере способствует не только выявлению и описанию различных аспектов фразеологии отдельного языка, но также выполняют важную роль при объяснении некоторых теоретических проблем, как общего, так и частного языкознания.

Соискатель М.Р.Викторова (Пенза)

ВАРИАТИВНОСТЬ ВОСПРИЯТИЯ ПРОДЛЕНИЯ СОГЛАСНЫХ ЗВУКОВ

Цель данного доклада – выявить диапазон вариативности восприятия продления согласных звуков у студентов факультета иностранных языков 1 – 5 курсов.

Для эксперимента мы выбрали по две группы студентов факультета иностранных языков с 1-го по 5 курс. Из 82 человек, принимавших участие в эксперименте, 70 – студенты французского отделения, 10 человек – студенты английского отделения (французский не изучают) и 2 китайских студента.

Студентам было предложено прослушать песню В.Высоцкого ”Дом хрустальный” и песню французского автора-исполнителя – Жака Бреля ”Madeleine”(”Мадлен”).

Ж.Брель и В.Высоцкий являются яркими представителями авторской песни. Ж.Брель и В.Высоцкий – незаурядные личности. Судьба каждого из них исключительна во многих отношениях.

Расцвет творчества Ж.Бреля приходится на шестидесятые годы 20 века. Именно в этот период он пребывает на вершине славы, работает напряженно, много гастролирует. В 1962 году Ж.Брель написал песню ”Madeleine”, которая является ярким образцом любовной лирики поэта. Песни Ж.Бреля о любви отличаются пронзительной искренностью. Образ

лирической героини, возлюбленной, в творчестве Ж.Бреля претерпел изменения. Если в ранних песнях он писал о женщине, идеализируя ее, то впоследствии Брель уже не воспевает женщину, а скорее подвергает критике, прибегая к иронии. Как правило, лирический герой испытывает чувство унижения – он находится в безнадежном ожидании любви. «Унижен мужчина и в песне в ” Madeleine”, хотя и охвачен безумной радостью от возвращения любимой, какой бы дрянной она ни слыла» (Н.С.Бордовских 1988: 349). В творчестве Ж.Бреля этого периода тема любви раскрывается в такой же лирической стилизации, как и у В.Высоцкого. В лирике более позднего периода ”брелевская непримиримость” (Н.С.Бордовских 1988: 349) к женщине уступает место традиционно возвышенному поклонению ей.

В творчестве В.Высоцкого любовная лирика занимает так же, как и у Ж.Бреля, одну из лидирующих позиций. В создании образа лирической героини В.Высоцкий так же, как и Ж.Брель, предельно искренен. Его песня ”Дом хрустальный” написана в период пика популярности В.Высоцкого в среде почитателей его таланта. О любви – навзрыд, страстно, бескомпромиссно, напряженно, на нерве – в этом весь В.Высоцкий.

В связи с тем, что объектом нашего исследования являются продления согласных звуков в авторской песне в русском и французском языках, наш выбор мы остановили на творчестве Бреля и Высоцкого.

«Продление звука – это такое материально выраженное сегментное фоносемантическое средство, сущность которого заключается в увеличении – сверх обычного – длительности произнесения какого-либо звука» (А..В.Пузырев 1995: 264).

Для того чтобы выяснить, в какой степени продления согласных воспринимаются слушателями, нами был проведён соответствующий эксперимент.

Цель эксперимента формулировалась следующим образом:

– зафиксировать продления согласных звуков;

– установить взаимосвязь продлений со смысловой направленностью песен.

В ходе эксперимента испытуемым предлагалась следующая инструкция:

1. Прослушать первый раз песню В.Высоцкого ”Дом хрустальный”/ Ж.Бреля ”Madeleine” и подчеркнуть согласные, которые продлеваются.

2. Прослушать песню второй раз и посчитать количество продлений согласных звуков.

3. Определить тему песни.

4. Ответить на вопрос: ”Зачем В.Высоцкий и Ж.Брель продлевают согласные звуки?”

Время эксперимента:30 минут.

90% участников эксперимента при определении темы песни В.Высоцкого ”Дом хрустальный” остановились на варианте ”Любовь к женщине”.

Систематизируя данные по продлению согласных звуков, выявленные студентами при прослушивании, мы пришли к следующим выводам:

Таблица 1.Продленные согласные звуки у В.С.Высоцкого

Курс	Продленный согласный звук			
	[р]	[с]	[н]	[л]
1	10	2,6	4	3,1
2	15	3,5	6,6	2,5
3	13	6	4,5	2,1
4	15	4,5	3,1	3,7
5	14	4,7	3,7	3,2

На 1-ом месте по частоте употребления находится звук [р]. Продление этого звука было зафиксировано студентами всех курсов в среднем 13,4 раза (услышал каждый студент). Вместе с тем диапазон зафиксированных студентами продлений достаточно велик: от 2 до 30 раз. У студентов 1 курса показатели определения частоты услышанных продлений несколько ниже, чем у студентов старших курсов. Мы предполагаем, что это связано с тем, что у первокурсников еще недостаточно развиты навыки аудирования.

Студенты-первокурсники, обучающиеся успешно, услышали в среднем 12 продлений звука [р]. Этот показатель был получен в результате следующих подсчетов: вначале суммировалось количество услышанных каждым студентом продлений, затем полученная сумма была поделена на количество студентов в группе. Например, на пятом курсе в песне ”Дом хрустальный” студенты услышали в общей сложности 200 продлений звука [р]. Затем эта сумма была поделена на 14 (количество студентов пятого курса, принимавших участие в эксперименте). Получили средний показатель продлений звука [р] на пятом курсе, который оказался равен 14. Средний показатель по всем курсам мы получили в результате следующих вычислений: сложили средние показатели по каждому курсу (67) и разделили на количество курсов. Получили показатель, равный 13,4. Но и между студентами первого курса наблюдается разница. В группе, где успеваемость ниже, зафиксировано в среднем 10 продлений звука [р] на одного человека. Всего лишь 2 продления звука [р] услышала студентка, имеющая низкую успеваемость по языку. На втором месте по частоте услышанных студентами продленных звуков, находится звук [с]. В среднем продления этого звука было услышано студентами 4,2 раза. На третьем месте – звук [н] (средний арифметический показатель– 3,4 раза). На четвертом месте – звук [л] (средний арифметический показатель – 2,9 раз).

С целью выявления диапазона вариативности продлений мы вычислили статистические показатели по формуле χ^2. Они оказались меньше максимально допустимой (табличной) величины χ^2. Это свидетельствует о

том, что разница между количеством продлений, услышанных каждым студентом, не существенна (см.: Б.Н.Головин 1970: 31).

Отвечая на вопрос о связи продлений согласных звуков со смыслом песни, с ее темой, большинство студентов (91%) отметили зависимость продлений от смысловой направленности текста песни. Наиболее часто встретились следующие предположения:

– продления согласных звуков помогает автору воздействовать на слушателя;

– продления согласных звуков помогают передать состояние героя (лирический герой готов на любые жертвы ради любимой);

– с помощью продления согласных звуков выделяются ключевые слова песни.

В ответах 9 % студентов (студенты одной группы) не была зафиксирована зависимость продлений согласных звуков от содержанием песни. Участники эксперимента сочли, что продления согласных – это особенность исполнения данного автора.

Таким образом, большинство ответов студентов (91%) подтверждают нашу гипотезу о том, что продления согласных звуков в авторской песне несут смысловую окрашенность.

С точки зрения прагматики продленные звуки – это средство, позволяющее говорящему выразить свое отношение к тому, что он сообщает, и обеспечить воздействие высказывания на адресата (см.: А.В.Пузырев 1995: 280).

В авторской песне ведущая роль отводится содержанию. Ему подчинены и мелодия, и ритм. Подтверждение этому мы находим у В.Высоцкого: «Самое главное в авторской песне – это текст, информация, поэзия. Это вообще не песня – это стихи, которые исполняются под гитару и положены на ритмическую основу, гитарную или аккордеонную – это неважно. Это только для того, чтобы усилить воздействие на слушателей, а больше ничего» (В.С.Высоцкий 1988: 118):

Не с**р**авнил бы любую с тобой –
Хоть казни меня **р**а**сс**т**р**еливай
Посмот**р**и, как я любуюсь тобой.
Как **м**адо**нн**ой **Р**афаэлевой!

Продления звука [р] в цитируемом отрывке подтверждает высказывания В.Высоцкого о доминанте текста в авторской песне. Звук [р], который продлевается в этом куплете столько раз, сколько встречается (5 раз), подчеркивает особый накал чувств, испытываемых лирическим героем, который воспринимает свою возлюбленную как Мадонну с картины Рафаэля. Он видит неповторимость, уникальность ее красоты и зачаровывает слушателя своей одержимостью.

В сборнике ”Четыре четверти пути”, где напечатаны стихи с авторскими комментариями и размышлениями поэта, Высоцкий с большим уважением обращается к французской авторской песне: « Во всем мире ав-

торская песня процветает. Во Франции многие сами пишут себе либо музыку, либо тексты, либо и то и другое и сами исполняют: и Брассенс – великий, изумительный Брассенс, и Брель, и Азнавур, а из молодых – Максим ле Форестье» (В.С.Высоцкий 1988: 119)

Обратимся и мы вслед за Высоцким к французской авторской песне, а именно к песне Жака Бреля ”Madeleine”, и проанализируем ее с точки зрения продления согласных звуков.

Таблица 2. Продленные согласные у Ж.Бреля

Курс	Продленный согласный звуков			
	[l]	**[m]**	**[r]**	**[t]**
1	6,8	7,7	3,1	5,1
2	9,3	6	8,9	8,8
3	6,6	5,8	5,8	5,9
4	8,3	6	11,6	3,7
5	8,6	9,7	5,3	5

Как видно из таблицы, чаще всего продлеваются сонанты **[l]** и **[m]**, а также **[r],** как у Высоцкого.

Все студенты были единодушны в определении темы – ”Безответная любовь” и соотнесли продления согласных звуков со смыслом слов. Так, например, сонанты **[l]** и **[m]** продлеваются, в основном, в ключевом слове песни **M**a**d**e**l**eine **–** это имя собственное, вынесенное в заглавие стихотворения, кроме того, в местоимении e**ll**e (она) и наречии **t**e**ll**ement (настолько) мы также наблюдаем продление согласного звука **[l]**:

E**lle** est **tell**ement jolie
Elle est te**ll**ement **t**out ça
E**ll**e est **t**oute ma vie
Ma**d**e**l**eine que j’a**tt**ends là...

В этом припеве с помощью продления согласных лирический герой передает силу своих чувств, желание быть вместе с любимой. (…Она такая красивая, она вся моя жизнь, Мадлен, которую я жду здесь…).

Средний статистический показатель, полученный по формуле χ^2,оказался меньше максимально допустимой (табличной) величины χ^2, следовательно, разница между количеством услышанных студентами продлений у Ж.Бреля так же, как и в песне В. Высоцкого, не существенна.

Статистика свидетельствует, что одну из лидирующих позиций в этой песне занимает продление звука **[t]** .Продление этого звука встречается в ключевой фразе песни:

Ce soir j’a**tt**ends Madeleine... (Этим вечером я **жду** Мадлен…)

Эта фраза повторяется в песне 12 раз. Даже студенты, не знающие французского языка и принимавшие участие в эксперименте, услышали продление этого звука. В среднем каждый – 0,6 раза.

На первое место по частоте продления у студентов, не знающих французского языка, вышел звук **[r]** (в среднем – 3,3 раза), на втором месте – звук **[l]** (в среднем – 2,6 раз), на третьем месте – звук **[m]** (в среднем ─2,5 раза), на четвертом – звук **[t]** (в среднем – 0,6 раз).

Таким образом, мы наблюдаем, что студенты, не изучающие французский язык, также слышат продления согласных звуков во французской авторской песне.

В эксперименте приняли участие две китайские студентки. Студентка 4 курса факультета иностранных языков среди наиболее часто встречающихся продленных согласных звуков отметила звуки: **[3]** (19 раз), **[s]** – 17 раз, **[t]** – 12 раз. Она также связала продление согласных звуков с темой.

Вторая китайская студентка, которая первый год изучает французский и русский языки, услышала только продление согласного звука **[r]** ─ 25 раз.

Вариативность восприятия продления согласных звуков в песне Бреля очевидна, и определение студентами функций продления согласных звуков носит конкретный характер. Наиболее часто, отвечая на вопрос о функции продления согласных звуков, студенты отмечали, что:

– продление согласных звуков подчеркивает эмоциональное состояние героя (80 %);

– 15% конкретно указывают, что с помощью продления согласных звуков герой выражает свое нетерпение и досаду;

– 5% связывают продления согласных с ритмом стихотворения.

Итак, сравнивая данные, полученные из анализа песен Высоцкого и Бреля с точки зрения употребления в них продления согласных звуков, можно сделать вывод о том, что студентам факультета иностранных языков, участвовавшим в эксперименте, проще было услышать продления в песне Ж.Бреля. Студенты были более конкретны и в определении темы, и в определении роли продления согласных звуков. Мы предполагаем, что это связано со спецификой их специальности, с тем, что у студентов факультета иностранных языков навык аудирования выражен ярче, когда они прослушивают текст на французском языке.

Цитируемая литература

Бордовский Н.С. Стихи и песни. Брель Ж. Сборник статей. – М.: Радуга, 1988.– 364 с.

Высоцкий В.С. Четыре четверти пути. – М.: Физкультура и спорт, 1988. – 286 с.

Головин Б.Н. Язык и статистика. – М.: Просвещение, 1970. – 190 с.

Пузырев А.В. Анаграммы как явление языка: Опыт системного осмысления. – М.; Пенза: Институт языкознания РАН, ПГПУ имени В.Г.Белинского, 1995. – 378 с.

Канд. филол. наук Т.В.Гоннова (Волгоград)

ПСИХОЛИНГВИСТИЧЕСКИЙ ЭКСПЕРИМЕНТ КАК СПОСОБ ИЗУЧЕНИЯ МЕНТАЛИТЕТА НАРОДА

Изучение социокультурного концепта в динамике его развития предполагает проведение ассоциативных экспериментов. Хорошо известно, что идеи, понятия, концепты в нашем сознании каким-то образом связаны и не существуют изолированно друг от друга. Взаимообусловленность идей, понятий, концептов – это результат их психологических связей, т.е. ассоциаций. Описать тот или иной культурный феномен значит вскрыть его связи с другими явлениями. Изучение же этих связей позволяет ученым (в первую очередь психолингвистам) проникнуть в особенности как национального, так и индивидуального менталитета человека – представителя конкретного социума, конкретной социальной группы.

Ученые полагают, что для определения черт национального характера и менталитета целесообразно проведение психолингвистических экспериментов. В частности, Ю.Н.Караулов считает продуктивным обращение к экспериментальным данным ассоциативных норм языка. Особенности менталитета и национального характера носителей языков запечатлены, по его мнению, в вербально-ассоциативных сетях.

Ассоциативные эксперименты позволяют выявить ядерные и периферийные зоны или компоненты языкового сознания человека. «Ядро языкового сознания носителей языка формируется из тех слов (идей, понятий, концептов) в АВС (ассоциативно-вербальной сети. – Примечание наше. – Т.Г.), которые имеют наибольшее число связей, т.е. вызваны в качестве ответов на наибольшее число стимулов» (Караулов 2000). Это мнение разделяют и другие исследователи (см., напр.: Белянин 2003; Воркачев 2002; Мягкова 1990; Уфимцева 2000 и др.). Вероятно, трудно найти другие методы, которые могли бы служить столь эффективным инструментом при анализе языкового сознания, следовательно, и менталитета того или иного индивида.

Есть, однако, мнение, согласно которому возможности эксперимента ограничены, его результаты не отражают в действительности языковое сознание человека, поскольку сам по себе эксперимент искусствен. Психолингвист Л.В.Сахарный, оппонируя таким возражениям, замечает, что, во-первых, эксперимент не является единственно возможным методом психолингвистического исследования; во-вторых, хотя ситуации в эксперименте бывают и искусственными, принципиальные особенности речевой деятельности, выявляемые в эксперименте, характерны для речевой деятельности и в других, не экспериментальных ситуациях. По его мнению, провести четкую грань между типичными и нетипичными, естественными и искусственными ситуациями нельзя (цит. по: Белянин 2003).

Описание исследуемого нами концепта «труд» с социолингвистических позиций оказалось целесообразным. Во-первых, посредством проведения анкетирования представителей русского социума есть реальная воз-

можность узнать их оценку исследуемого культурного явления. Подчеркнем, что данная методика, в отличие от других лингвистических приемов, позволяет обнажить тонкий механизм ассоциаций *современного* российского языкового сознания. Во-вторых, привлечение к анкетированию представителей разных социальных групп, возрастных категорий, профессий дает возможность составить их своеобразные социолингвистические портреты. В сущности, можно вести речь о типажах русской языковой личности.

Т.А.Котова (Балашов)

РЕЧЕВАЯ ГОТОВНОСТЬ ДЕТЕЙ ДОШКОЛЬНОГО ВОЗРАСТА К ОБУЧЕНИЮ В ШКОЛЕ

Речевая готовность детей к обучению и учению прежде всего проявляется в их умении пользоваться для произвольного управления поведением и познавательными процессами. Не менее важным является развитие речи как средство общения и предпосылки усвоению письма. Об этой функции речи следует проявлять особую заботу в течение среднего и старшего дошкольного детства, так как развитие письменной речи существенно определяет прогресс интеллектуального развития ребенка.

К 6-7 годам появляется и развивается более сложная самостоятельная форма речи – развернутое монологическое высказывание. К этому времени лексикон ребенка состоит примерно из 14 тысяч слов. Он уже владеет словоизменением, образованием времен, правилами составления предложения.

Речь у детей дошкольного и младшего школьного возрастов развивается параллельно с совершенствованием мышления, особенно словесно-логического, поэтому, когда проводится психодиагностика развития мышления, она частично затрагивает речь, и наоборот: когда изучается речь ребенка, то в получаемых показателях не может не отразиться уровень развития мышления.

Полностью разделить лингвистический и психологический виды анализа речи не возможно, как и отдельно провести психодиагностику мышления и речи. Дело в том, что речь человека в ее практическом виде содержит в себе как языковое (лингвистическое), так и человеческое (личностное психологическое) начала.

К поступлению в школу у ребенка должны быть развиты самоконтроль, трудовые умения и навыки, умение общаться с людьми, ролевое поведение. Для того, чтобы ребенок был готов к обучению и усвоению знаний, необходимо, чтобы каждая из названных характеристик была у него достаточно развита, в том числе и уровень развития речи.

В дошкольном возрасте в основном завершается процесс овладения речью:

– к 7 годам язык становится средством общения и мышления ребенка, также предметом сознательного изучения, поскольку при подготовке к школе начинается обучение чтению и письму;

– развивается звуковая сторона речи. Младшие дошкольники начинают осознавать особенности своего произношения, завершается процесс фонематического развития;

– развивается грамматический строй речи. Детьми усваиваются закономерности морфологического порядка и синтаксического. Усвоение грамматических форм языка и приобретение большего активного словаря позволяют им в конце дошкольного возраста перейти к конкретности речи.

Асп. Е.Е.Нестерова (Волгоград)

ВЕРОЯТНОСТНОЕ ПРОГНОЗИРОВАНИЕ КАК УСЛОВИЕ ПОНИМАНИЯ ИНОЯЗЫЧНОЙ ЭМОТИВНОЙ ЛЕКСИКИ В ПРОЦЕССЕ ЧТЕНИЯ

В процессе чтения субъект постоянно решает определенные задачи и принимает решения. Одной из таких задач является вероятностное прогнозирование**.** Рассмотрим, как влияет вероятностное прогнозирование на понимание эмотивной лексики в процессе чтения художественной литературы. Как известно, явление прогнозирование (упреждающего синтеза) представляет собой одну из форм приспособления организма к окружающей среде. Основой прогнозирования являются сохраняемые мозгом следы временных соотношений, имевших место в прошлом.

В методической литературе вероятностное прогнозирование интерпретируется как механизм, способность, умение/умения. Многие исследователи придерживаются мнения, что оно является врожденной способностью человека, основанной на свойстве его мозга не только воспринимать, восполнять пропущенное, но и реагировать на еще не наступившее событие.

При сопоставлении этих данных с результатами экспериментального изучения вероятностного прогнозирования в речи можно выделить следующие его особенности: во-первых, это знание чтецом тех слов, которые используются для выражения данной мысли. Чем более знакомо слово, употребленное в тексте, тем скорее читатель догадается о нем, даже восприняв его только частично. То же самое наблюдается в отношении словосочетания и даже всей фразы. Опытный чтец следит прежде всего за развитием мысли и уже под этим углом зрения воспринимает слова текста. Ранее прочитанное, таким образом, подсказывает чтецу, о чем будет идти речь дальше. Следовательно, прогнозирование эмотивной лексики определяется частотой ее встречаемости в речевом опыте чтеца.

Во-вторых, значительную роль в прогнозировании играет количество производных слов, которые могут быть образованы от некоторой основы. Например, чтец воспринял в английском тексте одну фиксацию 3 знака – lov- . Его языковой опыт может подсказать ему несколько вариантов прогнозирования: love – любовь, привязанность, страсть; lovingly – нежно;

lovelorn – страдающий от безнадежной любви и т.д. Предположим, читатель воспринял сочетание fea-. Очевидно, это может быть fear – страх, боязнь; fear-ful – испуганный, ужасный, скучнейший человек; fear-monger – паникер; featherbrained – глупый, пустой. Вероятно, чем больше вариантов может возникнуть от воспринятой при одной фиксации части слов, тем меньше шансов на точность прогнозирования.

На прогнозирование эмотивной лексики в читаемом тексте, оказывают, в-третьих, влияние семантические ассоциации, непроизвольно учитываемые в индивидуальном языковом опыте чтеца. Таким образом, резюмируя сказанное, можно отметить, что смысловые гипотезы выдвигаются в отношении фактов, событий, выводов и т. д., которые последуют в еще не воспринятой части текста: этот прогноз основывается, с одной стороны, на фактах текста, которые читающий уже понял, а с другой – на его жизненном/профессиональном опыте в соответствующей области.

Система работы по обучению студентов вероятностному прогнозированию эмотивной лексики при чтении может включать в себя следующие задания:

1. Выберите из текста слова с определенным суффиксом или префиксом и сгруппируйте их по алфавиту.
2. Определите по формальным признакам, какой частью речи являются выделенные слова.
3. Прочитайте слова и укажите, от каких слов они образованы.
4. Сгруппируйте данные слова по общим признакам (корневые, производные, сложные).
5. Учитывая значения следующих существительных, переведите глаголы (прилагательные).

На наш взгляд, систематическое использование подобных заданий по обучению студентов вероятностному прогнозированию способствует пониманию эмотивной лексики в процессе чтения художественной литературы на иностранном языке.

Докт. филол. и психол. наук И.М.Румянцева (Москва)

ИНТЕГРАЦИОННЫЕ ПРОЦЕССЫ В СОВРЕМЕННОЙ НАУКЕ: ЛИНГВОПЕДАГОГИЧЕСКАЯ ПСИХОЛОГИЯ КАК СИНТЕЗ ЛИНГВИСТИКИ, ПЕДАГОГИКИ, ПСИХОЛОГИИ

Тема интеграции, касающаяся буквально всех сторон современной жизни, как общественной, так и научной и образовательной, получает в настоящее время все более широкое звучание.

Так, современная эпоха отмечается бурным развитием высоких и тонких технологий, в том числе в области образования, которые создаются благодаря передовым достижениям целого ряда наук и их взаимной интеграции, позволяющей решать широкий круг теоретических и прикладных задач.

Исходя из задач нового времени, нами разрабатывается новое научное направление – лингвопедагогическая психология, которая в целях создания инновационных методов развития и формирования речи, в том числе обучения иностранным языкам, интегрирует в себя данные лингвистики, психологии, педагогики.

Термин лингвопсихология берет начало от А.А.Потебни, который мечтал о науке под названием «лингвистическая психология». Если предметом психолингвистики являются психологические аспекты знаковой системы, или, по образному выражению И.А.Зимней, «жизнь знака»: слова, фразы, текста как лингвистических феноменов, то лингвопсихология, наоборот, рассматривает психологические феномены в знаковом, языковом, опосредовании.

Традиционно считается, что разработкой методов обучения иностранным языкам занимается прикладная психолингвистика, и это, действительно, так. Однако занимается она этим в большей степени лингвистически, т.е. как «психо-», но все же лингвистика. Лингвопедагогическая же психология может рассматриваться как часть педагогической психологии, и призвана заниматься преимущественно психологическими вопросами обучения и развития речи, в том числе обучения иностранным языкам в психологическом аспекте. Однако в интересах повышения эффективности методов обучения, она в свою очередь, должна интегрировать данные как психолингвистики, так и лингвопсихологии.

Канд. филол. н. Ф.Г.Самигулина (Ростов-на-Дону)

КУЛЬТУРА И ПСИХИЧЕСКИЕ ПРОЦЕССЫ

Изучение человеческого мышления невозможно без привлечения языка. По речевой деятельности мы можем судить не только о содержании мыслительных процессов, но и о роли простейших составляющих мышления (ощущения, восприятия) в ее организации. В настоящее время в связи с этим активно исследуются различные языковые картины мира. Несомненно, важным является установление национально-специфических языковых явлений. Но этнологические данные о бесконечно разнообразных продуктах различных культур (и языковых) не противоречат факту существования универсальных операций человеческого ума. Достижения современной науки о языке также говорят о существовании универсалий в психических процессах. Особенно ярко это проявляется на примере эмоций человека, которые являются врождёнными и универсальными, что подтверждают труды современных психофизиологов.

Полученные к настоящему времени результаты свидетельствуют о том, что три измерения значения (оценка, сила, активность) характеризуют оценочные суждения во всех исследованных языках, хотя отдельные понятия по-разному оцениваются в различных культурах по этим семантическим факторам. Структура коннотативного значения одинакова во

всех культурах, в то время как коннотативные значения тех или иных конкретных понятий в разных культурах различны. Ч.Осгуд объяснял этот аспект лингвистической универсальности тем, что его шкалы регистрируют эмоции, «связанные с аффективной нервной системой, биологически одинаковой у всех людей». Об общности эмоциональной сферы человека говорят и лингвистические примеры использования экспрессивных средств в различных языковых культурах. Во всех языках в передаче эмоций участвуют все уровни языковой системы. При этом грамматический уровень языка при использовании его единиц в экспрессивной функции характеризуется некоторыми чертами сходства. Речь идет об одновременном использовании всех членов оппозиции грамматической категории (далее ГК) времени глагола для повышения экспрессивности высказывания (для передачи чувства уверенности в сказанном), например: «Если бы половину, одну четвертую, одну десятую этих издательских затрат мог позволить себе детский литературный журнал? Увы – *не мог, не может* и никогда, верно, *не сможет»* (С.Залыгин). В русском языке очень часто для передачи эмоциональной информации используются также оппозиции ряда других ГК, например, залога: «За нас – *опровергаемые,* но *не опровергнутые* данные, за него – ничего» (Ф.Плевако). Подобное употребление ГК находим и в текстах на немецком языке, например, оппозиции категории времени: «Dich *liebt* ich immer, dich *lieb* ich noch / Und *werde* dich *lieben* in Ewigkeit» (L.Uhland). Для усиления эмоционального воздействия могут быть противопоставлены обе формы причастия, например: «...Verluste an grenzenlosem Hoffen und Glauben, was die *Geglaubten* wie die *Glaubenden* erhebt» (M.Frisch).

Экспрессивность единиц грамматического уровня – это результат диалектики количественно-качественных отношений в оппозициях ГК, что, в свою очередь, базируется на специфике такого простейшего мыслительного процесса человека, как ощущение. В данном случае психофизиологические особенности ощущения обусловливают специфику языковой экспрессивности на грамматическом уровне. Языковые примеры свидетельствуют о том, что психические процессы универсальны. Принцип работы мозга определяют структуры мышления, которые, в свою очередь, лежат в основе культуры. Э.Лич отмечает по этому поводу, что «...поскольку все культуры являются продуктом человеческого мозга, то где-то под поверхностью должны существовать черты, общие всем».

Известно, что язык является средством, при помощи которого мы получаем большую часть сведений о культуре и психических процессах. Следует заметить, что демонстрация универсальности отношений между отдельными аспектами языка и психическими процессами, конечно же, не снимает проблемы межкультурных различий. В ходе все возрастающих исследований взаимоотношений между языком и психическими процессами обнаруживается их разнообразие и сложность. Думается, что по мере того, как теоретические и межкультурные исследования будут раскрывать универсальные и ча-

стные аспекты этих разнообразных отношений, будет увеличиваться понимание этих взаимоотношений.

Докторант Е.Н.Сердобинцева (Москва)

ПРОФЕССИОНАЛЬНАЯ ЛЕКСИКА В АСПЕКТЕ ФУНКЦИОНАЛЬНОЙ АСИММЕТРИИ МОЗГА

Профессионально ориентированные наименования, также как термины, являются составной частью специальной лексики, обслуживающей производственную деятельность и занимающей значительное место и в языковой системе и в речевой практике человека. Так же как изучение терминологии невозможно «без конкретной привязки к общей теории систем» (К.Я.Авербух 2004: 4), так же невозможно бессистемное изучение профессионализмов. Помимо лингвистического анализа данного лексического пласта, мы обратились к генезису профессионализмов с точки зрения психофизиологии. Для этого мы рассматриваем функциональную асимметрию больших полушарий головного мозга как одно из оснований существования профессиональной номинации.

Асимметрия мозга, как известно, проявляется в наличии у человека двух полушарий, обеспечивающих выполнение различных функций организма. Не останавливаясь на всех различительных особенностях полушарий головного мозга человека, рассмотрим лишь те, которые связаны непосредственно с производством и восприятием речи.

Левое полушарие, как полагают многие исследователи, отвечает за рациональное сознание, сопровождающее анализ и логико-рациональное мышление. Оно дедуктивно, и именно левому полушарию принадлежит доминантная роль в выполнении речевых функций: воспроизведение речи, чтение, письмо, счет, память и т.д. Доказано, что речевые расстройства связаны с повреждением прежде всего левого полушария (Е.Н.Николаева 2003: 358). Однако речь – это не только процесс говорения, но и передача информации, наделенной определенным смыслом, которому присуща эмоциональность. Правое полушарие иррационально, оно связано с эмоциональными реакциями человека, его способностью к творчеству, к воображению, художественному восприятию. Таким образом, в процессе производства речи участвуют оба полушария головного мозга. Это было доказано исследователями японского письма, основанного на двух способах (кана и кандзи). При повреждении левого полушария утрачивается возможность понимать письмо кана, но остается способность воспринимать кандзи правым полушарием. Изучение речи европейцев также подтвердило участие в речепроизводстве правого полушария, конечно, при сохранении ведущей роли левого (Е.Н.Николаева 2003: 97).

Особенностью профессиональной речи является то, что она функционирует только в речи взрослого человека, который сознательно выбирает и употребляет определенный знак для обозначения конкретного явления или объекта действительности. Этот знак должен отвечать строгим требовани-

ям соответствия объекту и его месту в профессиональной структуре. Таким образом, человек производит анализ, прежде чем ввести профессионализм в речь. Здесь проявляется рациональная работа доминантного полушария головного мозга. Например, *заводилка* – рукоятка пусковая у автомобилистов. Профессиональное название содержит семы, указывающие на основное действие, которое можно совершить при помощи конкретного приспособления. Суффикс -лк-, присоединённый к глагольной основе, не оставляет сомнений в том, что данный объект представляет собой орудие труда. В профессионализме *импульсник* – импульсный трансформатор в электронной промышленности – выделяются признаковые семы, важные для профессиональной деятельности, а словообразовательный аффикс относит слово в соответствующую категорию.

В то же самое время нельзя не отметить образность, метафоричность профессиональных наименований. Эти качества свидетельствуют о присутствии эмоциональной окраски; следовательно, активно работает правое полушарие головного мозга при создании этих единиц, ср.: *брехаловка* – производственное совещание (в автомобильной отрасли), *молоточек* – стеклорез (в стекольной промышленности), *плешки* – пятна на бумаге (в полиграфии) и т.п. Способность к метафоре, аллегории характеризует работу правого полушария. Оно индуктивно. «Для левого полушария мозга аллегории, метафоры и мифы слишком неточны». Следует заметить, что абсолютное большинство профессиональных наименований образовано лексико-семантическим путем, с использованием метафорического переноса.

Профессионально ориентированная лексика функционирует в устной речи. Профессионализмы используются автоматически: говорящий, усвоив однажды профессиональное наименование, не задумывается, не анализирует его семантику в процессе речевой деятельности, в то время как письменная речь, по известным словам Л.С.Выготского, «заставляет осознавать самый процесс говорения». Как очевидно, правое полушарие головного мозга активно и с этой точки зрения.

Таким образом, существование профессиональной лексики базируется на работе больших полушарий головного мозга человека и является естественным проявлением человеческой деятельности.

Канд. филол.н. Я.Н.Скрипник (Ставрополь)

О КОРРЕЛЯЦИИ ЯВЛЕНИЙ СИНЕСТЕЗИИ В ШИРОКОМ И УЗКОМ ЗНАЧЕНИИ

В течение XX века проблема исследования явлений синестезии в различных областях научного знания испытала значительные трансформации и по своему объему, и по целям. Между тем изучение синестезии психологами и лингвистами совместно, в содружестве стало иметь место совсем недавно. До этих пор синестезия и звукосимволизм рассматривались совершенно автономно. Из отечественных ученых И.Н.Горелов первым

пришел к закономерному убеждению, что звукосимволизм обусловлен психофизиологически – явлением синестезии.

Однако до сегодняшнего дня нет достаточно адекватного и комплексного определения синестезии: в узком смысле в медицинских исследованиях синестезия рассматривается как аномальное, патологическое «соощущение» физиологического происхождения, в широком в лингвистике и психологии – как «соощущение» ассоциативного происхождения, не имеющее ничего общего с аномалией, более того – норма и явление общезначимое.

Ассоциативный перенос ощущений из одной области в другую и его систематическая закрепленность, «совместная работа, при которой качества (курсив наш. – Я.С.) ощущений одного вида (например, слуховых) переносятся на другой вид ощущений (например, зрительных), … перенос качеств одной модальности на другую называется синестезией» (А.Р.Лурия), составляют тот объем понятия, который следует использовать исследователю фоносемантики. Восприятие ощущений или образов происходит адекватно раздражителю и вторично, дополнительно, неадекватно, индуцированно из области другой модальности. Качество одного ощущения опосредованно переносится на другое, и такой перенос, инициируемый субъективно, имеет объективный характер. Говоря словами Д.Скрябина, «это не может быть индивидуально. Должен быть принцип, должно быть единство. Игра случайностей – это зыбь на поверхности, а основное должно быть общее».

Однако если предположить, что явления синестезии в узком и широком смысле термина находятся в абстрактной взаимосвязи и взаимообусловлены, то обнаруженная градация физиологической синестезии должна найти корреляцию в языке, в области синестетических метафор. Исследователь Шин Дэй (статья Н.Сойновой «Смешение чувств») на основании выявленных 175 случаев смешения чувств попытался составить классификацию типов синестезии в зависимости от их редкостности. Ш.Дэю удалось выделить 19 различных типов данного феномена. Цифры и буквы вызывают цвета в 121 случае из 175 (69%). Промежутки времени ассоциируются с цветами в 42 случаях (24%). Звуки речи вызывают цвета в 24 случаях (14%). Звуки вообще вызывают цвета в 23 случаях (13%). Звуки музыки вызывают цвета в 21 случае (12%). Окрашенные в различные оттенки музыкальные ноты синестетики видят в шестнадцати случаях из 175 (9%). Болевые ощущения ассоциируются с цветами в шести случаях (3,4%). Запахи вызывают цвета в пяти случаях (3%). Также в пяти случаях из 175 (3%) цвета вызываются личностями людей либо вкусовыми ощущениями. По три случая (2%) приходится на следующие типы синестезии: звук вызывает вкус, звук вызывает чувство прикосновения, вид вызывает вкус. Прикосновение вызывает вкус лишь в двух случаях (1%). И, наконец, по одному случаю из 175 (0,6%) приходится на такие смешения чувств, когда звук вызывает запах, температура воздуха вызывает цвета, вкус вызывает

чувство прикосновения, прикосновение вызывает запах, вид предметов вызывает чувство прикосновения.

Количественные заключения относительно частотности взаимоощущений требуют переноса на лингвистическую почву. Ведь общеизвестно, что так называемый «цветной слух» наиболее распространен среди метафорических определений буквы, затем звука и т.д. В этой связи представляется актуальной статистическая обработка корпуса синестетических метафор с точки зрения их семантических модификаций в языке.

Соискатель М.А.Хизова (Краснодар)

СЕМАНТИКА КОНЦЕПТА «ДРУЖБА» В НАИВНОМ СОЗНАНИИ РУССКИХ: РЕЗУЛЬТАТЫ АНКЕТИРОВАНИЯ

Исследуя по оси синхронии концепт «дружба» с целью выявления ценностных ориентиров наивного языкового сознания, мы провели анкетирование около 200 информантов, отличающихся по половой принадлежности, социальному статусу, возрастным и конфессиональным группам. Отвечая на вопрос «Что, по-вашему, дружба?», многие формулировали свое понимание дружбы через видовые семантические признаки концепта, интерпретационно, опуская дефиниционные. Лишь немногие ответили, что: «Дружба – это определенный уровень *отношений* между людьми». Самый частотный семантический признак – *душевная близость*. Следующими являются *откровенность, бескорыстность* и *поддержка*. Интересен тот факт, что при описании респондентами «друга» семантика помощи, поддержки превалирует.

Особенно очевидной семантика концепта становится при сопоставлении частотных ответов респондентов на вопрос: Чем отличается дружба от любви? Список дифференциальных признаков возглавляет *интимная близость*. А также, как выяснилось, парадигма филической (от гр. φιλία – дружеская любовь) семантики при сопоставлении обязательно включает в себя такие признаки, как *стабильность, постоянство, надежность, прочность* в отличие от *мимолетности, недолговечности* любви.

Оценивая дружбу по шкале жизненных приоритетов, носители ответили следующим образом. На 1 месте для себя ее ставят 5%, причем возрастная категория этой части опрошенных ранжируется от 17 до 23, что говорит о природном юношеском идеализме, склонном ставить дружбу на пьедестал. 28%, 27% и 22% респондентов отводят в своей жизни дружбе 2, 3 и 4 места соответственно. 5 и 6 места дружбе отдают 7% и 3,8% опрошенных, соответственно.

Итак, иерархическая структура семантических признаков концепта «дружба», наблюдаемых в языковых реализациях современного русского языка, в своем основании имеет следующие 4: 1) *душевная близость*, объединяющая в своем составе, общие взгляды, вкусы, мироощущения, вследствие чего хорошее понимание между друзьями; 2) *откровенность*, предполагающая полное открытие своей души для другого, и тем самым знание

этого другого; 3) *бескорыстность*, проявляющаяся в полагании самого себя (в основном какой-то части себя, в высшем же проявлении и всего себя, свою жизнь) для другого, не требуя и даже ничего не ожидая взамен и, наконец, 4) *помощь*/*поддержка*, этот семантический признак очень важен для языкового сознания русских.

Как показал анализ материала анкетирования, языковой круг наиболее частотных средств вербализации концепта составляют следующие лексемы: **всегда (***+глагол),* **рядом**, **помогать, понимать, никогда не (***+глагол),* **предавать, самый (***+прилагательное),* **верный**, **близкий**. Выборка языковых единиц проводилась на основе анализа частотности (встречаемости в ответах респондентов) тех или иных сочетаний, для вербализации концепта дружбы ставших почти «устойчивыми».

Соискатель Фомина Е.С. (Пенза)

ИЗМЕНЕННЫЕ СОСТОЯНИЯ СОЗНАНИЯ И СИНТАКСИЧЕСКИЕ СВЯЗИ ХУДОЖЕСТВЕННОГО ТЕКСТА

Проблема изучения измененных состояний сознания и их языкового выражения принадлежит к числу актуальных, но мало изученных проблем современной психолингвистики. Традиционно сознание рассматривается как способность человека идеально воспроизводить действительность, предметы, явления, процессы и связи окружающего мира. Сознание дает человеку возможность понимать окружающий мир, процессы и явления, происходящие в нем, свои мысли и действия, свое отношение к внешнему миру и к самому себе. Мы вслед за многими учеными считаем, что сознание представляет собой единство трех моментов: ощущения человеком своего существования, ощущение присутствия в данном месте и в данный момент и идентификации себя в мире (различения себя и мира). Отсутствие хотя бы одного из указанных моментов расценивается как разрушение сознания (П.Б.Шошин 1994: 35). Таким образом, если человек перестает осознавать себя в окружающей среде, теряет контроль и управление поведением, подчиняется эмоциям, а также не может отдать себе отчет в том, что происходит как в окружающем, так и в своем собственном духовном мире, есть основания полагать, что сознание такого человека находится в измененном состоянии.

Измененное состояние сознания характеризуется неспособностью субъекта найти адекватный выход из сложившихся, чаще всего неожиданных ситуаций, что неизбежно приводит к изменениям всех систем организма, в том числе и речевой деятельности субъекта. Исследуя речь человека в измененном состоянии сознания, нас заинтересовал аспект связности, а именно влияние измененного состояния человека на синтаксические связи текста.

Во всех психолингвистических исследованиях подчеркивается сложность и многоплановость процессов восприятия и понимания текста. По нашему мнению, восприятие и понимание текста зависит также от состоя-

ния сознания описываемого в нем персонажа. Человек, находящийся в измененном состоянии сознания не способен контролировать свои действия, его речь эмоциональна и экспрессивна, непоследовательна и нелогична в отличие от речи человека в обычном состоянии сознания. Следовательно, восприятие и понимание текста при наличии персонажа в измененном состоянии сознания представляется более сложным, чем текст с персонажем в обычном состоянии сознания.

Для того чтобы проверить данную гипотезу, на материале произведений А.П. Чехова «Ворона» и «Последняя могиканша» был проведен эксперимент. Его цель заключалась в определении смысловой синтаксической связности текста. В отрывке из рассказа «Ворона» была приведена речь писаря, находившегося в состоянии алкогольного опьянения, т.е. в измененном состоянии сознания. Отрывок из рассказа «Последняя могиканша», напротив, описывает типичную бытовую ситуацию встречи родственников, состояние сознания которых можно считать обычным. Каждый контекст был разбит на шесть частей. В ходе эксперимента необходимо было прочитать контексты, определить логическую последовательность данных частей в каждом из них и записать в таблицы буквы, соответствующие порядку в контекстах.

1. Чехов А.П. Ворона:

***

a) Ти-ише! – продолжал орать во все горло писарь, думая, что это не он сам кричит, а кто-то другой. – Ти-ише! Я желаю, чтоб танцевали! Вы должны мой характер уважить! Качучу! Качучу!
b) От вина и соседства Бланш у поручика стала кружиться голова, и он забыл о писаре.

   – Музыку! – кричал отчаянным голосом писарь. – Подавай музыку! На основании приказа за номером сто двадцатым предлагаю вам танцевать!
c) Барб и Бланш посоветовались с m-me Дуду, старик Вронди сел за пианино. Танец начался. Филенков, топая в такт ногами, следил за движениями четырех женских ног и ржал от удовольствия.

   – Рви! Верно! Чувствуй! Отдирай, примерзло!
d) Немного погодя вся компания поехала в колясках в «Аркадию». В «Аркадии» заняли стол и потребовали ужин. Тут Филенков до того допился, что охрип и потерял способность махать руками.
e) Потомственный почетный гражданин… – передразнил он себя. – Ворона ты, а не гра… гражданин.
f) Он сидел мрачный и говорил, моргая глазами, как бы собираясь заплакать:

   – Кто я? Нешто я человек? Я ворона!

Правильная последовательность частей:

1	2	3	4	5	6
b	a	c	d	f	e

2. Чехов А.П. Последняя могиканша:

***

a) – Чай, не ждал гостей? — начала Олимпиада Егоровна, обращаясь к Докукину. – Я и сама не думала быть у тебя, братец, да вот к предводителю еду, так мимоездом...

b) Дама солидно улыбнулась и потянула свои губы к губам Докукина.

Человечек тоже полез целоваться.

c) – Здравствуй, сестра! – сказал Докукин, обращаясь к даме, когда та кончила молиться, и вздохнул.

d) - Позвольте представить... Моя сестра Олимпиада Егоровна Хлыкина... Ее муж Досифей Андреич. А это мой хороший знакомый...

e) – А зачем к предводителю едешь? – спросил Докукин.

Зачем? Да вот на него жаловаться! — кивнула дама на своего мужа.

Досифей Андреич потупил глазки, поджал ноги под стул и конфузливо кашлянул в кулак.

f) – Очень рада, – сказала протяжно Олимпиада Егоровна, не подавая мне руки. – Очень рада... Мы сели и минуту помолчали.

Правильная последовательность частей:

1	2	3	4	5	6
c	b	d	f	a	e

В эксперименте приняли участие 272 реципиента от 17до 22 лет, среди испытуемых – 213 лиц женского пола и 59 лиц мужского пола. В результате исследования выявилось, что степень совпадений по каждому контексту различна. Анализ полученных данных производился с учетом полных совпадений (6 из 6 верно), частичных совпадений (3-5 из 6 верно), незначительных совпадений (1,2 из 6 верно) и полных несовпадений (0 из 6 верно). Результаты эксперимента представлены в таблицах № 1(рассказ «Ворона») и № 2(рассказ «Последняя могиканша»).

Условные обозначения:
1 – полные совпадения,
2 – частичные совпадения,
3 – незначительные совпадения,
4 – полные несовпадения

Таблица № 1

Пол	Степень совпадений								Всего	
	1		2		3		4		К-во	%
	К-во	%	К-во	%	К-во	%	К-во	%		
Жен.	14	6,57	75	35,21	32	15,02	92	43,19	213	100
Муж.	3	5,08	15	25,42	21	35,59	20	33,90	59	100
итого	17	6,25	90	33,09	53	19,49	112	41,18	272	100

Таблица № 2

Пол	Степень совпадений								Всего	
	1		2		3		4		К-во	%
	К-во	%	К-во	%	К-во	%	К-во	%		
Жен.	50	23,47	17	7,98	119	55,87	27	12,68	213	100
Муж.	9	15,25	11	18,64	30	50,85	9	15,25	59	100
Итого	59	21,69	28	10,29	149	54,78	36	13,24	272	100

Чтобы определить, существенны или случайны расхождения полученных в опыте частот, мы использовали статистическую методику, описанную в книге Б.Н.Головина «Язык и статистика». С этой целью мы нашли общую выборочную частоту, т.е. суммировали наши частоты 17 и 59 (общее количество полных совпадений первого и второго текстов соответственно) и разделили пополам, их средняя величина – 38. Затем, применили формулу, по которой вычисляется величина «хи-квадрат»: $\chi^2=(17-38)^2/38+(59-38)^2/38= 23,21$. Так как была использована одна степень свободы, то критическая величина критерия «хи-квадрат» равна 3,84. Полученная в результате величина 23,21 значительно превосходит критическую величину. Затем, сравнив аналогичным образом количество частичных совпадений, мы получили величину 32,58. В результате сравнения незначительных совпадений была получена величина 45,62. Пранализировав полные несовпадения, мы получили величину 39,03 Таким образом, расхождения частот существенны.

Результаты анализа экспериментальных данных позволили нам сделать вывод о том, что на процесс восприятия и понимания текста большое влияние оказывает состояние сознания действующих лиц текста. Это означает, что факт наличия лица в измененном состоянии сознания в художественном произведении нарушает степень синтаксической связности текста.

Чтобы выяснить, насколько велики расхождения в определении последовательности текстов у представителей женского и мужского пола, мы воспользовались методикой статистической оценки для неодинаковых выборок. Мы сравнили любые совпадения и полные несовпадения у женщин и мужчин по первому и второму тексту. Так, согласно первой таблице, из 213 женщин любые совпадения определили 121 человек, из 59 мужчин – 39 человек. Суммируем эти частоты, суммируем обе выборки, делим сумму частот на величину совокупной выборки и затем умножаем результат деления на величину каждой выборки: а) 121+39=160; б) 213+59=272; в) 160 : 272=0,588; г) 0,588×213=125,244; д) 0,588×59=34,692. Теперь рассчитаем «хи-квадрат» по формуле $\chi^2 = (121 - 125,244)^2/125,244 + (39 - 34,692)^2/34,692 = 0,679$. Полученная величина значительно меньше критической величины 3,84. При подсчетах любых совпадений по второму тексту была обнаружена величина 0,868, которая также меньше величины 3,84. Аналогичная ситуация выявилась и при сравнений полных несовпа-

дений. Полученные величины 0,973 и 0,239 по первому и второму тексту соответственно гораздо меньше критической величины 3,84.

Таким образом, расхождения при восприятии текста лицами мужского и женского пола в ходе эксперимента оказались несущественными.

Цитируемая литература:

Шошин П.Б. Пути концептуализации бессознательного // Бессознательное. Сборник статей. Новочеркасск, 1994. – С. 35.

Головин Б.Н. Язык и статистика. – М., Просвещение, 1970. – 190 с.

ФУНКЦИОНАЛЬНЫЕ АСПЕКТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ ЯЗЫКА И МЫШЛЕНИЯ

Аспирантка Л.П.Амири (Ростов-на-Дону)

НОВЫЕ ЯЗЫКОВЫЕ ПРИЕМЫ В СОВРЕМЕННОЙ РЕКЛАМЕ

В современном мире реклама является частью нашей жизни. Мы сталкиваемся с ней ежеминутно, она окружает нас повсюду. Для российского потребителя реклама до недавнего времени была новшеством. Сегодня реклама – это уже не только средство эффективной продажи товара, но и в большей степени искусство формирования вкусов и предпочтений аудитории.

Язык рекламы должен отвечать следующим критериям: в минимальном объеме текста должно быть максимальное количество запоминающейся и убедительной информации, при этом нельзя забывать о лингвистических и грамматических правилах и нормах; учитывать психологические особенности восприятия текста.

Российская реклама представляет собой развивающуюся сферу деятельности, правила в которой еще только устанавливаются. Как показало время и исследования, реклама не только двигатель торговли, но и стимул для развития речевой деятельности. В рекламе все более частотными становятся ненормативные с точки зрения современного русского языка формы простой и составной сравнительной степени или можно говорить об особых синтаксических конструкциях в языке рекламы.

Существует целый ряд языковых средств рекламы, используемых для этих целей. С точки зрения традиционно выделяемых уровней языка их можно разделить на следующие группы: фонетические, графические, лексические, морфологические и синтаксические.

Нарушение норм языка и правил грамматики или орфографии может создать впечатление, что подобное нарушение является для них чем-то само собой разумеющимся. Но, обратив более пристальное внимание на нарушение этих норм и правил, вы сможете понять, что создатели подобных рекламных текстов мастерски владеют «законами языкового ожидания». Согласно законам языкового ожидания, «правила построения фраз» в каждом языке объективны и понятны носителям языка на уровне интуиции. Остроумное нарушение этих правил – языковая игра, постичь которую по силам лишь носителю языка. Чем тоньше игра, тем более она непонятна "чужакам", и тем больше тешит самолюбие "своих", порождая "вовлеченность" Клиента в рекламную кампанию. А посему, чем более осторожным и тонким является такое отклонение, тем более эффективным оказывается результат».

Одним из наиболее новых приемов является написание части слова или отдельных букв кириллицей для стилизации под древнерусское письмо, например:

22 февраля «бл**і**нное меню» проводы маслен**і**цы

с 18.00 за str**i**ke – бл**і**нные пр**і**зы

с 20.00 – спец**і**альная программа – казак**і**, п**і**во, бл**і**ны, водочка…

Или написание части слова или отдельных букв на латинице буквами в русском тексте, например:

У**z**жаете?..

…а багаж у нас: Robinzon

В последнее время также возрастает тенденция к использованию при шрифтовыделении не только написания какой-то части русского слова или текста, но также выделение какой-то части русского слова или текста через использование символов, обозначающих денежные знаки определенных стран, чаще всего доллара ($) и евро (€), например:

$пец цены (имеются в виду специальные цены)

Использование контаминации является одним из наиболее часто встречаемых приемов ЯИ как в российской рекламе, например:

Объявляем **СУВЕНИР**итет [сувенир + сувениритет]

На морфологическом уровне примером ЯИ может служить гиперболизация, которая направлена на привлечение внимания к качеству товара, например:

САМЫЙ ИГРУШЕЧНЫЙ МАГАЗИН КАТЮША!

В современной российской рекламе большое распространение получил прием выделения шрифтом или цветом, далее именуемый как шрифтовыделение. В результате шрифтовыделения также имеет место игра со смыслом, внутренней формой слова. Шрифтовыделение позволяет по-новому обыгрывать различные значения одного и того же слова, например:

ВСЕ ***у***СТРОИМ! [строим + устроим]

швей**Ц**арские часы [швейцарские + царские]

Также одним из новых приемов в современной рекламе является создание инноваций, например: **снегомания, мотовстреча, мотоприкол, мотоохота**

Все вышеприведенные примеры позволяют сделать вывод о том, что в последнее время заметно увеличилось количество новых приемов в рекламе, что связано не только с потребностью нашего общества в рекламе как таковой, но и с творческим подходом нового поколения так называемых «копирайтеров» или создателей рекламных текстов к данному виду деятельности. Ведь в современном мире реклама уже давно стала частью языка и речи, и многие языковые процессы заявляют о себе непосредственно через язык рекламы.

Студ. С.А.Байшева (Пенза)

ДНЕВНИКОВЫЕ ЗАПИСИ Л.Н.ТОЛСТОГО О ЖИЗНИ И СУДЬБЕ В СИСТЕМНОМ ПРЕДСТАВЛЕНИИ

Лев Николаевич Толстой – мыслитель, чьё наследие не может не привлекать исследовательского внимания. Основная задача нашего доклада – осуществить попытку представить дневниковые записи Л.Н.Толстого о

жизни и судьбе в системно организованном виде. В качестве методологии такого подхода служат работы таких отечественных исследователей, как А.А.Гагаев (1992) и А.В.Пузырёв (1995; 2002; 2004). В качестве материала, подвергнутого систематизации, послужили дневниковые записи Л.Н.Толстого (1895, 1896, 1897, 1898, 1899, 1909 гг.). Эти годы привлечены к изучению потому, что представляют наибольший интерес в плане исследования представления Л.Н.Толстого о жизни и судьбе.

В классификации высказываний Л.Н.Толстого о жизни и судьбе воспользуемся универсальной схемой научного исследования (см., напр.: А.В.Пузырев 2002: 78-79). В сокращённой форме она выглядит таким образом (А.В.Пузырев 2002: 8):

	Всеобщее	Общее	Конкретно-абстрактное	Особенное	Единичное
Всеобщее	1	5	4	3	2
Общее	6	7	8	9	10
Особенное	14	11	12	13	15
Единичное	19	16	18	17	20

Высказывания Л.Н.Толстого о жизни и судьбе фиксируют многие аспекты картины мира.

Всеобщее-всеобщее. *Генетический аспект исходных причин и условий*.

В дневниковых записях Л.Н.Толстого отмечается генетический аспект целостности человека и ее расщепления:

Всё, что живёт, выделяет себя из всего остального. Только выделение это и есть жизнь. Не будь этого выделения – не будет ничего, кроме какой-то таинственной основы жизни, которую мы называем материей.

10.10.1896 г. (Л.Н.Толстой т. 53 1953: 110)

Л.Н.Толстым фиксируется распространение силы всеобщего по своему характеру закона борьбы за существование на человека:

Материальный мир борьбы подлежит закону борьбы за существование, ему подлежим *и мы, как материальные существа.*

7.09.1895 г. (Л.Н.Толстой т. 53 1953: 51)

Всеобщее-общее. *Логический аспект исходных причин и условий*.

В дневниковых записях Л.Н.Толстого содержатся определения базовых (для осмысления жизни и судьбы) понятий, например жизни:

Жить значит чувствовать, сознавать себя центром вселенной, Всего.

4.02.1909 г. (Л.Н.Толстой т. 57 1952: 23)

В дневниковых записях Л.Н.Толстого содержится определение и смерти:

Смерть есть прекращение жизни в пространстве и времени. Для того, кто не сознаёт жизни вне пространства и времени, она есть прекращение всего.

1.03.1909 г. (Л.Н.Толстой т. 57 1952: 33)

Всеобщее-конкретно-абстрактное. *Динамический аспект исходных причин и условий*

В дневниковых записях Л.Н.Толстого отмечается одна из базовых проблем общения мужчин и женщин.

Наибольшее число страданий, вытекающих из общения мужчин и женщин, происходит от совершенного непонимания одного пола другим.

6.04.1895 г. (Л.Н.Толстой т. 53 1953: 20)

Писатель определяет динамический аспект сущности жизни человека:

Жизнь истинная – в движении вперед, в улучшении себя и улучшении жизни мира через улучшение других людей.

4.01.1895 г. (Л.Н.Толстой т. 53 1953:4)

Л.Н.Толстой подчеркивает всеобщий характер зависимости внешних изменений от внутренних:

Измениться форма кристалла только тогда, когда в нём произойдет химическое изменение – внутреннее, то же и с обществом.

5.01.1897 г. (Л.Н.Толстой т. 53 1953: 130)

Всеобщее-особенное. *Функциональный аспект исходных причин и условий.*

В дневниковых записях Л.Н.Толстого фиксируется необходимость осознания смысла жизни:

Вся мудрость мира в том, чтобы перенести свою жизнь из формы в содержимое и не направлять силы на сохранение формы, а на то, чтобы течь.

6.04.1895 г. (Л.Н.Толстой т. 53 1953: 20)

Общее-всеобщее. *Генетический аспект внутренних закономерностей развития*.

Писатель фиксирует тот момент, что ценность человеческой жизни зависит от степени её осознавания (и то и другое становится возможным лишь при достижении определённого возраста):

Страшно то, что чем старше становишься, тем чувствуешь, что драгоценнее становится (в смысле воздействия на мир) находящаяся в тебе сила жизни, и страшно не на то потратить её, на что она предназначена.

26.04.1895 г. (Л.Н.Толстой т. 53 1953: 26)

Общее-общее. *Логический аспект внутренних закономерностей развития*.

Писатель уточняет некоторые существенные понятия:

Истина же есть только отрицание лжи, а положительного ничего не включает.

14.01.1909 г. (Л.Н.Толстой т. 57 1952: 10)

Л.Н.Толстой определяет общий характер зависимости человеческого благополучия от любви их к другу:

Благо жизни людей прямо пропорционально их любви между собой.

1.01.1909 г. (Л.Н.Толстой т. 57 1952: 3)

Л.Н.Толстой обосновывает закономерный характер связи между качеством жизни и её осознаванием:

Пока человек не сознает себя, он не знает, живет ли он или нет и потому не живёт. Когда же он сознаёт себя живущим, он невольно задаёт себе вопрос: зачем он живёт. Задав же себе этот вопрос, он ищет на него ответ, он не успокаивается до тех пор, пока не делает того, для чего он живет.

25.02.1895 г. (Л.Н.Толстой т. 53 1953: 58)

Общее-конкретно-абстрактное. *Динамический аспект внутренних закономерностей развития.*

В дневниковых записях Л.Н.Толстого отмечает «стадность» мышления и поведения людей в обществе:

Люди старательно свяжут себя так, чтобы один человек мог двигать ими всеми, потом веревку от этой своей связанной толпы отдадут кому попало. И удивляются, что им дурно.

30.06.1898 г. (Л.Н.Толстой т. 53 1953: 203)

Л.Н.Толстой фиксирует фактическую зависимость жизни человека от него самого:

Будущего нет. Оно делается нами.

26.01.1899 г. (Л.Н.Толстой т. 53 1953: 221)

Писатель выявляет губительное действие психоэнергетической зависимости одних людей от других как проявление закона саморазрушения вторых (указывая тем самым на бесструктурный характер управления одних людей другими):

Нет большей причины заблуждений и путаницы понятий, самых неожиданных и иначе необъяснимых, как признание авторитетов – то есть непогрешимой истинности или красоты лиц, книг, произведений искусства.

20.01.1897 г. (Л.Н.Толстой т. 53 1953: 139)

В дневниковых записях Л.Н.Толстого фиксируется закон правоты и силы тёмной толпы:

Заблудших людей всегда больше, чем не заблуждающихся, и потому сила самая основная и могущественная всегда на стороне первых.

17.12.1910 г. (Л.Н.Толстой т. 57 1952: 190)

В дневниковых записях Л.Н.Толстого содержатся заметки о коренных свойствах человеческого обаяния:

По ощущению того, как это неприятно терпеть, понял – смешно сказать: в 80 лет – то, что не надо говорить с другими о том, что тебя занимает, а ловить то, что их занимает, и об этом говорить, если есть что.

4.02.1909 г. (Л.Н. Толстой т. 57 1952: 20)

Писатель формулирует закон дефицита информационной вооружённости у людей как закон человеческого существования:

Если бы мы знали будущее, мы бы материально не жили.

18.06.1895 г. (Л.Н.Толстой т. 53 1953: 44)

Л.Н.Толстой подчёркивает динамический характер противоречий как движущей силы человеческого развития:

Нет ни одного верующего человека, на которого бы не находили минуты сомнения, сомнения в существовании Бога.

22.09.1895 г. (Л.Н.Толстого т. 53 1953: 54)

Или:

Не может жить человек плотской жизнью, если не будет считать себя правым, и не может жить духовной жизнью, если не будет считать себя грешным.

30.07.1896 г. (Л.Н.Толстой т.53 1953: 104)

Писатель говорит о необходимости осознавания человеком себя как вечной сущности:

Нет такого трудного положения, из которого бы не представился выход, если только вспомнишь, что ты не временное, материальное проявление, а вечная, вездесущая сущность.

23.12.1895 г. (Л.Н.Толстой т. 53 1953: 76)

Л.Н.Толстой указывает, что высшим проявлением закона самоорганизации оказывается любовь:

Вот кто настоящая волшебница – это любовь. Стоит полюбить, и то, что полюбил, становится прекрасным.

22.09.1895 г. (Л.Н.Толстой т. 53 1953: 54)

Общее-особенное. *Функциональный аспект внутренних закономерностей развития.*

Писатель формулирует взаимосвязь глупости и самоуверенности:

Сначала поражаешься, почему людям глупым свойственны такие уверенные интонации. Но так и должно быть. Иначе бы их никто не слушал.

14.09.1896 г. (Л.Н.Толстой т. 53 1953: 106)

В дневниковых записях Л.Н.Толстого фиксируется ценность внешних явлений жизни как указателей на основные направления внутреннего закона развития:

Мы сердимся на обстоятельства, огорчаемся, хотим изменять их, а все возможные обстоятельства суть не что иное, как указания того, в каких сферах, как нужно действовать.

26.01.1899 г. (Л.Н.Толстой т.53 1953: 22)

Писатель отмечает направляющую силу осознавания смысла жизни:

А если ты не знаешь (зачем живешь), то никогда не будешь знать и того, что тебе надо делать и чего не надо делать.

19.01.1909 г. (Л.Н.Толстой т.57 1952: 15)

Л.Н.Толстой выявляет разрушительную силу обмана самого себя:

Ложь перед другими далеко не так важна и вредна, как ложь перед собой. Ложь перед другими есть часто невинная игра, удовлетворение тщеславия; ложь же перед собой есть всегда извращение истины, отступление от требований жизни.

30.07.1896 г. (Л.Н.Толстой т. 53 1953: 104)

Особенное-конкретно-абстрактное. *Динамический аспект материализации явления.*

Л.Н.Толстой выявляет динамические (вплоть до статистических) аспекты закона общественного саморазрушения и формулирует их как проявление психоэнергетической зависимости одних людей от других:

Одна – меньшая часть людей, около 20%, сумасшедшая сама по себе – одержима манией эгоизма, доходящей до сосредоточения всех душевных сил на себе; другая – большая часть, около 80%, загипнотизирована научным, художественным, государственным и, главное, религиозным гипнозом и тоже не пользуется своим разумом. От этого успех в свете всегда достается сумасшедшим, одержимым тем же сумасшествием, каким одержимо большинство.

18.12.1899 г. (Л.Н.Толстой т. 53 1953: 234)

В дневниковых записях писателя фиксируется такой приём управления людьми, как создание для них трудных условий для существования:

Упадок нравственного сознания человечества в том, что большая часть людей поставлена в такое положение, что весь интерес их жизни в том, чтобы кормиться и плодиться.

3.08.1898 г. (Л.Н.Толстой т.53 12953: 208-209)

Л.Н.Толстой отмечает факт осознания собственного предназначения как проявление динамического аспекта закона самоорганизации:

Нынче утром в первый раз после долгого тумана ясно понял, почувствовал, что жизнь служения людям открыта мне вполне, и захотелось этой жизни, только этой жизни.

7.05.1895г. (Л.Н.Толстой т.53 1953: 29)

Писателем отмечается распространённость человеческого заблуждения относительно того, что за сделанное добро надо благодарить:

Часто удивляются на то, что люди неблагодарны. Надо удивляться, как они могут быть благодарны за сделанное им добро. Как бы мало ни делали люди добро, они знают несомненно, что делание добра есть величайшее счастье. Как же людям благодарить других за то, что эти другие напились, когда в этом великое наслаждение?

30.08.1896 г. (Л.Н.Толстой т.53 1953: 103)

Единичное-общее. *Логический аспект уникально-неповторимой интерпретации.*

Писатель выражает точку зрения, по которой вера в закон любви утвердится и сменит веру в закон насилия:

И я думаю, что вера в закон любви придет и сделается столь же общей, какой была вера в закон насилия. А как только вера эта сделается общей, так уничтожится большая часть тех зол, от которых страдает теперь человечество.

14.02.1909 г. (Л.Н.Толстой т. 57 1952: 26)

Л.Н.Толстой фиксирует то обстоятельство, что каждый человек видит мир по-своему, а иначе думать было бы наивно:

Я шел дорогой и думал, глядя на лес, на землю, на траву, какое смешное заблуждение: думать, что мир такой, каким он представляется мне. Думать, что мир такой, каким он представляется мне, значит: думать, что не может быть другого познающего существа, кроме меня с моими 6-ю чувствами.

30.07.1896 г. (Л.Н.Толстой т. 53 1953: 103)

В дневниковых записях Л.Н.Толстого даётся определение четырём динамикам существования человека:

Соблазнов главных четыре:

1) соблазн блага своей личности,

2) соблазн блага семьи,

3) соблазн блага отечества,

4) соблазн блага всего человечества.

25.10.1895 г. (Л.Н.Толстой т. 53 1953: 65-65)

Особенное-особенное. *Функциональный аспект материализации явления.*

Л.Н.Толстой оценивает некоторые моменты своего поведения с точки зрения зла и добра и отмечает, что добро дóлжно делать бессознательно:

Хотя и редко, но мне случалось делать добро от жалости настоящей. Никогда тогда не помнил, что именно я сделал и при каких условиях. Помнишь только, что был с Богом. Подумал это по случаю ботинок любимых, которые помню отдал, пожалев, и долго не мог вспомнить, куда они делись. То же со всеми теми минутами, когда был с Богом, в молитве ли, в деле ли жизни.

30.07.1896 г. (Л.Н.Толстой т. 53 1953: 104)

Писатель фиксирует, что сила и спокойствие к нему пришли тогда, когда он стал творить дела не собственные, а Божьи:

В последнее время я стал чувствовать такую твёрдость и силу не свою, а того дела Божья, которому хочу служить, что мне странны раздражение, укоры, насмешка над людьми, враждебными делу Божью – они жалки, трогательны.

17.05.1896 г. (Л.Н.Толстой т. 53 1953: 94)

Особенное–Единичное. *Личностный аспект материализации явления.*

В дневниковых записях писателя фиксируется уникально-неповторимое восприятие писателем собственного состояния в определённый момент времени:

Все это время – всю святую – продолжаю быть в необыкновенной слабости: ничего не делаю, мало думаю: так только среди мрака и тумана вдруг изредка всплывают островки мысли и от того, вероятно, кажутся особенно важными.

10.04.1895 г. (Л.Н.Толстой т.53 1953: 21)

Или:

Живу, несмотря на почти невольную праздность, не дурно – есть движение, смело скажу – больше люблю людей и больнее всякая нелюбовь.

4.06.1895 г. (Л.Н.Толстой т.53 1953: 35)

Или:

Хотел записать то, что вчера, потушив свечу, стал щупать спички и не нашёл, и нашла жутость. «А умирать собираешься! Что ж, умирать тоже будешь со спичками?» сказал я себе, и тотчас же увидал настоящую свою жизнь в темноте, и успокоился. Что такое этот страх темноты? Кроме страха невозможности справиться в случае какого-нибудь случая, этот страх отсутствия иллюзий главного из чувств – зрения, это страх перед созерцанием своей истинной жизни. У меня уже нет теперь этого страха, напротив, то, что было страхом, стало успокоением, осталась только привычка страха, но у большинства людей страх именно перед тем, что одно может дать успокоение.

20.10.1896 г. (Л.Н.Толстой т.53 1953: 111)

Единичное–особенное. *Функциональный аспект уникально-неповторимой интерпретации.*

Л.Н.Толстой испытывает радость от новых открытий на склоне лет:

Удивительно, сколько совершенно новых узнаёшь на старости радостей.

3.01.1909 г. (Л.Н.Толстой т. 57 1952:4)

Писатель фиксирует собственное понимание своего жизненного предназначения:

Чувствую, что мне дан рупор, который мог бы быть в руках, более достойных пользоваться им, но он volens nolens у меня, и я буду виноват, если не буду пользоваться им хорошо.

4.02.1909 г. (Л.Н.Толстой т. 57 1952: 22)

Писателем отмечается такой способ подчинения одних людей другими, как принятая форма одежды:

Одно из самых сильных средств гипнотизации – внешнего воздействия на душевное состояние человека, это наряд. Это хорошо знают люди: от этого монашеская одежда в монастырях и мундир в войске.

14.09.1896 г. (Л.Н.Толстой т.53 1953: 107)

Произведённая нами работа убеждает в широте и глубине толстовских высказываний о жизни и судьбе, а также в удобстве использования универсальной схемы научного исследования в целях классификации самого разнородного материала.

Цитируемая литература:

Гагаев А.А. Теория и методология субстратного подхода в материалистической диалектике. – Саранск: Изд-во Морд. ГУ, 1991. – 308 с.

Пузырев А.В. Анаграммы как явление языка: Опыт ситстемного осмысления. – М.; Пенза: Ин-т языкознания РАН; ПГПУ им В.Г.Белинского, 1995. – 375 с.

Пузырев А.В. Опыты целостно-системных подходов к языковой и неязыковой реальности: Сборник статей. – Пенза: ПГПУ имени В.Г Белинского, 2002. –164 с.

Пузырев А.В. Языковая картина мира в русских анекдотах: (Опыт системного подхода) // Язык и мышление: Психологический и лингвистический аспекты. Материалы 4-ой Всероссийской научной конференции (Пенза, 12-15 мая 2004 г.) / Отв. ред. проф. А.В.Пузырев. – М.; Пенза: Институт языкознания РАН; ПГПУ имени В.Г.Белинского; Администрация г. Пензы, 2004. – С. 145-158.

Толстой Л.Н. Дневник 1895-1899 // Л.Н.Толстой. Полное собрание сочинений: В 58-ми т. – Т. 53. – М.; Л.: Гослитиздат, 1953. – 562с.

Толстой Л.Н. Дневники и записные книжки 1910 // Л.Н.Толстой. Полное собрание сочинений: В 58-ми т. – Т. 57. – М.; Л.: Гослитиздат, 1953. – 430 с.

Студ. С.А.Байшева (Пенза)

РЕЧЕВОЕ ВЫРАЖЕНИЕ ОПТИМИЗМА И ПЕССИМИЗМА В ДНЕВНИКАХ Л.Н.ТОЛСТОГО (1853, 1910 ГОДЫ).

Основная цель нашего доклада – выявить соотношение оптимистических и пессимистических высказываний в дневниковых записях Л.Н.Толстого. В качестве материала для исследования взяты высказывания 1853 и 1910 годов. Этот выбор обусловлен возможностью сравнить оптимизм и пессимизм Толстого в начальный период ведения им дневника (1853) и в последний, чрезвычайно сложный год жизни писателя (1910).

Как указывают психологи, оптимизм и пессимизм проявляются в своеобразном стиле объяснения окружающего мира. Стиль объяснения – это непосредственно наш взгляд на наше место в мире: считаем ли мы себя ценным и заслуженным либо бесполезным и безнадежным. Профессором М.Зелигманом в книге «Как научиться оптимизму» выделены три основных параметра стиля объяснения: постоянство, широта и персонализация (см.: М.Э.П.Зелигман 1997). Именно эти параметры нами и использовались.

Основной единицей анализа, подлежащей оценке по указанным параметрам, в нашей работе выступает предложение: таким образом, мы получаем возможность рассмотреть, как пессимизм и оптимизм реализуются в пределах одного минимального завершенного грамматически и по смыслу целого.

При выявлении языковых показателей параметра персонализации мы дополнительно опирались на методику контент-анализа, предложенную З.И.Гришановой и Е.В.Левченко для определения психического здоровья. В качестве категорий контент-анализа авторами берутся пять показателей психического здоровья: принятие ответственности за свою жизнь, принятие себя, умение жить в настоящем, осмысленность индивидуального бытия, принятие других. В рамках нашего исследования наибольший интерес представляет показатель «принятие ответственности за себя», поскольку он непосредственно связан с параметром персонализации (см.: З.И.Гришанова и Е.В.Левченко 2002).

З.И.Гришанова, и Е.В.Левченко при участии преподавателя русского языка и литературы О.В.Потемкиной выделяют следующий ряд единиц анализа, являющихся показателями наличия или отсутствия категории.

Категория отсутствует, если встречаются: пассивные грамматические конструкции (с подлежащим и без подлежащего), а также страдательный залог, выражаемый страдательными причастиями или с помощью постфикса -ся (*Моя жизнь омрачена школой; На каждого заведено по дневнику; Я редко избираем одноклассниками; Я обманувшийся простак*).

Категория принятия ответственности за свою жизнь присутствует, если встречаются активные грамматические конструкции (*Я делаю жизнь лучше; Мое будущее зависит от моего старания*).

Выделенные единицы контент-анализа были использованы нами для оценки высказываний по параметру персонализации, однако в центре внимания оказались не только формальные синтаксические показатели, но и содержание анализируемого предложения (кто или что является действующим лицом и какие действия совершает) так как субъект действия в реальной действительности и субъект действия в высказывании, описывающем произошедшую ситуацию могут не совпадать.

Основные языковые показатели всех трех параметров стиля объяснения использовались нами при интерпретации высказываний Л.Н.Толстого. Нами было проанализировано всего 200 предложений (100 – за 1853 и 100 – за 1910 годы). В первую очередь мы обращались к высказываниям, непосредственно характеризующим душевное и физическое состояние писателя, его самовосприятие.

Оценивая высказывания по всем трем параметрам, мы наблюдали следующее: степень выраженности оптимизма и пессимизма колеблется от +3 до -3.

Оценке +3 соответствуют высказывания, которые являются оптимистичными по всем трем параметрам. Например:

В смысле воздержания от недобрых чувств хоть немного двигаюсь.

2.01.1910 г. (Л.Н.Толстой т. 58 1934: 3)

В целом высказывание выражает оптимистическую оценку действительности:

1. По параметру постоянства – оптимистично (+1), позитивное со своему содержанию высказывание носит постоянный характер, показатель – глагол несовершенного вида настоящего времени (действие не имеет предела).

2. По параметру широты – оптимистично (+1), позитивное со своему содержанию высказывание не ограничено какими-либо пространственными рамками, высказывание имеет универсальный характер.

3. По параметру персонализации – оптимистично (+1). Л.Н.Толстой оценивает себя положительно и лично берет ответственность за совершаемое им позитивное действие (хотя личное местоимение 1 л. ед. ч. опущено, оно подразумевается и легко восстанавливается из контекста).

Если один из параметров стиля объяснения нельзя определить, а два других оптимистичны, то высказывание получает оценку +2. Например:

Чувствую себя и телесно и духовно хорошо.

23.02.1910 г. (Л.Н.Толстой т. 58 1934: 11)

В целом высказывание выражает оптимистичную оценку действительности:

1. По параметру постоянства – оптимистично (+1), позитивное по своему содержанию высказывание носит постоянный характер, показатель –

глагол настоящего времени несовершенного вида (действие не ограничено пределом).

2. По параметру широты – (0), так как контекст не позволяет определить этот параметр.

3. По параметру персонализации – оптимистично (+1), Л.Н.Толстой оценивает свое состояние как позитивное и лично берет ответственность за него (хотя личное местоимение 1л. ед. ч. опущено, оно подразумевается и легко восстанавливается из контекста).

Если один из параметров стиля объяснения пессимистичен, а два других оптимистичны, то высказывание имеет оценку +1. Например:

Не хорошо обошелся с женой убийцы.

1.02.1910 г. (Л.Н.Толстой т. 58 1934: 14)

В целом высказывание имеет оптимистическую оценку действительности:

1. По параметру постоянства – оптимистично (+1), негативное по своему содержанию высказывание имеет временный характер, показатель – глагол совершенного вида.

2. По параметру широты – оптимистично (+1), негативное по своему содержанию высказывание ограничено пространственными рамками (в данной конкретной ситуации), высказывание не имеет универсального характера.

3. По параметру персонализации – пессимистично (-1), Л.Н.Толстой оценивает сам себя и лично берет ответственность за совершенное им негативное действие (хотя личное местоимение 1 л. ед. ч. опущено, оно легко восстанавливается из контекста).

При явном распадении высказывания на две противоположных по смыслу части (как правило, при противительных отношениях) отдельно оценивается каждая из частей по всем трем параметрам. Такие высказывания получают оценку -0 или +0, так как оптимизм и пессимизм практически нейтрализуются. Оценка +0 свойственна высказываниям, вторая часть которых является оптимистичной. Соответственно, оценка -0 – высказываниям, вторая часть которых пессимистична. Например:

И хочется (писать), но нет упорства и сосредоточенности.

12.02.1910 г. (Л.Н.Толстой т. 58 1934: 25)

Первая часть (до союза «но») пессимистична:

1. По параметру постоянства – пессимистично (-1): позитивная по своему содержанию первая часть носит временный характер, показатель – глагол несовершенного вида настоящего времени (контекст позволяет понять, что это желание сиюминутно, а следовательно, ограничено данным периодом времени).

2. По параметру широты – пессимистично (-1): данное высказывание ограничено пространственными рамками (эта конкретная ситуация), поэтому высказывание не имеет универсального характера.

3. По параметру персонализации – пессимистично (-1), писатель не берет ответственности за позитивное желание, показатель – безличный глагол и невозможность употребления личного местоимения 1 л. ед. ч.

Вторая часть (после союза «но») оптимистична:

1. По параметру постоянства – оптимистично (+1), негативное по своему содержанию высказывание носит временный характер, показатель – изъявительное наклонение настоящее время (контекст позволяет понять, что это состояние сиюминутно, а следовательно ограничено данным периодом времени).

2. По параметру широты – оптимистично (+1), позитивная вторая часть высказывания ограничена временными рамками, поэтому высказывание не имеет универсального характера.

3. По параметру персонализации – оптимистично (+1), показатель – безличная конструкция и невозможность употребления личного местоимения 1 л. ед. ч.

Оценке -1 соответствуют высказывания, которые являются оптимистичными лишь по одному из трех параметров, а по двум другим – пессимистичными. Например:

Брат пьет, что меня огорчает.

12.02.1910 г. (Л.Н.Толстой т. 46 1934: 157)

В целом высказывание имеет пессимистическую оценку действительности:

1. По параметру постоянства – пессимистично (-1); негативное по своему содержанию высказывание носит постоянный характер, показатель – глаголы несовершенного вида.

2. По параметру широты – пессимистично (-1), негативное по своему содержанию высказывание не ограничено пространственными рамками, поэтому оно имеет универсальный характер.

3. По параметру персонализации – оптимистично (+1); показатель – личное местоимение 1л. ед. ч. в В.п., (субъект речи подвергается воздействию, ср. я огорчаюсь, что брат пьет).

Если один из параметров стиля объяснения нельзя определить, а два других пессимистичны, то высказывание получает оценку -2. Например:

Немного получше, по крайней мере, память возвратилась.

22.01.1910 г. (Л.Н.Толстой т. 58 1934: 11)

В целом высказывание имеет пессимистичную оценку действительности:

1. По параметру постоянства пессимистично (-1), позитивное по своему содержанию высказывание носит временный характер, показатель – глагол прошедшего времени совершенного вида.

2. По параметру широты нейтрально (0), так как контекст не позволяет определить этот параметр.

3. По параметру персонализации – пессимистично (-1), показатель – отсутствие ответственности за произошедшее событие.

Если высказывание пессимистично по всем трем параметрам, то соответственно оно имеет оценку -3.

Очень хотелось дела.

4.01.1910 г. (Л.Н.Толстой т. 46 1934: 156)

В целом высказывание имеет пессимистический характер:

1. По параметру постоянства – пессимистично (-1), негативное по своему содержанию высказывание носит постоянный характер, показатель – глагол несовершенного вида прошедшего времени.

2. По параметру широты – пессимистично (-1), высказывание не имеет универсального характера (пространственное ограничение- место пребывания: Грозная).

3. По параметру персонализации – пессимистично (-1), писатель не берет личной ответственности за свое позитивное желание, показатель – отсутствие личного местоимения 1 л. ед.ч. в И.п. и невозможность его употребления в безличном предложении.

На основании выше изложенных критериев оценивания оптимизма и пессимизма нами была составлена таблица, выявляющая соотношение пессимистических и оптимистических высказываний за 1853 и 1910 годы.

Параметр	Всего		+3		+2		+1		+0		-0		-1		-2		-3	
	К.	%%	К.	%%	К.	%%	К.	%%	К.	%%	К.	%%	К.	%%	К.	%%	К.	%%
Пр-ий:																		
А) за 1853 год	100	100	21	21	3	3	30	30	4	4	2	2	27	27	1	1	12	12
Б) за 1910 год	100	100	21	21	5	5	27	27	3	3	4	4	30	30	5	5	5	5
Итого	200	100	42	21	8	4	57	28,5	7	3,5	6	3	57	28,5	6	3	17	8,5

Анализируя данные таблицы и привлекая известную формулу χ^2-критерия (Головин 1971: 28), мы пришли к выводу о том, что, в целом, оптимистических высказываний у Л.Н.Толстого больше, чем пессимистических. Полученные результаты дают нам право утверждать, что Лев Николаевич Толстой был в большей мере оптимист, нежели пессимист. Наш вывод совпадает с восприятием писателя его современниками. В.А.Поссе: «Как лучи солнца, шли от него во все стороны лучи любви и привета» (Л.Н.Толстой в воспоминаниях современников т. 2 1955: 20); Д.П.Маковицкий: «Лев Николаевич редко бывал мрачным. Почти всегда был радостным и ласковым, особенно в последний период жизни» (Л.Н.Толстой в воспоминаниях современников т. 2 1955: 358).

В то же самое время использование статистических методик показывает, что различия в оптимизме-пессимизме высказываний в 1853 и 1910 годах статистически несущественны. На наш взгляд, данное наблюдение требует дальнейшего исследования.

Цитируемая литература:

Головин Б.Н. Язык и статистика. – М.: Просвещение, 1971. – 192 с.

Гришанова З.И., Левченко Е.В. К вопросу о диагностике психического здоровья личности //Психологическая газета. – Январь 2002. – № 1 (76). – С. 28-30.

Зелигман М.Э.П. Как научиться оптимизму: Советы на каждый день. – М.: Вече, 1997. – 432 с.

Толстой Л.Н. Дневник 1847-1854 // Л.Н.Толстой. Полное собрание сочинений: В 58-ми т. – Т. 46. М.; Л.: Гослитиздат, 1934. – 576 с.

Толстой Л.Н. Дневник 1910 // Л.Н.Толстой. Полное собрание сочинений: В 58-ми т. – Т. 58. – М.;Л.: Гослитиздат, 1934. – 567 с.

Докт. филол. наук С.В.Ильясова (Ростов-на-Дону)

ФОРМООБРАЗОВАНИЕ ИЛИ СЛОВООБРАЗОВАНИЕ? ЛИНГВОПРАГМАТИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ ИННОВАЦИЙ ТИПА «ЗВЕЗДЕЕ»

Необычные формы сравнительной степени (компаратива) являются давно известным языковым материалом, но при этом статус этих форм не имеет однозначной оценки. Одни исследователи, исходя из их формальных особенностей, оставляют за ними право считаться формами (хотя и окказиональными) сравнительной степени [В.З.Санников 1999: 71], другие применительно к ним употребляют термин словоформирование, видя в подобных случаях проявление словотворчества [Р.Ю.Намитокова 1986: 99].

Напомним, что в лингвистике существует также точка зрения, согласно которой словоформы типа добрее, то есть синтетические формы сравнительной степени, рассматриваются как самостоятельные лексемы, то есть единицы, являющиеся результатом словообразования, а не формообразования [И.Г.Милославский 1981: 119].

Сфера распространения подобных единиц довольно широка. Так, они легко и регулярно образуются в разговорной речи, ср.: По-моему, этот творог *творожнее* чем тот; Эта музыка еще *камернее*; он выдвинулся в первейшие ряды // Не только первый просто *первее* первых // и др. [Русская разговорная речь 1983: 105].

Синтетические формы сравнительной степени как экспрессивное средство используются в художественной литературе. В последние годы, в связи с усилением интереса к языковой игре, они стали рассматриваться и в этом аспекте, что нашло отражение в известной монографии В.З.Санниковв «Русский язык в зеркале языковой игры», где в параграфе

«Расширение парадигмы» приводятся примеры форм, образованных от причастий (*ошпаренней)*, существительных (*ворее, чертей*), местоимений (*самее, мойнее*) [В.З.Санников 1999: 72].

Приведенные примеры можно дополнить следующими инновациями, образованными от существительных: *китее, чумее, дуре, правде, звезде, пищее* (от «писк») и др.

Таким образом, и в разговорной, и в художественной речи необычные формы компаратива всегда играли определенную роль как яркое выразительное средство, как средство языковой игры. Социальные изменения в обществе повлияли и на разговорный язык, и на художественную литературу, но гораздо в большей степени (и в этом единодушны все исследователи) на язык средств массовой информации. Мы целиком разделяем точку зрения Е.А.Земской о том, что «газеты стали живыми, эмоциональными. Их стало интересно читать. Порой они читаются с большим интересом, чем художественная литература» [Е.А.Земская 2004: 547]. Языковая игра, которая раньше была принадлежностью разговорной и художественной речи, получает все более широкое распространение в языке газеты, что, в частности, находит выражение в активизации компаратива как игрового средства, ср.: Пока они выясняют, кто «*монстрее*», газеты лежат и стареют [Известия. 23.05.97]; Чья шиза *шизее* [АиФ, 1998, № 18]; Народ всегда *правее* левых. И *левее* правых [КП. 3.12.02]; Все женщины – ведьмы, но некоторые «*ведьмее*» [КП. 3.07.04].

Сфера употребления подобных инноваций в основном заголовки, где они успешно выполняют свою прагматическую задачу – привлекают внимание, интригуют, часто дают оценку. Привлечение внимания, создание интереса объединяет язык газеты с языком рекламы, который на наших глазах проходит стремительное качественное развитие, поэтому в языке рекламы языковая игра постепенно начинает играть ведущую роль, выполняя установку на яркость, экстравагантность, ср. рекламу средства Faygy: *Яблочнее* яблок. *Ягоднее* ягод. *Лимоннее* лимона.

Таким образом, можно констатировать тот факт, что необычные формы компаратива расширяют сферу своего применения, превращаясь в универсальное игровое средство в текстах различных функциональных стилей. Очевидно, следует согласиться с мнением о том, что в подобных случаях имеет место словообразование, точнее, словотворчество.

В.Б.Крячко (Волжский)

ВОЙНА КАК СОЦИАЛЬНОЕ ЯВЛЕНИЕ: ДИСКУРСИВНЫЙ АНАЛИЗ

Война – сложное многоплановое явление, укорененное в человеческом сознании и широко представленное в различных видах дискурса: научном, специальном военном, бытовом. Как социальное явление, война изучается определенным направлением социологии. Принято различать социологию войны и военную социологию. Предметом социологии войны ведущие специалисты Куинси Райт, П.Сорокин и др. считают анализ при-

чин возникновения войны и условий поддержания мира (В.П.Култыгин 1993: 133). Таким образом, дискурс социологии войны ограничивается рассмотрением таких аспектов, как война и политика, война и экономика, война и современные технологии, война и психология (индивидуальная и социальная), социологические аспекты войны, подготовка к ней и ее последствия.

Многоплановость феномена войны проявляется в разнообразии подходов к определению. Основными семами в определении войны в постановке Клаузевица являются *цель, средства, политика, кровопролитие*. Очевидна определенная семантическая связь, которая наводится в понятии. Так, война, преследуя некоторые *политические цели*, становится *средством политики,* т.е. оказывается в подчинительном, зависимом от политики положении.

Однако Клаузевиц не считал, что война должна обязательно выражаться в применении военных средств. Политика – это не обязательно война, но война – это обязательно политика. Семантическое неравенство в понятии «война» проявляется в неравномерном распределении смысловой нагрузки между семами, что приводит к выявлению постоянно меняющихся семантических доминант. Что же делает политику войной? Очевидно, это сема *насилие (сила)*. «Война – это акт ***насилия,*** имеющий целью заставить противника выполнить нашу волю» (К.Клаузевиц 2003: 20). В настоящее время существует два подхода к определению войны.

1. Вооруженная борьба есть «неотъемлемый, сущностный, специфический, главный признак войны».

2. Война и вооруженная борьба – два самостоятельных средства политики, а потому война может происходить без вооруженной борьбы, равно как и последняя – вне войны, т.е. в мирное время. Иными словами, война может быть «невооруженным насилием» (М.Л.Боргачев 1997: 63), возможны «бескровные», «неболевые», «цивилизованные» войны. И те, и другие берут определение Клаузевица за основу. В поддержку второй точки зрения говорит широкий процесс метафоризации в современном языке, приведший к появлению «военных» символов в «невоенных» областях знания: *чернильная война* (В.Даль), *экономическая, финансовая, разведывательная, космическая, информационная, экологическая, компьютерная* (В.В.Серебрянников).

Очевидно, что эволюция концепта «война» продолжается. Общество не перестало думать о войне, нести войну в сознании, поведении, языке. Процесс номинации через метафору войны становится более «цивилизованным»: *война бескровная, неболевая, цивилизованная, политическая, холодная, горячая, тресковая* (В.В.Серебрянников), *война нервов, дураков, времен, идей, жатва, хлеб, кино, книга, игра* (РАС, т. I).

Н.С.Куприянова (Пенза)

СМЕХ В ПОСЛОВИЦАХ И ПОГОВОРКАХ

Пословицы и поговорки традиционно считаются отражением национальной культуры, в них получают объективацию представления о типовых жизненных ситуациях, значимых для того или иного народа. Русские пословицы и поговорки признают значимость смеха как явления человеческой жизни (всего выявлено 155 примеров), выражают стереотипные представления о месте и функциях смеха в межличностной коммуникации.

В русских паремиях, прежде всего, находит отражение тот факт, что смех бывает двух основных видов: смех плоти и смех ума, смех радости, удовольствия и смех насмешливый, оценочный. Такое подразделение на виды смеха дают и толковые словари: смех – 1) короткие характерные звуки, выражающие веселье, радость, удовольствие и др. чувства; 2) нечто смешное, достойное насмешки.

1. Смех как выражение чувства радости представлен небольшой группой пословиц: *Веселися, смейся, на бога надейся, да сам не плошай; И рад бы заплакать, да смех одолел* и др.

2. Лексемы смеха, выражающие оценку, наблюдаются в основной массе пословиц, содержащих разные типы противопоставлений, основанных на языковой и контекстуальной антонимии.

Общеоценочное противопоставление *хорошо/плохо* репрезентируется следующими оппозициями лексем:

1) оппозиция с общим значением *смех ─ плач* (16 %, 25 примеров): *Кошке смех, а мышке слезы, Кто смешлив, тот и слезлив; Иной смех плачем отзывается; Плакавши не заплатить, а смехом не задолжать* и др.;

2) оппозиция с общим значением *смех – грех* (16 %, 25 примеров): *В чем смех, в том и грех; Молодость не грех, а старость не смех; Что грешно, то и смешно; Сказать – смешно, утаить – грешно,* и др.;

3) оппозиция с общим значением с*мех – горе /беда (*7%, 12 примеров*): Где горе, там и смех* и др.;

4) оппозиция с общим значением *смех – смерть* (3%, 5 примеров): *Людской позор – смех, а свой – смерть; Без хлеба смерть, без соли смех; Дед погибает, а бабе смех; Жена умирает, а муж со смеху помирает;*

5) оппозиция с общим значением *смех – стыд* (1,9 %, 3 примера): *В чем деду стыд, в том бабе смех; Чужой дурак – смех, свой дурак – стыд*.

В русских пословицах и поговорках находит отражение постулат о том, что для смеха требуется некое отстранение, отчуждение от ситуации, иными словами, «анестезия сердца» (термин А. Бергсона): *Вчуже хороши смешки; Тебе смешно – а мне до сердца дошло; Поколе до сердца не дойдет, все смешно*. Как следствие, в смысловом пространстве русских паремий наблюдается устойчивое противопоставление *свое – чужое* (10,3%, 16 примеров), которое выражается как лексическими, так и синтаксическими средствами: *Чужой дурак – смех, свой дурак – стыд; Чужому смеху (беде)*

хорошо смеяться: посмейся своему; Не смейся, братец чужой сестрице: своя в девицах; Не смейся чужой беде: своя на гряде; Чужая беда – смех, своя – грех, и др.

Особо выделим соотношение *смех ─ дурак*: с одной стороны, причина смеха – глупость, с другой стороны, смех является неотъемлемой характеристикой дурака. Это находит подтверждение в паремии *Смех без причины — признак дурачины,* хорошо известной современным носителям языка, так и в других: *Дураку все смешно; Дураку все смех на уме* и т. п. – 7,7%, 12 примеров.

Пословицы и поговорки о смехе содержат дидактические суждения, формулирующие основные нормы поведения людей в житейских ситуациях. Например, активно употребляющаяся и сегодня поговорка *Поспешишь – людей насмешишь* закрепила осуждение спешки в делах.

Грамматические средства объективации смеха в пословицах и поговорках будут рассмотрены в докладе.

А.В.Слюнько (Краснодар)

КУЛИНАРНЫЕ РЕАЛИИ В ТВОРЧЕСТВЕ (НА ОСНОВЕ ПРОИЗВЕДЕНИЯ Ч.ДИККЕНСА «ПОСМЕРТНЫЕ ЗАПИСКИ ПИКВИКСКОГО КЛУБА»).

В последнее время наблюдается заметное увеличение интереса к проблеме перевода реалий, т.к. именно эти слова (словосочетания) являются носителями национального, местного или исторического колорита. Теоретики перевода, такие как: С. Влахов и С.Флорин, Вл. Россельс, Л.Н. Соболев, А.Е. Супрун, А.В. Федоров, Г.В. Чернов и многие другие исследователи данной области, едины в одном: реалии – это слова (и словосочетания), называющие объекты, характерные для жизни (быта, культуры, социального и исторического развития) одного народа и чуждые другому; будучи носителями национального и/или исторического колорита, они, как правило, не имеют точных соответствий (эквивалентов) других языках, а, следовательно, не поддаются переводу на общих основаниях, требуя особого подхода.

Из классификации предложенной Влаховым и Флориным [Влахов С., Флорин С., 1980], мы констатируем, что все реалии можно разделить на четыре основные группы: географические и этнографические реалии, фольклорные и мифологические понятия, бытовые реалии, общественные и исторические реалии. В нашем исследовании мы коснемся бытовых реалий, а именно кулинарных реалий или слов с семантикой пищи и рассмотрим произведение Ч.Диккенса «Посмертные записки Пиквикского клуба»[Dickens Ch. 1993], как наиболее яркий пример жизни и нравов людей XIX века.

Все наименования блюд и кушаний, упоминающиеся в произведении, можно разделить на 2 группы:

1) продукты и блюда из них, состоящие из знакомых нам ингредиентов, и поэтому не представляющих сложностей при переводе. Например,

broiled fowl and mushrooms – жареная птица с грибами, *ham* – ветчина, *lobster salad* – салат из омаров, *cold beef* – холодная говядина, *pickled salmon* – маринованная лосось, *mustard* – горчица, и т.д.

2) реалии, слова требующие пояснений со стороны переводчика, т.к. относятся именно к данной культуре, к данному этносу, и не имеют аналогов в других языках. Например, *ale* – эль, *pie* – пирог, *porter* – портер, *sherry* – херес, *negus* – портвейн, *Hollands* – джин, *toddy* – тодди, *Abernethy biscuit* – Эбернетневский бисквит и т.д. Такой перевод нам дают А.В. Кривцова и Е. Ланн [Диккенс Ч.,1981].

При переводе данных реалий были использованы следующие методы:

1. транслитерация (*punch* – пунш, *ale* – эль, *porter* – портер, *rum* – ром, *Abernethy biscuit* – Эбернетневский бисквит и т.д.);

2. транскрипция (*grog* –грог, *whiskey* – виски, *gin* – джин, *brandy* – бренди, *toddy* – тодди, *sandwich* – сэндвич и т.д.);

3. приблизительный перевод (*pie* – пирог, *ale* – пиво, *muffin* – пышка, *chop* – котлета, crumpets – оладьи, *broth* – бульон, toast – гренка, *negus* – портвейн и т.д.);

4. описательный перевод (*bishop* – подслащенный портвейн с лимоном, *bacon* – копченая свиная грудинка);

5. калька (*soda-water* – содовая вода, gingerbread cake – имбирный пряник и т.д.); подробнее о методах [Томахин Г.Д., 1988].

Опираясь на наши наблюдения можно констатировать следующее: все анализируемые нами лексические единицы (именно 2-ой группы) являются реалиями. Во-первых, это слова, характерные для быта (прием и приготовление пищи) определенного народа (английского), они чужды русской языковой личности. Во-вторых, у них нет аналогов в других языках, они относятся к безэквивалентной лексике, чему свидетельствуют разнообразные методы, используемые при переводе. В-третьих, все примеры взяты нами из художественного произведения, где они выполняют множество функций. А именно передача местного и временного колорита, национального характера и т.д. Исходя из вышесказанного, можно говорить о кулинарных реалиях как об особом классе слов, использующихся в литературе.

Соискательница А.В. Терпелец (Армавир)

СПЕЦИФИКА ПРЕДСТАВЛЕНИЯ СОЦИАЛЬНЫХ НОРМ В МОЛОДЕЖНОМ ЯЗЫКЕ

Разнообразные нормативные системы, регулирующие поведение человека, обеспечивают в своей совокупности стабильное функционирование социума. Наиболее важными из них признаются право, мораль, религия, ритуал и этикет, традиции и обычаи, политические и эстетические взгляды (Н.Д.Арутюнова 2000: 57).

Наличие текстового закрепления является одним из отличительных признаков нормативных систем.

Молодежный язык регулируется нормами, которые не имеют, как правило, письменной кодификации, живут в сознании его носителей.

Влияние референтной группы на поведение индивида, на систему разделяемых им оценок и ценностей, на особенности речи важно и значимо. «За немногими исключениями человек рассматривает мир с точки зрения, которая разделяется людьми, непосредственно его окружающими. Стандарты первичной группы ощущаются сильнее, если благодаря конъюнктивным (объединительным) чувствам социальная дистанция между членами группы сокращается… Трудно нарушить ожидания тех, с кем человек себя объединяет, ибо понимание их огорчения вызывает острое чувство вины. Чем привлекательнее группа для ее участников, тем выше давление, обеспечивающее единообразие поступков и мнений» (Т.Шибутани 1969: 45).

«Наиболее широкие синонимические ряды формируются с нарушениями предписаний общепринятой морали» (А.Д.Швейцер 1983: 182), так в общем можно было бы охарактеризовать лексикон молодых людей на данном этапе развития общества. Состав молодежного языка отражает опасный, тревожный факт распространения наркомании: десятки слов и выражений свидетельствуют об этом. Синонимические ряды, связанные с понятиями «алкоголь», «курение», «секс», «драка», «проституция», «обман», «деньги», являются достаточно объемными как в русском, так и в немецком молодежном языке.

На смену добродушным и непрактичным пацифистам-хиппи 80-х годов приходит новое поколение молодежи, более жесткое, прагматичное, готовое к конкуренции и имеющее чёткую установку – любой ценой преуспеть в жизни. Отсюда пополнение молодежного языка лексикой таких тематических группировок, как «торговля, коммерция», «рэкет», «проституция» и т.д., хотя и «вечные» темы: учёба, музыка, мода и другие – остаются по-прежнему актуальными.

Аспирантка И.А.Тропина (Ростов-на-Дону)

НАРЕЧИЯ-ИННОВАЦИИ В ЯЗЫКЕ МЕДИАЛЬНЫХ СРЕДСТВ: ФУНКЦИОНАЛЬНЫЙ И СТИЛИСТИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ

Газетный язык изобилует стилевыми окказионализмами. «Стилевые окказионализмы – это не освоенные литературным языком термины и внелитературные слова, если они нерегулярно воспроизводятся в газетных жанрах и сохраняют оттенок свежести» [Е.К.Чиркова 1974: 132]. Стилевые окказионализмы перемещаются в данный стиль узуса из других подсистем национального языка – из терминологических систем, из социальных и территориальных диалектов.

«Последовательные и всеохватывающие стилистические смешения, как часть общего стремления выходить за пределы норм литературного языка, – типичнейшая черта газетного языка. Важнейшим фактором этого

процесса выступает “жажда выразительности”, постоянный, вытекающий из сущности газеты как средства массовой коммуникации поиск экспрессии» [В.Г. Костомаров 1967: 32].

Новый стилистический вкус сказывается в интересе к жаргону, просторечию, разговорным интонациям: **за бесплатно, западло, не слабо.** Жажда свежей экспрессии наблюдается в оценочных словах: **классно, здоровски, супер, суперски, коктейльно, кайфно, клево, нормалек, офигенно, офигительно, фиолетово, точняк** и др. Перечисленные наречия-инновации являются экспрессивными синонимами к узуальным словам: хорошо, отлично, безразлично, точно.

Часто нарушается привычная словосочетаемость. Сочетание стилистически не сочетающихся элементов – сильный способ достижения экспрессии: **сидеть вприпрыжку, шутит манерно и флегматично, будет сладко и с подарками, приключайся по-вкусному, жутко смешно**. Подобные языковые нарушения вводятся в текст, акцентируются в нем, являются его эмоциональным центром. Ошибки часто связаны со словами, которые тем или иным способом говорят о мере или степени какого-то признака: **очень решающий матч, абсолютно молодые девушки, абсолютно зеленый коктейль, абсолютно любые светильники, почти совсем бесплатно.**

Наречия-инновации в газетно-публицистическом стиле выполняют экспрессивную функцию. Их употребление вызвано потребностью в новых эмоционально-экспрессивных обозначениях известных явлений, в выражении субъективного отношения к тому, о чем идет речь. Стремление нарушить языковой автоматизм приводит к появлению экспрессивных синонимов к узуальным словам, к непривычной словосочетаемости.

Докт. филол. наук И.В. Труфанова (Москва)

РИТОРИЧЕСКИЕ ФИГУРЫ И РЕАЛИЗАЦИЯ ПРИНЦИПА ПОЛЛИАННЫ

Один из принципов эффективного общения – принцип Поллианны – пришел в прагматику со страниц художественной литературы: в повести Э.Портер «Поллианна» (Э.Портер 2004) рассказана история девочки (ее имя вынесено в заглавие), которую отец научил игре, состоящей в отыскивании в любой, даже самой печальной ситуации хорошего и радостного. Ты хочешь в подарок куклу, тебе принесли костыли, порадуйся, что ты здорова и костыли тебе не нужны. После аварии ты прикована к постели, порадуйся, что когда-то ты могла ходить, что у тебя здоровы руки и ими ты можешь сделать много полезных и приятных вещей для других.

В прагматике принцип Поллианны формулируется как требование строить общение в оптимистическом ключе.

А.П.Сковородников выделил лингвоэтологические риторические фигуры, существенным признаком которых является намеренное нарушение правил речевого поведения, к последним исследователь относит максимы

и постулаты принципов эффективного общения: принципа кооперации Г.П.Грайса, принципа вежливости Дж.Лича, принципа интереса и принципа Поллианны (А.П.Сковородников 2002). Для каждого из названных четырех видов мы предложили родовые термины, поскольку внутри первых двух групп риторических фигур существует видовая дифференциация (И.В.Труфанова 2003; И.В.Труфанова 2004_1; И.В.Труфанова 2004_2).

Как правило, риторические фигуры и тропы квалифицируются как нарушение какого-либо вида норм. В.П.Москвин (В.П.Москвин 2000) полагает, что они могут быть не только нарушением какого-либо качества хорошей речи, но и средством его достижения.

Мы решили посмотреть, можно ли в справочниках найти риторические фигуры, связанные с принципом Поллианны, не является ли наше терминотворчество повторением давно проделанной работы.

В словарях риторических фигур В.П.Москвина (В.П.Москвин 2004) и Т.Г.Хазагерова, Л.С.Ширина (Т.Г.Хазагеров, Л.С.Ширина 1999) мы нашли пять риторических фигур: адмирация, антанагога, компробация, консоляция, эвхаристия, представляющих собой реализацию принципа Поллианны, и одну риторическую фигуру: кверимония, которая заключает в себе нарушение данного принципа.

Ю.М.Скребнев (Ю.М.Скребнев 1975) высказывал сомнение, что риторических фигур и тропов в самом деле столько, сколько терминов существует для их обозначения. Многие термины, по его мнению, дублируют друг друга или являются синонимами. О том, что традиционные типологии риторических фигур бессистемны, построены с нарушением единства основания деления, писали и другие исследователи. Насколько справедлив этот упрек относительно риторических фигур, связанных с принципом Поллианны?

Консоляция и компробация относятся к плану будущего, это восхваление того, что еще должно только случиться, произойти, если слушающий приложит к этому некоторые усилия. Эвхаристия – восхваление прошлого. Адмирация и антанагога связаны с планом настоящего.

Фигуры эвхаристии, компробации, консоляции, адмирации, антанагоги дифференцируются также по тематическому признаку: посредством их восхваляются разные объекты, и по адресату: эвхаристия – это благодарность судьбе; компробация – предварительная похвала решению, которое еще не принято, адмирация – восхищение людьми, предметами, консоляция – призыв к твердости, антанагога – похвала качеству небезупречных лиц, предметов и ситуаций – адресованы конкретному собеседнику в ситуации непосредственного контакта.

Антанагога (*компенсация, рекомпенсация)* – неспециально охарактеризованная фигура мысли, связанная с уравновешиванием неблагоприятного аргумента или возможного возражения благоприятным.

Хоть человек он неизвестный, / Но уж, конечно, малый честный (Пушкин).

Адмирация (*таумасмус)* – восхищенная, удивленная, приподнятая речь.

И что за народище мы вырастили за двадцать лет! Сгусток человеческой красоты! (Шолохов) Нет, ты только посмотри, Валя, что это за чудо! Прелесть! Точно изваяние … Ведь она [водяная лилия] не мраморная, не алебастровая, а живая, но какая холодная! И какая тонкая, нежная работа – человеческие руки никогда бы так не сделали … (Фадеев).

Консоляция (*парамития*) – неспециально охарактеризованная фигура, состоящая в ободрении, утешении; призыв к твердости.

Я одну политбеседу повторял: / Не унывай. Не зарвемся, так прорвемся. / Будем живы – не помрем. / Срок придет, назад вернемся. / Что отдали – все вернем (Твардовский).

Эвхаристия – неспециально охарактеризованная фигура, в античной риторике обычно связанная с благодарностью судьбе.

…За то, что сражаться на ней мне завещано, / Что русская мать нас на свет родила, / Что, в бой провожая нас, русская женщина / По-русски три раза меня обняла (Симонов).

Компробация – предварительное одобрение и похвала справедливому решению, которое на самом деле еще не принято.

Кверимония – экспрессивно выраженная жалоба, состоящая в упреках Богу, богам, властям.

Как били, так не больно было с молитвою тою, а лежа на ум взбрело: за что ты, сыне божий, попустил меня ему таково больно бить? .. ведь за вдовы твои стали! Кто дает судию между мною и тобою? Когда воровал, и ты меня так не оскорблял, а ныне не вем, что согрешил! (Аввакум).

Риторические фигуры адмирации, антанагоги, консоляции и компробации, поскольку они требуют непосредственного адресата, по совместительству служат средствами реализации максимы принципа вежливости.

Адмирация, консоляция и компробация позволяют соблюсти максиму одобрения; эта максима принципа вежливости на теоретическом уровне недостаточно четко отграничена от принципа Поллианны (см.: Е.В.Клюев 2002); трудно отделаться от мысли, что в том и другом случае речь идет, по существу, об одном и том же.

Антанагога обеспечивает соблюдение максимы согласия.

Таким образом, только эвхаристия и кверимония являются первая средством реализации лишь принципа Поллианны, а вторая его нарушением. Родовой термин для обозначения данных риторических фигур, ранее предложенный нами, нужен. Необходимо сделать и еще один вывод: принцип Поллианны – это принцип эффективного общения с самим собой, в ситуации внутренней речи, которая может быть озвучена и в присутствии реального собеседника.

Аспирант А.В.Федосеева (Ростов-на-Дону)

ПОЛИТИЧЕСКИЕ АББРЕВИАТУРЫ КАК ОБЪЕКТ ЯЗЫКОВОЙ ИГРЫ

Цель нашего исследования – определить особенности природы языковой игры в аббревиации, ее масштабы, ее обоснованность в разные политические периоды в истории России XX века – в эпоху СССР, перестройки, современной России. Языковые явления стоит рассматривать через призму внеязыковых факторов, в частности политических, тесно связанных с экономическими, социальными, поэтому интересно проследить, как в эти эпохи сочетались «официальность», строгость, понятность политических аббревиатур и их обыгрывание, пародирование в устах народа.

В русском языке аббревиация стала особенно активной после Октябрьской революции 1917 года. Люди перестали обращать внимание на аббревиатуры – образцы официозной тупости и канцелярита типа **РОСГЛАВТОТРАКТОРСНАБСБЫТ**. Возникали такие образцы фантазии, как ***ГУСКА*** *– Главное Управление Связи Красной Армии* и пр. Официальные аббревиатуры стали подвергаться с момента своего возникновения передразниванию и пародированию в народе: ***ВЧК*** *– Всякому Человеку Конец;* ***КПСС –*** *Комитет По Спасению Сусликов.*

Перестройка обогатила язык новыми «государственными» аббревиатурами типа **ГАЗПРОМ, МММ.** Неблагозвучные, нелепые образования не уходят вслед за коммунистической идеологией. Однако в эпоху перестройки игровая стихия выходит «из подполья» и становится достоянием гласности. Новым реалиям давалось свое толкование, люди понимали суть нового гособразования: ***СНГ*** *– Спаси Нас, Господи*! Именно тогда в языке появилась тенденция к обыгрыванию имени политического деятеля: ***БН, БеНя*** *– Борис Николаевич Ельцин.*

Сегодняшний день в политике, экономике, культуре России дает новый толчок к языковому творчеству: ***ВВП*** *(Владимир Владимирович Путин)* или ***БАБ*** *(Борис Абрамович Березовский)* – в этих номинациях ярко проявилась мощная на сегодня тенденция к антропоцентризму. Известны и другие обозначения современных политических веяний: ***ГАД*** *– Глава Администрации Президента,* ***ПРО*** *– Противороссийская оборона* и пр.

Итак, в советскую эпоху строгости цензуры, эпоху особого мировосприятия в контексте тоталитарного общества языковая игра была явлением безусловно закулисным. Демократизация и гласность новой политической обстановки со времен перестройки сыграли свою роль в изменении ситуации – мы наблюдаем более широкое использование языковой игры, вольность, «вседозволенность» в оценке власти и общего социально-экономического положения в России. Почему всегда существовал этот прецедент «власть – пародирование власти»? Ответ скрывается в менталитете русского народа, в неких социокультурных моментах. «Народ против государства» – уже сложившийся стереотип. Народ – это одно, а власть, государственный аппарат – другое, резко противопоставленное, враждебное. Отсюда и идет противопоставление чуждого официоза и некой воль-

ной, справедливой, высмеивающей власть стихии народного «творчества». «Официальные» советские политические аббревиатуры и новые российские аббревиатуры пародировались и пародируются, что позволяет говорить об определенной национально-культурной подоплеке этого явления. Только для языковой игры каждой эпохи основой для обыгрывания служат свои реалии и свои герои.

Докт. филол. наук В.И.Шаховский (Волгоград)

ЭМОЦИИ ВО ЛЖИ

У нас пристрастие к словам –
Совсем не прихоть и не мания;
Слова необходимы нам
Для ***лжи взаимопонимания.***
(И.Губерман)

Исследование ряда теоретических работ по лингвистике лжи и собственный эмпирический материал, включающий факты реальной и художественной коммуникации, позволяют утверждать, что вербальная ложь жизненно важна и всегда эмоциональна (явно или скрыто), т.к. базируется на эмоциях человека лгущего – homo mentiens (fallens), как минимум на эмоции определенного интереса (термин впервые вводится в научный обиход, поэтому дается в двух вариантах, взаимодополняющих латинскую номинацию человека лгущего/врущего).

Наблюдения за лживыми РА в *реальной* и в *художественной* коммуникации же показывают, что эмоции накладывают свой отпечаток на все результаты человеческой деятельности, в т.ч. и на вербальную. Они могут быть не только естественно выражены, но и сымитированы, симулированы, подделаны. Это искусственное, а значит, ложное выражение эмоций, несомненно, возможно, т.к. все физиологические и лингвистические параметры эмоций внутри данной лингвокультуры для всех пользователей (а)вербального языка кодированы однозначно.

Как отмечается психолингвистами, эмоции «натянуты» на многомерный и многовековой опыт человека, в т.ч. и на его опыт лжи, а этот опыт в разных лингвокультурах различен. Так, утаивание правды о своих эмоциях, особенно нежелательных для «обнародования», является этической нормой для многих народов (в т.ч. и для русских, и для англичан). Но искусственное превращение внутренних негативных переживаний во внешние положительные (горе в радость) при их овнешнении является особым видом этнически узаконенной лжи, превращенной в национальную традицию: социальная улыбка американцев и англичан, улыбка японцев на похоронах, веселые похороны испанцев и т.п.

Эмоции и ложь в разных культурах переплетаются довольно причудливо. Если у американцев и у англичан улыбка в большинстве случаев неискренна, то это – общеизвестный факт, и его можно учитывать как во внутренней, так и в межкультурной коммуникации. Т.В.Ларина доско-

нально, во всех категориальных ситуациях интеракционального общения англичан изучила все функции их улыбки и пришла к выводу, что главная из них – эмотивная (т.е. намеренно демонстрирующая формальные эмоции, это так называемая социальная улыбка).

По экспрессивности своего речевого поведения современные англичане значительно превосходят русскую языковую личность (ср. противоположное мнение [А.Вежбицкая: 1996]). Это проявляется в гиперболизированной оценочности, коммуникативном оптимизме, коммуникативной неформальности, повышенной эмотивности, коммуникативной косвенности (уклончивости), субъективности [Ларина: 257].

То, что скрываемые и языком, и телом говорящего его эмоциональные переживания способны наводиться и на наблюдателя, известно из шахматных турниров: шахматисты сидят спокойно, хотя внутри них кипят страсти, и эта их энергия индуцирует аффекты у зрителей. Культурная норма обязывает шахматистов скрывать свои эмоции. Возникает вопрос: как же происходит их трансляция на аудиторию? Видимо, это происходит на уровне биоэнергетики – одной из форм Body language (помимо кинесики, фонации, просодии, жестики).

Именно кодированностью объясняется и энергетика поддельных (лживых) эмоций: все закодированные аффективы (вербальные и авербальные) вызывают у коммуникантов одинаковые эмоциональные рефлексы. Поэтому психологи и говорят о направленном моделировании эмоций реципиентов со стороны продуцента сообщения и возможности воспитания культуры эмоций (их проявлений). Ложь, действительно, может моделировать эмоциональное поведение партнера по коммуникации в направлении, нужном для отправителя (продуцента) лживых высказываний. Это особенно относится к лести, которая всегда является определенным образом структурированной ложью. Лесть как ложь для всех, в т.ч. и для власть предержащих, всегда сладка, и потому власть особенно ценит угодничество и угодников (пособия по карьеризму советуют льстить начальству и властям как можно больше).

Эмоции, в том числе и лживые, воспитываемы: «*Все это великое артикулированное здание эмоционально насыщенной мысли воздвигнуто силой страстей, для которых сооружение этого здания послужило творческим поприщем. Воспитанные внутри этой культуры… усваивают ее, включая свой интеллект в ее структуру и переживая благодаря этому эмоции, которым их учит усвоенная ими культура. В свою очередь они передают эти эмоции следующим поколения, и от того, насколько энергично те их воспринимают, зависит дальнейшее существование всего здания культуры»* (М.Полани).

Человек, прошедший социализацию и инкультурацию, научен скрывать свои эмоции, контролировать их, подчиняться внутренним и общественным правилам культуры эмоций, которые могут противоречить их биологически мотивированной канализации. Однако далеко не всегда человек может скрывать или симулировать (имитировать) некоторые эмоции. На-

пример, такие глубокие эмоции, как ужас, страх, отвращение, испуг скрывать, а значит солгать окружающим просто невозможно.

Трудно скрывать и подделывать (симулировать) эмоции в категориальных ситуациях доминирующего эмотивного тонуса (например, в семейной ссоре). Это трудно, потому что подкорковыми структурами, где находятся корни эмоции, сложно, а иногда и невозможно управлять, т.е. рационализировать эмоции.

Эмотивный радикализм общения препятствует фальсификации эмоций, т.к. сажает рациональность на рефлективный уровень, а это - процесс обратный рационализации эмоций. Поэтому и возникают непреодолимые коммуникативные помехи в стрессовых ситуациях.

Как говорил Тайлеран, слова даны нам, чтобы скрывать свои мысли. Но теперь точно уже известно, что и свои эмоции тоже. Однако Body language разоблачает лживые эмоции очень успешно. Конечно же, настоящие писатели и художники давно осознали, что эмоции руководят всем поведением человека и всеми обстоятельствами. Вот как об этом написал в свое время Л.Н.Толстой в дневнике (запись 25 января 1863 г.): *«Прежде я думал и теперь еще больше убеждаюсь, что в жизни во всех отношениях людских, основа всему работа – драма чувства, а рассуждение – мысль**, не только не руководит чувством и делом, а подделывается под чувство. Даже обстоятельства не руководят чувствами, а чувство руководит обстоятельствами, т.е. делает выбор из тысячи фактов»*** (выделено мною – В.Ш.).

Эмоции продуцента лжи – важнейший структурный компонент дискурсивного предпочтения в жанре лживого речевого акта.

Канд. филол. н. Е.А.Шибанова (Пенза)

ПРОБЛЕМА «СТЕРЕОТИПИЧНОСТЬ – КРЕАТИВНОСТЬ» В РУССКИХ И ФРАНЦУЗСКИХ БРАЧНЫХ ОБЪЯВЛЕНИЯХ

Проблема языковой личности находится в центре внимания лингвистов не случайно. Интерес к этой проблеме обусловлен как чисто лингвистическими, так и прагматическими проблемами. К числу прагматических проблем относится наличие противоречия между творческим характером речевой деятельности и стереотипичностью речевых действий носителя языка. Примером такого конфликта может служить и жанр брачного объявления. Тексты данного жанра, с одной стороны, стереотипны, с другой стороны, они – продукт творчества абонента.

Характеризуя текст, прежде всего, как понятие коммуникативное, ориентированное на выявление специфики определенного рода деятельности, Ю.А.Сорокин определяет текст как «знаковую продукцию, представляющую собой систему визуальных/звуковых сигналов, интерпретируемых реципиентом и образующих у реципиента систему представлений (смыслов)» (Ю.А.Сорокин 1982: 62-63). Сведения, которые могут быть из-

влечены из памяти разными реципиентами при восприятии одного и того же текста, обусловлены в первую очередь их социальным опытом.

Таким образом, успех процесса коммуникации или коммуникативная неудача являются следствием многих причин: социальные роли участников коммуникации, их отношение к речевой ситуации, возрастные особенности и т.д. В том числе, в еще большей степени, прослеживается зависимость от языковой компетенции личности или, другими словами, от качества коммуникации.

В связи с этим на первый план выдвигается категория субъекта, «познающего и действующего человека» (С.И.Ожегов 1984: 675), – «осуществляющего выбор (или отказ от выбора) языковых средств в соответствии со своими осознаваемыми или неосознаваемыми намерениями или производящего оценку выбора этих средств в соответствии со своими осознаваемыми или неосознаваемыми психологическими установками» (А.В.Пузырев 1995: 78).

Брачные объявления представляют собой особый вид лингвокультурных текстов, затрагивающих сферу личной жизни людей. Не оставляет сомнений серьезность намерений тех, кто обращается в службу знакомств. Люди, дающие брачные объявления, ставят перед собой единственную задачу – решить проблему межличностных отношений, проблему одиночества. Будет ли решена данная проблема, получит ли абонент отклик на свое объявление – зависит от ряда обстоятельств, в том числе, и от качества текста брачного объявления.

В ходе анализа объявлений учитывалось влияние на качество текста нескольких факторов: основная функция жанра брачного объявления – привлечь внимание противоположного пола, зависимость текста от автора. Важным, на наш взгляд, является также и то обстоятельство, что тексты брачных объявлений, с одной стороны, должны строиться клишировано, с другой стороны, они должны отражать личность автора. Самопредъявление одиноких людей в свободной форме предполагает большую свободу самовыражения по сравнению со стандартизированной формой опроса.

В ходе сопоставительного анализа нестандартных (эмоциональных) текстов мы выявили основные интенции и средства привлечения внимания реципиента. Приведем наиболее часто встречающиеся примеры.

1. Оригинальны по своей структуре объявления, которые содержат рифму или стих. Наиболее активными в этом плане оказываются жители Пензы (как женщины, так и мужчины):

«А счастье было так возможно.
Природа многое дала:
Таланта, внешности, добра…
Но нет тебя родного рядом,
Как долго я тебя ждала.
Пока лишь вижу сон прекрасный,
Как ты идешь навстречу мне.
Такой любимый, добрый, славный

С охапкою цветов в руке» («Счастливый случай» №26(228), 29.06.00, Пенза).

«Попытайте счастья с милой, нежной дамой. Вроде бы не глупой, но может быть упрямой, счастьем обделенной, но все же в жизнь влюбленной…» («Счастливый случай» №27(237), 8.07.99, Пенза).

«Быть в согласии, любви, помощи друг другу. Твоей дочке буду рада, ты мне будешь как награда, тебя заботой и уютом окружу и любовью награжу». («Счастливый случай» №27(237), 8.07.99,Пенза).

«Хочу тепла и нежности.

Хочу любви и верности.

Не признаю обман и ложь.

Газета! Может ты найдешь

Мужчину непьющего для серьезных отношений» («Счастливый случай» №43(253), 28.10.99, Пенза).

Как видно из приведенных примеров, основной темой для творчества у женщин Пензы является тема любви и счастья. Для мужчин Пензы актуальной остается тема одиночества:

«Я симпатичный, молодой,

Желаю встретиться с тобой.

Подари мне любовь,

Подари мне покой,

Я такой одинокий,

Я хочу быть с тобой» («Счастливый случай» №23(233), 10.06.99, Пенза).

«Познал обман, тоску и слезы. Порою в облаках летал. В моей душе не вянут розы. Как долго я тебя искал» («Счастливый случай» №23(233), 10.06.99, Пенза).

«Орел давно созрел, но без орлицы в гнезде так холодно и не уютно, и снова он один встречает утро» («Счастливый случай» №27(237), 8.07.99, Пенза).

Во французских объявлениях сообщение с целью привлечения внимания реципиента нередко начинается с рифмы. Рифмованные фразы напоминают мудрые высказывания, содержащие некие жизненные принципы или обещания:

«On peut vivre sans richesse, mais pas sans tendresse» («Можно жить без богатства, но нельзя жить без нежности (любви)»).

«Elle a peur de rester seule» («Она боится остаться одна»).

«Faire de chaque jour un grand moment d'amour, de chaque soir un nouvel espoir» («Сделать из каждого дня большую любовь, их каждого вечера – новую надежду»).

«Son destin va croiser votre chemin et elle fera de votre vie une douce mélodie» («Ее судьба пересечет ваш путь, и она превратит вашу жизнь в нежную мелодию»).

Объем текста брачного объявления предполагает избыточную концентрацию лексики на важных для автора моментах. Функция жанра брачного

объявления – привлечь внимание – вызывает у абонента естественное желание «приукрасить» свою речь.

Так, например, абоненты нередко используют в своих сообщениях слова возвышенной стилистической тональности. Употребление возвышенной лексики приводит очень часто к стилистической претенциозности всего текста (Ю.М.Скребнев 1975).

В русских объявлениях:

«Миловидная Золушка 24/164/55 мечтает встретить своего доброго, нежного, щедрого настоящего принца, который превратит ее жизнь в настоящую сказку и воплотит все ее мечты в реальность» («Из первых рук» №3(60), 24.01.00, Москва)

«Джентльмен, архитектор, 40/174/76, симпат., темпер., шатен ищет не домработницу, а самост. Леди-умницу, золушку лет 30, которой будут в пору замок с верным слугой, желанный первенец и чудесная жизнь» («Из первых рук» №240(1844), 9.12.99, Москва).

Во французских объявлениях:

«Dernier survivant des authentiques princes charmants cherche sa Belle au bois dormant» («Последний из очаровательных истинных принцев ищет свою спящую красавицу в лесу») («Le Nouvel Observateur» №1687, 1997).

«Je cherche encore la belle au bois dormant dans la forêt parisienne, si vous êtes la connaissez dites-lui de m'écrire.» («Я еще ищу свою спящую красавицу в парижском лесу, если вы ее знаете, попросите ее мне написать») («Le Nouvel Observateur» №1748, du 7 au 13 mai 1998).

Иногда в текстах употребление слов с разными стилистическими тональностями создает «стилистический конфликт» (Ю.М.Скребнев 1975). Конфликтное смешение слов разных стилистических окрасок создает в целом негативный стилистический результат, стилистическую аномалию, которая нередко порождает комический эффект:

«Симпатичная миниатюрная Золушка 21 года ждет своего порядочного, внимательного Принца не старше 26 лет, без в/п и м/п» («Счастливый случай» №47(257), 25.11.99, Пенза).

«46/180/, в/о, работаю. Я мальчонка и очень, очень стеснительный, решил жениться. Итак, дорогие леди, кто первая напишет, на той и женюсь. До встречи, любимая» («Счастливый случай» №25(183), 25.06.98, Пенза).

3. Брачное объявление имеет определенную интенциональную установку, а именно, адресант стремится оказать соответствующее воздействие на адресата и получить как можно больше откликов на свое сообщение. Поэтому брачные объявления наряду с сообщениями содержат интеррогативы и императивы.

Побудительные предложения сразу привлекают внимание реципиентов и призывают к немедленным действиям:

«Красивый и надежный парень, откликнись! С тобой хочет познакомиться красивая и надежная девушка! Давай построим такие отноше-

ния: дружба (честность) – любовь (верность) – семья (взаимопомощь)» («Счастливый случай» №47(257), 25.11.99, Пенза).

Побуждение – частое явление в брачных объявлениях. Нередко для того, чтобы выразить побуждение, в объявлениях используются не побудительные, а повествовательные предложения:

«Утеряна вера в любовь! Нашедшему просьба вернуть, в качестве вознаграждения – молодой симпатичный парень 21/180» («Счастливый случай» №45 (255), 11.11.99, Пенза).

Во французских объявлениях императивы встречаются также довольно часто:

«**Faisons ensemble une échappée vers des jours meilleurs.** Rencontrez-la vite. Très soignée, douce, tolérante, accompagnez-la dans sa vie très riche, vous, tendre, cultivé, respectueux. 57ans. Veuve» («Le Pub Rennes», 18.12.97, Rennes).

В русских и французских брачных объявлениях абоненты используют вопросительные предложения в функции так называемых риторических вопросов, не требующих ответа.

«Вы готовы принять и дарить любовь, мирно создавать и решать сем. проблемы? Поним. друг, нежн. любовница, возм. жена. 28/174/63, почти ЗОЖ. Вы – увер.,с ч/ю, мин в/п и проблем. Откроем друг другу красоту души и тела, мыслей и чувств?» («Из рук в руки» №243(1334), 12.12.97, Москва).

Во французских брачных объявлениях риторические вопросы – еще более частое явление, чем в русских:

«Comment faire quand on est ni riche, ni belle pour attirer le regard des hommes? Il faut d'abord ouvrir l'emballage pour découvrir les richesses intérieures, c'est comme pour les cadeaux, qui sera assez curieux pour ressayer?» («J'annonce» №494,28.01.99, Paris).

Для русских и французских объявлений характерным является одновременное употребление интеррогативов и императивов.

В русских объявлениях:

«Где ты, мое заплутавшее счастье – одинокий мужчина средних лет? Отзовись» («Счастливый случай» №23 (233), 1.04.99, Пенза).

«33/168/60. Все есть, кроме счастья любить и быть любимой. Где тот мужчина, которому нужна хозяйка, заботливая жена? Ответьте.» («Счастливый случай» №21(231), 27.05.99, Пенза).

Во французских объявлениях:

«54 ans de la reg., div., nature calme et grand coeur, vraiment attachant, Emile n'a qu'une idée en tête: en finir avec la solitude, il a trop besoin de donner et de partager. Vous aussi? Vous êtes de 47 à 54 ans, alors pourquoi hésiter, faites le numéro qui vous met du soleil dans la vie» («Le Pub Rennes», 8.12.97, Rennes).

Как видно из представленного материала, в брачных объявлениях встречаются все синтаксические типы предложений: повествовательные, побудительные и вопросительные. Но в тоже время, если побудительные

предложения выражают подлинное побуждение (т.е. абонент ожидает реакцию/отклик на свое сообщение), то вопросительные на самом деле выступают в роли метатекстовых сообщений, содержащих какую-либо информацию для реципиента (Т.В.Булыгина, А.Д.Шмелев 1997; А.Вежбицкая 1978).

Учитывая вышеизложенные факторы, мы констатируем тот факт, что не существует строгих правил для составления брачных сообщений. Так, среди объявлений с одним и тем же коммуникативным замыслом наряду со стереотипными или «шаблонными» объявлениями можно встретить оригинальные объявления, отличные от других, как по содержанию, так и по структуре.

Цитируемая литература:

Булыгина Т.В., Шмелев А.Д. Языковая концептуализация мира: (на материале русской грамматики). – М.: Школа "Языки русской культуры", 1997. – 576 с.

Вежбицкая А. Метатекст в тексте // Новое в зарубежной лингвистике. – Вып. 8. – М.: Прогресс, 1978.

Ожегов С.И. Словарь русского языка: Ок. 57 000 слов / Под ред. чл.-корр. АН СССР Н.Ю. Шведовой. – 20-е изд., стереотип. – М.: Рус. яз., 1984. – 750 с.

Пузырев А.В. Анаграммы как явление языка: Опыт системного осмысления. – М.; Пенза: Институт языкознания РАН; ПГПУ им. В.Г. Белинского, 1995. – 378 с.

Скребнев Ю.М. Очерк теории стилистики: Учебное пособие для студентов и аспирантов филологических специальностей. – Горький: ГГПИИЯ, 1975. – 175 с.

Сорокин Ю.А. Психолингвистические аспекты изучения текста. – М.: Наука, 1982. – 150 с.

Аспирантка А.А. Шиповская (Тамбов)

ФРЕЙМОВЫЙ ПОДХОД К ПРОБЛЕМЕ ОРГАНИЗАЦИИ КОНЦЕПТОВ С ПРИЗНАКОМ «ЧЕЛОВЕК, ИМЕЮЩИЙ ОТНОШЕНИЕ К СФЕРЕ КОМПЬЮТЕРНЫХ ТЕХНОЛОГИЙ» (НА МАТЕРИАЛЕ АНГЛОЯЗЫЧНОГО СЕТЕВОГО ЖАРГОНА)

В семантике существительных, являющихся наименованием лица в сетевом жаргоне, можно выделить один общий признак: «человек, имеющий отношение к сфере компьютерных технологий». На этом основании можно заключить, что концепты, закрепленные за данными существительными, соотносятся с единой ментальной сферой, репрезентируемой системой фреймов.

Под фреймом, в данном случае, мы понимаем концептуальную структуру для декларативного, реже процедурного представления знаний о

типизированной ситуации или типичных свойствах объекта [Англо-русский словарь по лингвистике и семиотике. Т. 1, 1996: 231].

Типичные признаки фреймов данной системы обладают различной степенью репрезентативности, что позволяет говорить об определенной иерархии фреймов внутри системы. Так, концептуальные компоненты равнозначных фреймов верхнего уровня haker, cracker, user, suit, mundane, programmer, bob являются строительным материалом фреймов нижнего уровня, обладающих помимо указанных компонентов также своими собственными. На этом основании, можно сделать вывод о древовидной структуре системы фреймов с признаком «человек, имеющий отношение к сфере компьютерных отношений», репрезентируемых сетевым жаргоном.

В этой связи существенно отметить взаимосвязь и взаимопроникновение фреймов как один из основных факторов, оказывающих непосредственное влияние на структуру данной системы фреймов, как внутри системы фреймов, в виде *межфреймов* нижнего уровня, включающих в свою структуру концептуальные компоненты двух фреймов верхнего уровня, так и вне системы фреймов, в виде *влияния значимых культурных концептов* на организацию системы фреймов в целом.

Канд. филол. наук И.Ф.Шувалов (Пенза)

ГЛАГОЛЬНЫЕ НОВООБРАЗОВАНИЯ В ЯЗЫКЕ ГАЗЕТ

Глагольные новообразования, по сравнению с именами существительными, в языке современных газет – явление немногочисленное. Но они встречаются, особенно в центральных СМИ, и вызывают определенный интерес. Как правило, это сами глаголы (в их всевозможных формах), причастия и очень редко деепричастия. Обратим внимание только на тот материал (производящие основы), который служит базой для таких новообразований.

1. Многочисленными являются образования от известных личных имен, фамилий, географических и других названий, находящихся на слуху и являющихся предметом политических, околокультурных, бытовых и каких-либо других обсуждений: *озюганить* (Зюганов), *зашандыбить* (Шандыбин), *зацекалить* (Цекало), *кидмануть* (Николь Кидман), *кентануться* (папиросы «Кент»), *ибсенуться* (Ибсен) и др.

– Не надо тузлиться! (от острова Тузла в Керченском проливе). – Это все равно что посоветовать японцам перестать кунашириться, шикотаниться и итурупиться (от названий островов Кунашир, Шикотан и Итуруп) (АиФ, № 4, 2000).

2. Образования от конкретных существительных (в основном иноязычного происхождения) со значением процесса, длительного действия, результата действия и т.д.: *эскадронить* (эскадрон), *раздевичивать* (девица), *мормышить* (мормышка), *капитанствовать* (капитан), *бомжевать* (бомж), *гендиректорствовать* (гендиректор), *огенсечить* (генсек), *отчастушничать* (частушка).

…в середине августа тут сезон пик: пляжится и курортится свыше ста тысяч человек (АиФ, № 32, 2004).

3. Образования от существительных-жаргонизмов или от слов, одно из значений которых имеет жаргонный, профессиональный или сниженный характер: *крышевать* (крыша), *отрэповать* (рэп), *звездить* (звезда), *отфанерить* (фанера), *путанить* (путана), *челночить* (челнок).

Околооперную звезду «пиарили» с нечеловеческой активностью (АиФ, № 52, 2001); Валерия перестанет «бомжевать» (АиФ, № 45, 2003).

4. Образования от абстрактных существительных: *пафосничать* (пафос), *волеизъявиться* (волеизъявление), *импичментствовать* (импичмент).

Глобализация – это не только финансовые рынки… Глобализируются и правосудие, и мораль (Новая газета – Мир людей, № 12, 2003).

5. Образования от прилагательных: *засерьезнуть* (серьезный), а*нтинародничать* (антинародный), *поплохеть* (плохой).

6. Образования от сочетаний слов (единичные): *напервомаяться* (Первое мая).

7. Образования от глаголов: *скуриться* (курить), *наотдыхать* (отдыхать), *отоппозиционировать* (оппозиционировать), *мечется* (мечет).

Где же на Украине «мечется» красная рыба? (АиФ, № 43, 2004).

Новообразования-причастия, отглагольные прилагательные и деепричастия могут отличаться от других глагольных форм тем, что производящей основой некоторых из них могут выступать глаголы, которые как таковые возможны, но нам не встретились (или не употребляются даже как окказионализмы): *обглюченный* (глюки, обглючить), *пропопсевший* (попса, пропопсеть), *олауреченный* (лауреат, олауреатить), *шопингующий* (шопинг, шопинговать).

Не американизируясь, не европеизируясь… должны усиливать, развивать то, чего достигли мы за ушедший век (Новая газета, № 32, 2004).

Абсолютное большинство глагольных новообразований носит ярко выраженный окказиональный характер. Все они имеют эмоционально-экспрессивную окраску, оживляют текст, привлекая к нему повышенное внимание, т.к. создают иногда каламбурный эффект, напр.: (*ЦИКнуть (от ЦИК)* – обратиться в центральную избирательную комиссию; *Надо срочно закалиниться* – запастись калиной) или являются средством создания иронии, юмора и сатиры (*Расчубайсили Россию, загайдарили бюджет… Горбачёкнулась Россия, ельцинулся наш народ* (*АиФ, № 19, 1998*).

ЭСТЕТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ ЯЗЫКА И МЫШЛЕНИЯ

Канд. филол. наук О.В. Арзямова (Воронеж)

ИНДИВИДУАЛЬНО-АВТОРСКИЙ КОНЦЕПТ «ЛЮБОВЬ» И ЕГО СМЫСЛОВЫЕ СОСТАВЛЯЮЩИЕ В ПОЭТИЧЕСКОМ ТВОРЧЕСТВЕ В.С. ВЫСОЦКОГО

Художественный концепт представляет собой определённую мыслительную сущность, формирующуюся в сознании писателя или поэта на основе его опыта, знаний о действительности, конкретных чувств, образных представлений, художественных образов и репрезентирующихся языковыми средствами [Попова, Стернин 1999: 4].

Мы будем исходить также из того, что концепты многокомпонентны и представляют собой ментальную сущность, в основе которой лежат представления, понятия, ассоциации, имеющие в своей структуре ядро и периферию.

Как показал анализ, в идиостиле В.С.Высоцкого концепт «любовь» представляет собой сложную смысловую структуру, формирующуюся в сознании поэта следующими концептуальными слоями (признаками).

Во-первых, любовь в стихотворениях В.С. Высоцкого, – это **чувство глубоко личное, живое и подлинное**, хотя в силу различных реальных жизненных причин, как правило, тронутое или напрямую связанное с **печалью страдания** («Мне каждый вечер зажигает свечи...»; «Здесь лапы у елей дрожат на ветру...»; «Баллада о Любви»; «И снизу лёд и сверху – маюсь между...» и др.).

Во-вторых, любовь – это состояние **сильного физического влечения**, часто приземлённое, обытовлённое, «низкое». («Тот, кто раньше с нею был»; «Катерина, Катя, Катерина»; «Сегодня я с большой охотою...»; «Наводчица»; «О нашей встрече», «Я был слесарь шестого разряда» и др.).

В-третьих, особую форму проявления любви составляет «любовь-шутовство»; «любовь-клоунада», восходящая своими корнями к карнавально-смеховой культуре («Про любовь в каменном веке»; «Про любовь в средние века»; «Про любовь в эпоху Возрождения»; «Здравствуй, Коля, милый мой, друг мой ненаглядный!»; «В желтой жаркой Африке...» и др.).

В-четвёртых, отдельный смысловой план составляет восприятие любви как «**чувства глубокой и искренной привязанности к родине, родной земле, друзьям»**. Названный смысловой признак неслучайно функционирует в двух эпастасиях: как чувство любви к Родине (родной земле) и как чувство любви к друзьям. Оба варианта обнаруживают тесную взаимосвязь, включая в свою семантическую структуру общий компонент «**сильное чувство, несущее страдание и муку**».

Пятый смысловой план концепта «любовь» – «**постоянная, сильная склонность, увлечённость поэтическим творчеством**» – в идиостиле

В.С.Высоцкого встречается не так часто, и, как правило, он является имплицитно выраженным. Одним из наиболее важных семантических компонентов исследуемого смыслового плана концепта «любовь» в творчестве В.С. Высоцкого является «**глубокое, духовное, личное чувство**».

Индивидуально-авторский концепт «любовь» в поэтическом творчестве В.С.Высоцкого репрезентируется совокупностью всех его поэтических текстов. Эксплицирование данного концепта предполагает также описание концептуальных слоёв – своеобразных ментальных образований, содержащих свёрнутую универсальную информацию, которая в конкретных текстах семантизируется и обогащается индивидуально-авторскими смыслами.

Докт. филол. наук В.Н.Базылев (Москва)

МОДЕЛИРОВАНИЕ ВОСПРИЯТИЯ ПЬЕСЫ ДРАМАТУРГОМ

Любой драматург остро переживает «смерть автора» в собственном тексте: ему остаются только косвенные формы выражения собственного мироощущения – композиция, развязка, если она содержит в себе наказание или воздаяние, т.е. откровенный авторский приговор героям, наконец, жанр и, разумеется, заглавие – все то, что свойственно любому словесному произведению вне зависимости от родовой принадлежности текста. Следовательно, подлинное лицо автора-драматурга опознается только в соединении паратекста (автор в ремарках), метатекста (автор как персонаж) и самого текста, где авторское начало проявляется ярче и откровеннее всего именно в нарушениях классического жанрового канона.

Сформулированный выше тезис я хочу обосновать и прокомментировать на материале гоголевского «Ревизора».

Н.В.Гоголь – и это одна из великих новаций в истории театра – выявил особые эстетические возможности сведения текста и паратекста в единое эстетическое целое. Так, очевиден принцип иронии, проявляющийся на разных уровнях (речевом, персонажном, сюжетном и т.д.), но заложен он уже в столкновении точек зрения автора (паратекст) и персонажей (текст). В «Замечаниях для господ актеров» к «Ревизору» читаем о Хлестакове: «… молодой человек, лет 23-х, тоненький, худенький; несколько приглуповат и, как говорят, без царя в голове. Один из тех людей, которых в канцеляриях называют пустейшими. Говорит и действует без всякого соображения. Он не в состоянии остановить постоянного внимания на какой-нибудь мысли. Речь его отрывиста, и слова вылетают из уст его совершенно неожиданно». Внутритекстовое восприятие Хлестакова совершенно иное: «такой наблюдательный, все обсмотрел» (Бобчинский); «тонкая штука» (Городничий); «невзрачный, низенький» (Городничий); «важная персона», «сам генералиссимус» (Бобчинский и Добчинский); «образованный, светский, высшего тона человек» (Анна Андреевна); он внушает робость и страх («Городничий и прочие трясутся от страха»). Мы видим ироническое несоответствие между авторским взглядом на героя и восприяти-

ем его другими персонажами. Если мы попробуем свести воедино некоторые характеристики Хлестакова, то обнаружим логико-психологическую несовместимость, которая так характерна в целом для театра абсурда XX века. Уже эпиграф, столь нехарактерный для драматического произведения, свидетельствует о стремлении драматурга смоделировать восприятие своей пьесы. «На зеркало неча пенять, коли рожа крива» – это то, что раздвигает границы конфликта, вовлекая в него «весь мир», «все христианство», иначе говоря, тех, кто сидел в зрительном зале во время премьеры этой необычной комедии, да и тех, кто сидел в нем сто лет спустя, и тех, кто сидит сейчас, тоже. Это комедия и про нас, живущих в той России, которую пытался разглядеть великий писатель из своего «чудного, прекрасного далека».

Асп. И.В.Бурментьева (Пенза)

РЕЧЕВОЕ ВЫРАЖЕНИЕ ЯЗЫКОВЫХ СУБЛИЧНОСТЕЙ В ПЬЕСЕ А.Н.ОСТРОВСКОГО «БЕСПРИДАННИЦА»

В центре внимания данной статьи – общее представление о языковой субличности, речевое выражение выражение языковых субличностей в пьесе А.Н.Островского «Бесприданница».

Прежде чем обратиться к понятию языковой субличности, выясним, что представляет собой субличность в психологии.

Психологи конца 20 – начала 21 века признают множественное строение личности. Целостность и единство человеческой личности создается общностью особых структур, называемых в психологии субличностями.

В психологии даются различные определения субличности. Так, Джон Рэван дает следующее определение: «…субличность – полупостоянная и полуавтономная область личности, которая может действовать как личность» (цит. по М.Руффлер 1998: 102). Вирджиния Сатир называет субличности «множеством моих лиц» (цит. по М.Руффлер 1998: 96) и рассматривает их как взаимозависимые части личности, которые не способны существовать самостоятельно.

Таким образом, субличность является составной частью личности, которая обладает собственными характеристиками и исполняет функции инструментов самовыражения личности. Все субличности, в сущности, имеют одну общую черту – в их психодинамической структуре заключена часть жизненной энергии человека. В процессе трансформации (преображения) эта энергия высвобождается и используется для выражения нашего творческого начала. Психическое расстройство личности характеризуется разъединенностью субличностей в ее структуре. Напротив, психологическое здоровье есть проявление единства субличностей внутри одной личности.

Исходя из анализа взаимосвязи между личностью и субличностью, по аналогии можем выяснить сущность связей между языковой личностью и языковой субличностью.

Языковая личность – это человек, способный создавать и воспринимать речевые произведения (тексты), различающиеся

а) степенью структурно-языковой сложности;

б) глубиной и точностью отражения действительности;

в) определенной целевой направленностью (Ю.Н.Караулов 1989: 3).

Языковую субличность можно определить как своеобразное проявление личности на коммуникативном уровне, в конкретных речевых произведениях (текстах). Естественно, что различные языковые субличности отличаются друг от друга. Эти различия могут проявляться на всех уровнях языка. Набор лексических, морфологических, синтаксических, фонетических средств выражения определенной субличности представляет собой субъязык.

Система любого субъязыка состоит из 3-х разновидностей (классов) языковых единиц:

– абсолютно специфические единицы (свойственные лишь данному субъязыку);

– относительно специфические единицы (т.е. единицы, которые, наряду с данным субъязыком, принадлежат также одному или нескольким другим субъязыкам);

– неспецифические единицы (общие для всех потенциальных субъязыков данного языка, в равной мере принадлежащие каждому субъязыку; см.: Ю.М.Скребнев 1975: 35).

Наша задача состоит в том, чтобы выявить абсолютные специфические и относительно специфические единицы субъязыков, с помощью которых выражаются различные субличности.

В конкретной ситуации общения на первый план в личности человека выступает какая-нибудь одна из его субличностей, которая «заставляет» личность «говорить» определенным образом. Следовательно, в конкретной коммуникативной ситуации человек использует субъязык, в котором преломляются свойства определенной языковой субличности.

Следуя за Ю.Н. Карауловым, который считает, что широкие возможности для анализа языковой личности представляет изучение языка художественной литературы, обратимся к пьесе А.Н. Островского «Бесприданница». Наша цель – показать, что различные субличности получают в данной пьесе различное языковое выражение.

Р.Берн называет субличностями наборы различных состояний личности, которые, по его мнению, можно распределить так: 1) состояния Я, сходные с образами родителей (Родитель); 2) состояния Я, автономно направленные на объективную оценку реальности (Взрослый); 3) состояния Я, представляющие наиболее архаичные образцы чувств и поведения, зафиксированные в раннем детстве (Дитя) (Р.Берн 1996: 15-16).

В.В.Жикаренцев в своей книге «Путь к свободе: взгляд в себя» дает иную классификацию субличностей, выделяя около 25 их разновидностей.

Изучив упомянутые классификации, мы посчитали возможным объединить их в одну, включающую в себя 3 уровня.

На первом (наиболее общем) уровне все субличности можно подразделить на 2 типа, которые мы предлагаем условно обозначить как «Разрушитель» и «Созидатель».

Субличности, относящиеся к разновидности «Разрушитель», содержат в себе скрытое или явное тяготение личности к внутреннему разрушению, самоуничтожению. Такие субличности нередко приводят человека к серьезной болезни или смерти, причем часто желаемой самой личностью.

Субличности, относящиеся к разновидности «Созидатель», стремятся всегда встать на защиту человека, не допуская влияния на него негативных субперсоналий и одновременно с этим способствуя формированию (созиданию) новых положительных качеств личности. «Созидатель» – активная энергия, которая помогает человеку идти по жизни и эффективно выполнять его (человека) задачи.

Внутри этих двух больших групп субперсоналий целесообразным, на наш взгляд, является следующее распределение. Второй уровень классификации мы основываем на видах состояний Я, выделенных Э.Берном. На третьем уровне мы используем классификацию субличностей В.В.Жикаренцева. Таким образом, мы получили возможность составить следующую таблицу:

<table>
<tr><th></th><th>Состояния Я
(по Э.Берну)</th><th>Виды субличностей
(по В.В.Жикаренцеву)</th></tr>
<tr><td rowspan="3">«Созидатель»</td><td>«Взрослый»</td><td>«Защитник-контролер», «Толкач», «Перфекционист»</td></tr>
<tr><td>«Ребенок»
(«Естественный ребенок»)</td><td>«Ребенок»
(«Игрунчик», «Волшебник»)</td></tr>
<tr><td>«Родитель»
(активное состояние Я)</td><td>«Добрая мама», «Добрый папа», «Рациональный родитель»</td></tr>
<tr><td colspan="3">«Критик», «Сравниватель»</td></tr>
<tr><td rowspan="3">«Разрушитель»</td><td>«Ребенок»
(«Приспособившийся ребенок»)</td><td>«Ребенок»
(«Уязвимый ребенок»)</td></tr>
<tr><td>«Родитель» (как косвенное влияние родителей)</td><td>«Злой папа», «Злая мама»</td></tr>
<tr><td>Собственно разрушитель</td><td>«Ничегонеделатель», «Ублажитель», «Брокеры силы и власти», «Виноватая дочь», «Убийца»</td></tr>
</table>

В группу «Созидателя» попадает «Взрослый», выделенный Э.Берном, субличность «Ребенок», если она относится к разновидности «Естественный ребенок», а также «Родитель» как «активное состояние Я» (Э.Берн 1996: 15)

В группу «Разрушителя», исходя из классификации Э.Берна, входят разновидность субличности «Ребенок» – «Приспособившийся ребенок», а также «Родитель» как «косвенное влияние родителей, когда ребенок вы-

нужден приспосабливаться к их требованиям» (Э.Берн 1996: 16), что способствует саморазрушению личности человека.

В свою очередь субличности, выделенные В.В.Жикаренцевым, можно распределить на третьем уровне классификации следующим образом.

Наиболее рациональными субперсоналиями, по мнению В.В.Жикаренцева, являются «Защитник-контролер», «Толкач», «Перфекционист». Именно эти субличности мы отнесем к разновидности «Созидатель», а именно «Взрослый».

К другой разновидности «Созидателя» – «Естественный ребенок» – относится субличность, названная также и В.В.Жикаренцевым «Ребенок».

В группу «Созидателя» также входят субперсоналии «Добрая мама», «Добрый папа» и «Рациональный родитель» (по Э.Берну, это субличность «Родитель как активное состояние Я»).

Субличностями, ведущими к саморазрушению и самоуничтожению личности («Разрушители»), являются «Ничегонеделатель», «Ублажитель», ведущие личность к моральной и физической деградации, «Брокеры силы и власти», «Убийца», «Виноватая дочь». Данные субперсоналии относятся к «Собственно разрушителям».

Такая разновидность «Разрушителя» как «Родитель», определяющаяся косвенным влиянием родителей, выражается в субличностях «Злой папа» и «Злая мама».

Промежуточное положение между «Созидателем» и «Разрушителем» занимают две близкие друг к другу субличности «Сравниватель» и «Критик». Субличность «Критик» может быть полезной для человека, т.к., критикуя, во многих случаях мы способствуем духовному внутреннему росту того человека, которого мы критикуем. С другой стороны, человек может быть жертвой «Критика» до тех пор, пока не увидит, «какую разрушительную работу он проводит внутри нас» (В.В.Жикаренцев 1999: 112).

То же самое можно сказать о «Сравнивателе», который, с одной стороны, постоянно указывая на то, что кто-то успешнее нас, – заставляет нас совершенствоваться, ставить новые цели и достигать их, формировать новые положительные качества; а, с другой стороны, «Сравниватель», затягивая «нудную песню» о том, какие мы убогие, жалкие и несчастные, может повергнуть человека в бездну пессимизма и привести его как к духовной, так и к физической смерти.

Таким образом, можно говорить о своеобразной двуплановости в способах языкового выражения двух вышеуказанных субличностей: для выражения этой, в сущности одной и той же субличности могут использоваться прямо противоположные ресурсы языка в зависимости от психологического смысла данной субперсоналии.

Следуя за Ю.М.Скребневым, предложившим и разработавшим очень перспективное понятие субъязыка (Ю.М.Скребнев 1975), дадим характеристику субъязыков, отражающих субличности «Защитник-контролер» («Созидатель») и «Ублажитель» («Разрушитель»), наиболее противопоставленных субличностей в пьесе А.Н.Островского «Бесприданница». Каж-

дый субъязык использует стилистические средства фонетики, лексикологии, морфологии, синтаксиса и семасиологии.

Носителями субличности «Защитник-контролер» в драме выступают Лариса, Огудалова, Карандышев, Кнуров. «Защитник-контролер» оберегает своих носителей (Ларису, Карандышева) и помогает самим носителям данной субличности выступать в роли защитников близких им людей (Карандышев в большинстве случаев стремится защитить Ларису, Лариса – Карандышева). Субъязык «Защитника-контролера» использует следующие стилистические средства:

1) лексические:

а) употребление антонимов («защитник» – «оскорбитель»);

б) употребление контекстуальных синонимов («страшная» – «смертельная» (тоска); «вступиться» – «наказать оскорбителей»).

2) морфологические:

а) употребление личного местоимения «вы» («За вас», «перед вами»);

б) употребление глагольных форм 2-го лица («Не бойтесь», «не ссорьтесь», «Вы ошибаетесь»). Постоянное использование этого местоимения показывает, что говорящий употребляет его с целью указать собеседнику ряд правил, которым он должен непосредственно следовать.

в) употребление личного местоимения «я». Оно используется говорящим для того, чтобы утвердить собственную точку зрения, которую «защитник-контролер» считает правильной (например, «я не люблю», «я в обиду не дамся», «я ручаюсь», «я на колени брошусь перед вами», «защитником я её обязан явиться», и т.д.);

г) употребление формы изъявительного наклонения, которые указывают на реальное действие («я в обиду не дамся», «Я ручаюсь, что Юлий Капитоныч меня ревновать не будет», и т.д.);

д) употребление глаголов повелительного наклонения, которые представляют собой форму выражения воли говорящего («не бойтесь», «извините его», «не ссорьтесь»);

е) употребление изъявительного наклонения в значении повелительного («Поедемте в деревню, сейчас поедемте!»);

ж) употребление формы повелительного наклонения в значении сослагательного («Попробуй он только задеть меня, так увидит»);

3) синтаксические:

а) употребление восклицательных конструкций («Поедемте в деревню, сейчас поедемте!», «О, за меня не бойтесь!», «…ну, ради меня, извините его!»);

б) употребление вопросительных конструкций («Но что меня заставило?»);

в) употребление определенно-личных предложений («Поедемте в деревню, сейчас поедемте!», «О, за меня не бойтесь!», «И уж, господа, пожалуйста, не ссорьтесь больше»);

г) большое количество сложных, а именно сложноподчиненных предложений («Попробуй он только задеть меня, так увидит…», «Я ручаюсь,

что Юлий Капитоныч меня ревновать не будет», «Вы ошибаетесь, я всегда должен быть при вас, чтобы оберегать вас. И теперь я здесь, чтобы отомстить за ваше оскорбление!»);

д) различные виды повторений, которые способствуют неспешности, доказательности речи («Не бойтесь, я не люблю и не полюблю никого», «Поедемте в деревню, сейчас поедемте!», «Если дома жить нельзя, если во время страшной … тоски заставляют любезничать …, если в доме скандалы, если надо бежать и из дому и даже из города?»). Повторение целых слов, однокоренных слов и тавтологические обороты придают речи героев своеобразную распространенность, при которых одна и та же мысль раскрывается в различных словесных выражениях;

е) употребление обращений, выражающих отношение «защитника-контролера» к окружающим. В приведенных контекстах мы наблюдаем уважительное отношение (например, «Сергей Сергеич», «господа»).

Функция субперсоналии «Ублажитель» – ублажать других людей, так что собственные нужды человека, в котором живет эта субличность, остаются неудовлетворенными. Данная субличность может действовать на человека самым разрушительным образом (см.: В.В.Жикаренцев 1999: 130).

Носителями данной субличности выступают Вожеватов, Карандышев, Паратов, Илья, Лариса, Кнуров и другие.

Субъязык «Ублажителя» использует следующие стилистические средства:

1) лексические:

а) слова и словосочетания, выражающие готовность персонажа угодить кому-либо («Слушаю-с» (употребление частицы «-с» придает оттенок подобострастия), «для вашего удовольствия», «Как прикажете», «Для тебя», «возьму на себя», «сделаюсь слугой», «на всё согласен», «Я готов на всякую жертву»);

2) морфологические:

а) повторение предлога «для» в сочетании с местоимениями 2-го лица, указывающими на собеседника, которого «ублажитель» старается удовлетворить («я для вашего удовольствия», «для тебя», «для вас»);

б) употребление глагольных форм с частицей *ли* («Не угодно ли сигар?»; «Не прикажите ли?»; «Вам не угодно ли?»);

3) синтаксические:

а) большое количество повторов отдельных слов и выражений придает речи «ублажителя» своеобразную распространенность («Будем стараться, Сергей Сергеич, будем стараться»; «Куда вам угодно... Когда вам угодно», «Я готов на всякую жертву, готов терпеть…»);

б) большое количество вопросительных предложений («Не прикажите ли?»);

в) большое количество восклицательных предложений, придающих речи персонажей эмоциональность, оттенок искренности порывов героя («Повелительница моя!»; «Сейчас сбегаю, Сергей Сергеич»; и т.д.).

В речи Карандышева эта субличность служит «лжесамоутверждению» героя (полагая, что сможет так завести «дружбу» со знатными людьми, он на самом деле еще больше унижает себя, саморазоблачается).

В то же время эта субперсоналия способствует еще большему утверждению личности Паратова. В его речи наблюдается иронические оттенки, которые приводят к тому, что «Ублажитель» из «Разрушителя» превращается в «Созидателя».

Наши наблюдения показали, что наиболее широким «ролевым веером» из персонажей данной пьесы обладает Лариса. Из психологии общения известно, что чем шире «ролевой веер» у героя, тем больше у него преимуществ, тем более интересной и развитой личностью он является. «Ролевой веер» Ларисы, по нашим наблюдениям, содержит не менее одиннадцати субличностей.

В результате анализа было выявлено, что различные субличности (прежде всего, находящиеся в оппозиции) получают различное выражение на всех уровнях языка. В частности, среди средств субъязыков «Защитника-контролера» и «Ублажителя» выделяются как относительно специфические единицы (например, употребление восклицательных и вопросительных предложений, различного рода повторений), так и абсолютно специфические единицы, характерные только для данной субличности (например, абсолютно специфическим средством выражения субличности «Защитник-контролер» является употребление определенно-личных предложений, переносное употребление форм наклонения и т.д.). Таким образом, даже у крайних членов оппозиции выявляются точки соприкосновения (относительно специфические единицы).

Таким образом, исследование средств языкового выражения субличностей помогает лучше представить языковую личность персонажа, а, следовательно, способствует лучшему пониманию образов и идейного содержания произведения.

Цитируемая литература:

Руффлер М. Игры внутри нас / Пер. с англ. Т.Чхеидзе. – М.: Изд-во Института Психотерапии, 1998. – 208 с.

Берн Э. Игры, в которые играют люди. Психология человеческих взаимоотношений; Люди, которые играют в игры. Психология человеческой судьбы: Пер. с англ. / Общ. ред. М.С.Мацковского; Послесловие Л.Г.Ионина и М.С.Мацковского. – СПб.: Лениздат, 1992. – 400 с.

Жикаренцев В.В. Путь к свободе: взгляд в себя. – СПб.: ООО «Диамант», 2001. – 272 с.

Караулов Ю.Н. Русский язык и языковая личность / Отв. ред. Д.Н. Шмелев; АН СССР, отделение лит. и яз. – М.: Наука, 1987. – 261, [2]. с.

Скребнев Ю.М. Очерк теории стилистики. – Горький: ГГПИИЯ, 1975. – 175 с.

Канд. филол. наук Н.А.Гирина (Пенза)

ЛЕКСИЧЕСКАЯ КОНЦЕНТРИРОВАННОСТЬ В АНАФОНИИ

Развивая идею о важности такого параметра анафонии, как ее концентрированность (А.В.Пузырёв 1995), считаем необходимым различать два ее вида: не только концентрированность звуковую (она проявляется в количестве совпадающих звуков), но и концентрированность лексическую (она проявляется в скоплении вокруг опорного слова двух и более ассоциатов – слов, содержащих яркие звуковые повторы).

Известно, что расположение любых двух созвучных слов рядом в прозаическом тексте расценивается как языковая погрешность, а наличие большого количества близкозвучных слов и вовсе считается ошибкой. Тем более интересным является изучение данного языкового явления в художественной прозе мастеров слова.

Как показывает исследование анафонии в произведениях Л.Н.Толстого и Ф.М.Достоевского, идиолекты писателей по степени участия ассоциатов в звуковых скоплениях, или «гнёздах» (термин А.В.Пузырёва), существенно не различаются: в звукоассоциативные гнезда включено 990 ассоциатов из 3515 в прозе Л.Н.Толстого и 1003 ассоциата из 3617 в прозе Ф.М.Достоевского, что составляет соответственно 28,17% и 27,73%. Если рассматривать идиолект как совокупность неспецифического, относительно специфического и абсолютно специфического (Ю.М.Скребнев 1975: 33), то гнездовой характер расположения ассоциатов можно отнести к неспецифической области идиолекта.

Различия обнаруживаются в степени лексической концентрированности анафонии. Наибольшей лексической концентрированностью отличаются роман Л.Н.Толстого «Война и мир» и роман Ф.М.Достоевского «Преступление и наказание»: в них на долю звуковых скоплений, содержащих три и более ассоциатов, приходится соответственно 25,2 % и 20,4 % от общего количества звуковых гнезд в произведении. Далее, в порядке "убывания" концентрированности, следуют романы: "Братья Карамазовы", "Игрок", "Униженные и оскорблённые", "Бедные люди".

По результатам анализа, бóльшая часть звуковых гнезд включает в себя по два ассоциата, далее, в количественном отношении, следуют звуковые гнёзда, содержащие три, четыре и более ассоциатов. Приведем примеры звуковых скоплений разных видов.

1. Звуковые гнезда, содержащие два ассоциата: «Наполеон, видимо, вспомнил, что он видел его на поле …» (Л.Н.Толстой 1979, 4: 369); «Не позволю! – крикнул было другой раз Раскольников» (Ф.М.Достоевский 1973, 6: 264); «… говорил, обращаясь к пунцово-красному взволнованному Ростову …» (Л.Н.Толстой 1979, 4: 170).

2. Звуковые гнезда, содержащие три ассоциата: «Настасья уселась позже него на софе и стала болтать» (Ф.М.Достоевский 1973, 6: 26); «Оставив этого солдата, который, очевидно, был пьян, Ростов остановил лошадь денщика …» (Л.Н.Толстой 1979, 4: 360).

3. Звуковые гнезда, содержащие четыре ассоциата: «Вся его комната была такого размера, что можно было снять крюк, не вставая с постели. Так и есть: стоят дворник и Настасья» (Ф.М.Достоевский 1973, 6: 73).

4. Звуковые гнезда, содержащие пять ассоциатов: «… сами люди ужаснулись численности и силе той громады, которую они составляли. Ростов, стоя в первых рядах Кутузовской армии, к которой к первой подъехал государь, испытывал то же чувство…» (Л.Н.Толстой 1979, 4: 309); «Но с девицами, в особенности с богатыми невестами, которые были большей частью дурны, он не сближался, тем более что Анатоль, чего никто не знал, кроме самых близких друзей его, был два года тому назад женат» (Л.Н.Толстой 1980, 5: 346).

5. Звуковые гнезда, содержащие шесть ассоциатов: «Полечка в страхе забилась с детьми в угол на сундук, где, обняв обоих маленьких, вся дрожа, стала ожидать прихода матери. Амалия Ивановна металась по комнате, визжала, причитала…» (Ф.М.Достоевский 1973, 6: 311) и др.

Отмечено, что в прозе Л.Н.Толстого и Ф.М.Достоевского ассоциаты в гнёздах «озвучивают» не какой-либо один, а разные звуковые комплексы, составляющие фонетическую форму опорных слов. Воспроизведение звукового состава имён собственных в расположенных рядом ассоциатах в прозе классиков представляется закономерным. Поскольку «психологические, эмоциональные, аффективные моменты», важные для восприятия, сконцентрированы в семантике имени собственного (А.В.Суперанская 1973: 322), анафония как звукопись, воспроизводящая звуковой состав опорного слова, может быть одним из средств актуализации содержащейся в тексте информации. «Вскрывая» внутреннюю форму имени посредством лексической концентрированности, звукопись отражает глубинные ассоциативные связи в мышлении писателей.

Особенно много звуковых скоплений относится к опорному слову «Раскольников». Приведем лишь самые яркие из тех, в которых подчёркивается семантика корня:

«Раз как-то, месяца два тому назад, они было встретились на улице, но Раскольников отвернулся и даже перешел на другую сторону, чтобы тот его не заметил» (Ф.М.Достоевский 1973, 6: 44);

«Гость несколько раз тяжело отдыхнулся. «Толстый и большой, должно быть», – подумал Раскольников, сжимая топор в руке.

В самом деле, точно все это снилось. Гость схватился за колокольчик и крепко позвонил» (Ф.М.Достоевский 1973, 6: 67);

«– А куда, позвольте спросить?

– По улице.

– Коротко и ясно.

Раскольников отвечал резко, отрывисто…» (Ф.М.Достоевский 1973 т. 6: 83).

«– Как? Неужели вы до сих пор не изволили ещё получить никаких известий? – спросил Пётр Петрович, несколько коробясь.

В ответ на это Раскольников медленно опустился на подушку, закинул руки за голову и стал смотреть в потолок. Тоска проглянула в лице Лужина» (Ф.М.Достоевский 1973 т. 6: 112);

«Раскольников вынул сколько вынулось: три пятака.

– Ах, какой добреющий барин!

– Как тебя зовут?

– А Дуклиду спросите» (Ф.М.Достоевский 1973, 6: 123);

«Он …воротился в «Хрустальный дворец» допросить поскорее Заметова. Раскольников прошел прямо на -ский мост…» (Ф.М.Достоевский 1973, 6: 131);

«– …Пол-то вымыли; красить будут? – продолжал Раскольников.– Крови-то нет?

– Какой крови?» (Ф.М.Достоевский 1973, 6: 134);

«– Сделайте же одолжение, – раздражительно продолжал Раскольников, – позвольте вас просить поскорее объясниться…» (Ф.М.Достоевский 1973, 6: 221);

«– Довольно, маменька, – сказал Раскольников, глубоко раскаиваясь, что вздумал прийти» (Ф.М.Достоевский 1973, 6: 398).

Актуализация формы посредством лексической концентрированности анафонии выводит на смысловые аспекты используемого языкового явления: в литературоведении толкование фамилии «Раскольников» исходит либо из объяснения семантической части, как *раскол* – раздвоение, либо из связи корня с *расколом* – раскольничеством (С.В.Белов 1984: 53, 54, 25; М.С.Альтман 1974: 44). Тщательная продуманность, глубочайший смысл фамилии героя романа не могли не отразиться в языке.

В отличие от Ф.М.Достоевского, Л.Н.Толстой при выборе имен действующих лиц руководствовался иными принципами: «Имена действующих лиц: Болконский, Друбецкой, Билибин, Курагин и др. – напоминают известные русские имена. … Я не умел придумать для всех лиц имен, которые мне показались бы не фальшивыми для уха, как Безухий и Ростов, и не умел обойти эту трудность иначе, как взяв наудачу самые знакомые русскому уху фамилии и переменив в них некоторые буквы» (Л.Н.Толстой 1981, 7: 358). Несмотря на «случайность» выбранных имен собственных, они «озвучены» не в меньшей степени, нежели имена в романах Ф.М.Достоевского, и в его прозе также наблюдаются звуковые скопления, подчеркивающие то или иное имя, например: «Потом к ней подошел Анатоль. Она все еще не видала его. Она только почувствовала нежную руку…» (Л.Н.Толстой 1979,4: 280); «… старая графиня …тоже покраснела, как девочка. Денисов, к удивлению Ростова, в новом мундире, напомаженный и надушенный, явился в гостиную таким же щеголем…» (Л.Н.Толстой 1980, 5: 4) и др. В случаях воссоздания фонетического облика имен собственных, вероятно, нашло отражение вдохновенное, интуитивное "сцепление мыслей", о котором говорил писатель.

Таким образом, лексическая концентрированность анафонии является важной характеристикой идиолекта. Будучи, с точки зрения стилистики,

скорее недочётом прозаической речи, она обеспечивает ту «избыточность» (С.Ф.Гончаренко 1989: 16) в художественном тексте, которая способствует передаче информации.

Цитируемая литература:

Альтман М.С. Достоевский. По вехам имен. – Саратов: СГУ, 1975. – 279с.

Белов С.В. Роман Ф.М.Достоевского «Преступление и наказание». Комментарий. Пособие для учителя./ Под ред. Д.С.Лихачева. – 2-ое изд., испр. и доп. – Л.: Просвещение, 1984. – 240 с.

Гончаренко Н.В. Стилистический анализ испанского стихотворного текста: основы теории поэтической речи: Автореферат дисс. …докт. филол. наук / Воен. институт. – М., 1989. – 35 с.

Достоевский Ф.М. Преступление и наказание // Полное собрание сочинений: В 30 т. – Т. 6. – Ленинград: Наука, 1973. – 423 с.

Пузырев А.В. Анаграммы как явление языка: Опыт системного осмысления. – М., Пенза: Институт языкознания РАН, ПГПУ им. В.Г. Белинского, 1995. – 378 с.

Скребнев Ю.М. Очерк теории стилистики. – Горький, 1975. – 175 с.

Суперанская А.В. Общая теория имени собственного. – М.: Наука, 1973.

Толстой Л.Н. Война и мир // Собрание сочинений: В 22-х томах.

Т.4. – М.: Художественная литература, 1979. – 400 с.

Т.5. – М.: Художественная литература, 1980. – 429 с.

Т.7. – М.: Художественная литература, 1981. – 431 с.

Канд. филол. н. Д.Н.Жаткин (Пенза)

КОНЦЕПТ «МУЗА» В ТВОРЧЕСТВЕ А.А.ДЕЛЬВИГА И ПОЭТИЧЕСКАЯ ТРАДИЦИЯ ПЕРВОЙ ТРЕТИ XIX ВЕКА

Уже на самом раннем этапе существования всемирной литературы – в песнях древнегреческих аэдов, эпических поэмах Гомера, творчестве Гесиода – дар песнопения воспринимался как знание, полученное певцом от вещавшей его устами богини поэзии Музы, изначально раскрывавшей не искусство само по себе, а преображенную, просветленную действительность; при этом сама индивидуальность певца частично утрачивалась, уступая место безличному повествованию, что видно, к примеру, из описания Каллимахом в элегическом сборнике "Причин" гесиодовской горы Муз, а также из его "Эпитафии Батту": "Не удивляйся, – кто был еще мальчиком Музам приятен,// Тот и седым стариком их сохраняет любовь". Если в классицистическом творчестве В.К.Тредиаковского, М.В.Ломоносова и А.П.Сумарокова образ Музы отнюдь не выделился как особо важный для поэтов, то авторы пушкинского круга, подражая античности, нередко обращались к божественной Музе (Камене), вдохновлявшей на успех, помогавшей понять сущность творчества, ощутить полноту жизни, приносив-

шей минуты удовлетворения и радости: "Земли и неба житель вольный// И тихой жизнию довольный,// С беспечной музою моей// Друзьям пою: любовь, похмелье// И хлопотливое безделье// Удалых рыцарей стола" (А.А.Дельвиг, "К. Е.", 1821); "Мой ангел милый и прекрасный,// Богиня мужественных дум!// (...) // Ты мне открыла в тишине// Великий мир уединенья..." (Н.М.Языков, "К Музе", 1827). В том, что восприятие символического образа Музы являлось чисто словесным, исключало "непосредственно-зрительное представление", следует, вслед за Ю.М.Лотманом, усматривать барочную природу образа, имевшего в творчестве каждого поэта 1810 — 1830-х гг. свои отличительные черты, индивидуальные особенности.

Впрочем, во всем этом разнообразии ощущались несколько общих тенденций. Во-первых, Муза вызывала у литераторов антологические ассоциации, причем старинная аллегория романтически преобразовывалась, превращалась в символ или в романтически конкретный образ: "Музы (...) рыдают!// Их кудри упали развитые в беспорядке на груди,// Их персты по лирам не движутся, голос в устах исчезает!// Амура забыли печальные..." (А.А.Дельвиг, "На смерть Державина", 1816); "В младенчестве моем она меня любила// И семиствольную цевницу мне вручила" (А.С.Пушкин, "Муза", 1821); "Богини мира, вновь явились Музы мне// И независимым досугам улыбнулись;// Цевницы брошенной уста мои коснулись..." (А.С.Пушкин, "Чаадаеву" ("В стране, где я забыл тревоги прежних лет..."), 1821).

Во-вторых, в стихах традиционно звучала благодарность Музе: "Друг друга не помянем лихом:// С тобой я с глазу на глаз в тихом// Восторге радость знал вполне..." (П.А.Вяземский, "Пора стихами заговеться...", 1867?).

В-третьих, Муза обычно представала существом из высших сфер, божественной очаровательницей, вносившей в жизнь поэта радость, счастье и душевную гармонию, помогавшей воспринять красоту мира во всем его разнообразии, раскрывавшей небылицы, ассоциировавшейся с волшебством, мечтами, стариной: "Не веселее ль вам читать// Игривой музы небылицы" (А.С.Пушкин, "Примите новую тетрадь...", 1821); "Младой певец, дорогою прекрасной// Тебе идти к парнасским высотам,// Тебе венок (поверь моим словам)// Плетет Амур с каменой сладкогласной" (А.А.Дельвиг, "Н.М.Языкову", 1822); "О муза, спутник дней моих,// Будь неизменный мой вожатый!// Твой взгляд умножит радость их// И облегчит души утраты" (В.Н.Григорьев, "Река жизни", 1822); "Муза лиры! ты прекрасна,// Ты мила душе моей;// (...) // Я горжусь твоим участьем;// Ты чаруешь жизнь мою..." (Н.М.Языков, "Чужбина", 1823); "Откройте, музы, нам в день светлых вдохновений,// (...) // Откройте пир духовный нам" (А.Ф.Мерзляков, "Труд", 1825).

Приведенные примеры из произведений авторов пушкинского круга далеко не единичны и их можно продолжить. Каждая из отмеченных общих тенденций, имевших, как мы видели, непосредственное отношение к Дельвигу, отразилась в его стихотворении "Музам" (1821), созданном в форме послания и призванном раскрыть трепетное восприятие пробуж-

дающих возвышенные чувства муз, которые получают на свой праздничный алтарь, согласно авторскому замыслу, букет роз, считавшихся с античных времен лучшими из цветов.

Муза как верная спутница поэта помогала ему в разрешении сложных жизненных ситуаций. В стихотворении "К поэту-математику" Дельвиг называл музу подругой, однако, несмотря на это, она оставалась на определенном отдалении от автора, напоминала Афродиту, воплощавшую вечную красоту природы и античного мира. О музе-подруге Дельвиг говорил и в сонете "Н.М.Языкову", характеризуя свою роль в творческом становлении Е.А.Баратынского: "Певца Пиров я с музой подружил...". В послании "К Е." муза оказывалась беспечной подругой, призывавшей творца к беззаботной жизни, наполненной наслаждениями и радостью. Однако в большинстве дельвиговских произведений Муза представала недосягаемым, величественным божеством, перед могуществом которого поэт раболепно преклонялся: "Метатель грома здесь сеет высокое,// Святое - музы..." ("Видение (Кюхельбекеру)"); "Музы лелеют тебя и лирою слух твой пленяют!" ("Стихи на рождение В..К. Кюхельбекера"); "Не сам ли ты пел, что внушенные музами песни// На сердце больное, усталое веют прохладой" ("Дамон"). Иное восприятие музы можно встретить в сочинениях современников Дельвига. В творчестве В.А. Жуковского музы представали дочерями Мнемозины, Аонидами, ночным видением, жившим "в подлунной стороне" ("Я музу юную бывало...", 1822 – 1824), а иногда даже сливались с образом возлюбленной ("Песня", 1808); в произведениях К.Н.Батюшкова они оказывались "Парнасскими царицами", обитательницами "прелестной Аонии". Н.М.Языков изображал музу в романтически приподнятом плане, называл ее "царицей вольных песнопений", "девицей вдохновенья", "богиней молодой", "богиней пенья", "богиней сердца", "возвышенной каменой"; по наблюдению Л. И. Савельевой, "молодая, прекрасная, своенравная богиня" не обходила поэта своими милостями, снисходила "до общения с ним, до участия в дружеских застольях". Муза Е.А.Баратынского, как верно подметил С. А. Андреевский, – "муза глубокой скорби о каком-то необретаемом идеале". Традицию Г.Р.Державина в изображении музы продолжил П.А.Вяземский, уделивший основное внимание ее человеческим качествам – душевной теплоте и искренности; муза представала беспечной, веселой и вместе с тем преданной, чуткой подругой поэта, беззаветно хранившей свою верность. Как видим, трактовки музы в произведениях Дельвига и его современников существенно различались, что обусловлено, в первую очередь, творческой индивидуальностью каждого поэта.

ПЕДАГОГИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ИССЛЕДОВАНИЙ ВЗАИМОСВЯЗИ ЯЗЫКА И МЫШЛЕНИЯ

Канд. филол. н. Е.О.Алексеева (Пенза)

ОБУЧЕНИЕ МЛАДШИХ ШКОЛЬНИКОВ ИНОЯЗЫЧНОЙ ЛЕКСИКЕ НА ОСНОВЕ ЗАКОНОМЕРНОСТЕЙ РАЗВИТИЯ ЗНАЧЕНИЙ СЛОВ У РЕБЕНКА (НА МАТЕРИАЛЕ ФРАНЦУЗСКОГО ЯЗЫКА)

Известно, что значение слова изменяется в ходе развития ребенка. В тот момент, когда ребенок впервые усвоил новое слово, развитие значения слова не закончилось, а только началось. Слово выполняет различные функции: служит средством человеческого взаимопонимания (коммуникативная функция), а также средством образования понятий, т.е. замещения наглядных впечатлений (сигнификативная функция). Экспериментально установлено, что образование понятий (значений слов) по срокам совпадает с периодом полового созревания (12 лет) и оказывается недоступным ребенку до наступления этого периода. Образование понятий – сложный акт мышления, овладеть которым нельзя с помощью простого заучивания, который требует развития целого ряда функций: произвольного внимания, логической памяти, абстракции, сравнения и различения. А все эти сложнейшие психические процессы не могут быть просто заучены и усвоены.

Таким образом, мы сталкиваемся с явным противоречием: с одной стороны, полноценное значение развивается лишь в переходный период, а с другой стороны, дети весьма рано начинают пользоваться словами и хорошо понимают себя и взрослых. Следовательно, до переходного возраста дети «мыслят» слова иначе, чем взрослые люди.

Каким же образом ребенок и взрослый понимают друг друга с помощью одних и тех же слов? Как справедливо считает Д.Н.Узнадзе, слово, прежде чем оно достигнет ступени полноценного понятия, может принять на себя функцию этого последнего и служить людям в качестве орудия взаимопонимания. В том, что принято называть значением слова, необходимо различать значение выражения в собственном смысле и его функцию – предметную отнесенность. Для того чтобы слова совпадали в своей предметной отнесенности, нужно, чтобы они указывали на один и тот же предмет. Типичным примером такого совпадения предметной отнесенности при несовпадении мыслительных операций, лежащих в основе значения слова, является наличие синонимов в каждом языке. Относительно слов ребенка и взрослого можно сказать, что они синонимы в том смысле, что указывают на один и тот же предмет. Они называют одни и те же вещи, которые совпадают в своей номинативно-индикативной функции, благодаря чему возможно понимание между ними, но лежащие в их основе мыслительные операции различны.

Речь окружающих с ее устойчивыми, постоянными значениями предопределяет пути, по которым движется развитие значений (обобщений) у

ребенка. Но, идя по этому предначертанному пути, ребенок мыслит так как это свойственно той ступени развития интеллекта, на которой он находится. Взрослые, общаясь с ребенком при помощи речи, могут предопределить путь, по которому идет развитие обобщений, но не могут передать ребенку своего способа мышления. Ребенок не может усвоить сразу способ мышления взрослых, он получает продукт, сходный с продуктом взрослых, но выработанный с помощью совершенно иных интеллектуальных операций, особым способом мышления. Следовательно, формы мышления ребенка, которые мы рассматриваем как функциональные аналоги значений слов, на самом деле являются псевдопонятиями. По меткому выражению Выготского, псевдопонятие – это тень понятия, его контуры, это образ, который никак нельзя принять за простой знак понятия, маленькое повествование о нем.

Допонятийное мышление ребенка Выготский называет мышлением в комплексах. Мышление ребенка «комплексирует» отдельно воспринимаемые предметы, объединяет разрозненные впечатления на основе не абстракно-логических связей, как это происходит у взрослых, но на основе конкретно-фактической связи. В основе комплекса лежит любая ассоциативная связь с любым из признаков, бросающихся в глаза ребенку: по сходству или контрасту, по звуку, цвету, форме, смежности и т.п., но всегда и непременно конкретная связь. Однако понятие в его развитом виде предполагает умение рассматривать различные признаки вне конкретной и фактической связи, в которой они чувственно даны. В этом смысле комплексное мышление оказывается беспомощным. Ребенок ставит в неодинаково благоприятные условия, в смысле внимания, различные признаки данного предмета, руководствуясь при этом смутным впечатлением общности, а не на основе четкого разграничения значимых признаков.

В развитии мышления ребенка псевдопонятия (потенциальные понятия) играют чрезвычайно важную роль, т.к. здесь впервые с помощью абстрагирования отдельных признаков ребенок разрушает конкретную связь признаков и тем самым создает необходимые предпосылки для нового объединения этих признаков на новой основе. Именно овладение процессом абстрагирования вместе с развитием комплексного мышления способно привести ребенка к образованию истинных понятий.

В свое время В.Штерн, Ж. Пиаже, А.Н. Гвоздев и др. доказали, что речь не усваивается ребенком путем простого подражания и заимствования готовых форм. Мысль ребенка, еще более оригинальная, чем его язык, нашла свое отражение в ярких и непосредственных образчиках детского словотворчества. Проявления способности ребенка к словотворчеству бережно собраны и грамотно проанализированы детским писателем К.И. Чуковским в книге «От двух до пяти», представляющей собой не только занимательное произведение, но и серьезный труд по возрастной психологии. Образцы детского словотворчества убедительно показывают, что мысль ребенка пытается соединить, переплавить в единое целое звуковой комплекс слова – в представлении ребенка непременный атрибут обозна-

чаемого объекта – с функцией последнего. Так, например, для ребенка определить предмет или понятие – значит сказать, что этот предмет делает или еще чаще, что можно делать с этим предметом: «*молоток – колоток, сухарик - кусарик, лопатка – копатка, язык – лизык, компресс – мокрес*» и т.п. Получаемое в результате такого синтеза псевдопонятие – функциональный аналог понятия – характеризуется высокой степенью «прозрачности», например: «***от****мухиваться,* ***на****чаепиться,* ***при****тонуть и* ***вы****тонуть,* ***пере****лай* и т.п.» Прозрачность детских псевдопонятий свидетельствует о том, что ребенок подсознательно овладел значениями морфем, причем, настолько хорошо, что может свободно ими пользоваться.

Самое характерное для мышления в этом возрасте – это неспособность ребенка к осознанию отношений, которыми он может оперировать спонтанно. Ребенок оказывается не в состоянии выполнить совершенно аналогичные операции, когда требуется произвольное и намеренное их выполнение. Переход от ненамеренного и непроизвольного употребления языковой единицы к намеренному и произвольному ее применению осуществляется при решающей роли слова в его сигнификативной функции, т.е. в качестве средства произвольного направления внимания, абстрагирования, выделения отдельных признаков, их синтеза и символизации с помощью знака. Как известно, произвольность в деятельности какой-либо функции всегда есть обратная сторона ее осознания. Осознанность и произвольность владения каким-либо знаком (значением) могут быть сформированы только через систему обобщений, в которую данное значение входит как частный случай, и вне которой оно не может существовать. Самое решающее отличие истинных понятий от псевдопонятий заключается в том, что последние формируются вне системы. Таким образом, проблема системы – центральный пункт всей истории развития значений у ребенка.

На поздних ступенях развития значений слов и, следовательно, отношений общности возникает явление, которое имеет первостепенное значение для мышления и которое определяется законом эквивалентности понятий. Согласно этому закону, всякое понятие (значение) может быть выражено множеством способов с помощью других понятий (значений). Выготский поясняет этот закон в географических терминах долготы и широты. Долгота понятия характеризует природу самого акта мысли, самого схватывания предмета в понятии с точки зрения заключенного в нем единства конкретного и абстрактного (парадигматические связи). Широта характеризует отношения понятия к объекту, точку приложения понятия к определенному пункту действительности (синтагматические связи). Тем самым они должны заключать в себе узел всех отношений общности – меру общности – как по отношению к соподчиненным понятиям (по горизонтали), так и по отношению к высшим и низшим по степени общности понятиям (по вертикали). Благодаря существованию меры общности для каждого понятия возникает возможность перехода от одних понятий к другим, т.е. возможность эквивалентности понятий.

В спонтанной детской речи понятие не имеет эквивалентов из-за отсутствия отношений общности к другим понятиям, поэтому ребенок раннего возраста целиком связан буквальным выражением усвоенного им смысла. Школьник передает сложное смысловое содержание уже более независимо от того словесного выражения, в котором он его усвоил. Следовательно, по мере развития отношений общности расширяется независимость понятия от слова, а смысла – от его выражения.

Руководствуясь законом эквивалентности понятий, обучение лексике требует формирования значений слов на основе меры общности изучаемого понятия с другими, входящими с ним в единую систему. Проиллюстрируем сказанное на примере. Сопоставительное изучение русского и французского языков на материале эквивалентных лексических единиц, к примеру, «кошелек» и «*porte-monnaie*» позволяет установить следующее. На просьбу преподавателя объяснить по-русски, что означает слово «*кошелек*» ребенок 5 лет дает описание конкретного кошелька, который ему приходилось видеть с характерными именно для данного предмета признаками (цвет, форма, особенности). Причем, о назначении кошелька – носить деньги – ребенок не упоминает, словно, это понимается само собой.

Знакомство с французским эквивалентом – «*porte-monnaie*» – происходит в системе следующих связей. 1. Раскрытие буквального значения – «*носи монету*». 2. Употребление слова «*porte-monnaie*» со словами, ситуативно с ним связанными (синтагматические связи). 3. Ознакомление со словами, имеющими ту же модель образования, в составе которых есть *тот же значимый элемент – «**носи**», а именно: «**porte**-feuilles, **porte**-clefs, **porte**-savon*», обобщенное значение которого – обозначать предмет, пригодный для носки… денег, документов и прочих принадлежностей. Слово «*porte-monnaie*» относится к указанным объектам как частное к общему (парадигматические связи). Так, наряду с конкретными синтагматическими связями, такими как «покупать, магазин, стоить и т.д» слово «кошелек» в опыте ребенка соединяется со словами «*porte-feuilles, porte-clefs, porte-savon*» парадигматической связью.

Все вышеизложенное позволяет сделать важные для методики раннего обучения иностранным языкам выводы.

Эквивалентные слова в родном и иностранном языке в известном смысле – синонимы, во-первых, потому что едины в своей номинативно-индикативной функции, т.е. указывают на один и тот же объект; во-вторых, как всякие синонимы, они по-разному «схватывают» объект в мысли, по-разному соединяют различные его признаки. Этот факт становится особенно очевидным при сознательно-сопоставительном изучении родного и иностранного языков, при широкой опоре на речевой опыт учащихся в родном языке.

К сожалению, многие слова даже родного языка оказываются непроницаемы, «закрыты» для сознания не только ребенка, но и взрослого. Это в первую очередь относится к словам с неясной этимологией, когда связи слова с ситуацией, в которой оно возникло, утрачены безвозвратно. Не

имея возможности понять значение такого слова, ребенок вносит в его содержание свою интерпретацию, (часто под влиянием звукового образа слова) не лишенную оригинальности, но все же обедненную опорой лишь на чувственный опыт, лишь на предметно-практическое мышление. Пример из книги Чуковского: «***рад****уга* – это потому что она ***рад****уется*?».

Объясняя непонятные ребенку слова родного языка через призму их иноязычных эквивалентов (в случае большей «прозрачности» последних), мы указываем прежде всего путь к значениям слов родного языка, путь к значению слова вообще, мы вручаем ребенку ключ, который поможет ему «открыть» слово (с помощью этимологии, через специфику иноязычного сознания, посредством значимых элементов слова и проч.). Так, вместе с овладением приемами раскрытия значения слов, ребенок овладевает новым способом мышления.

Сопоставительное изучение двуязычных эквивалентов по линии их большей «прозрачности» в том или ином языке убеждает ребенка в том, что слово – это знак, что знак произволен, т.е. названия объектам дают люди; позволяет ребенку «оторвать» звуковую форму слова от обозначаемого этим словом объекта, т.е. не быть связанным звуковым образом слова. Например, «*радуга» – «arc-en-ciel* », в переводе с французского означает «*арка (дуга) в небе*». Следовательно, никакого отношения к слову «радоваться» не имеет.

В достаточной ли мере при обучении ИЯ мы опираемся на богатейший речевой опыт ребенка в родном языке? Усвоение иностранного языка, как известно, происходит через прежде усвоенную речевую систему родного языка, стоящую между вновь усваиваемым языком и миром вещей. Образование значений иноязычных слов требует совершенно иных актов мысли, связанных с более сознательным и произвольным оперированием прежними родноязычными понятиями. Следовательно, сопоставительное изучение эквивалентных лексических единиц родного и иностранного языков по линии их большей «прозрачности» (функциональной выраженности) поднимает и родную речь ребенка на более высокую ступень осознания языковых форм, на ступень произвольного пользования словом как средством выражения понятия.

Овладение словом начинается с установления денотативных, ситуативных, семантических связей. Связи слова с обозначаемым им понятием (сигнификативные) формируются гораздо позднее, по мере накопления учащимся иноязычного речевого опыта и созревания известных психических функций сознания. Становление вышеназванных связей рассматривается в методике как последовательно решаемые задачи. Однако, на наш взгляд, формирование сигнификативных связей можно начинать гораздо раньше, уже на начальном этапе работы со словом, при использовании в этих целях мотивированных слов ИЯ, где логические связи и отношения между составляющими их элементами особенно наглядны. Мы наблюдали, что ребенок до созревания у него реальных понятий, пользуется функциональными аналогами последних. В псевдопонятиях ребенка часто отража-

ется функция объекта. Полагаем, что иностранные слова, в которых четко прослеживается назначение объекта, способны служить учащимся в качестве функциональных аналогов формирующихся понятий.

Например: «*пипетка» - «compte-gouttes»-«считай капли»; «платяной шкаф»- «garde-robe»- «храни платье*» и т.п.

Канд. филол. наук Л.Ю.Веретёнкина (Пенза)

РАБОТА С ГАЗЕТОЙ НА ЗАНЯТИЯХ ПО РУССКОМУ ЯЗЫКУ КАК ИНОСТРАННОМУ

Практика работы с иностранными студентами показывает, что на занятиях студенты стремятся не только изучать грамматику русского языка, но и получать информацию о развитии экономики, науки и культуры России, о событиях, происходящих в России, у себя на родине и в мире. У студентов появляется потребность не только воспринимать информацию, но и обмениваться ею, обсуждать её с преподавателем, друг с другом. На данном этапе обучения материалы газет становятся информативным, коммуникативно ценным пособием по обучению русскому языку, языку современных российских средств массовой информации.

В последние годы печатные средства массовой информации качественно изменились. Большее разнообразие приобрела тематика публикаций. Многие актуальные проблемы современной жизни находят оперативное отражение в газетных статьях. Стал другим и язык газетной публицистики: на страницах газет появляется всё больше разговорной лексики. В связи с этим существенно расширились возможности использования газетных материалов на занятиях по русскому языку в иностранной аудитории.

Вместе с тем, работа с газетой связана с рядом объективных трудностей: во-первых, студенты не имеют достаточного запаса общественно-политической лексики; во-вторых, синтаксис газетных материалов характеризуется высокой степенью осложненности; в-третьих, в публицистическом тексте активно используются языковые средства и конструкции, назначение которых состоит не только в передаче информации, но и в оказании определенного воздействия на читателя. Задача преподавателя – помочь иностранным студентам преодолеть эти трудности, интересно и эффективно организовать работу над газетными публикациями.

Работа с прессой на уроках русского языка имеет следующие цели: 1) научить иностранных учащихся читать статьи в оригинале, осуществляя разные виды чтения (изучающее, ознакомительное, просмотровое, поисковое); 2) научить обсуждать общественно-политические темы и проблемы; 3) научить высказывать свое мнение о прочитанном; 4) совершенствовать слухопроизносительные, лексические и грамматические навыки; 5) развивать интерес к обучению, повышать мотивацию к овладению русским языком.

В методической литературе выделяются следующие этапы работы с газетой:

– чтение и перевод заголовков статей;

– чтение и перевод подписей к фотографиям, диаграммам, карикатурам;

– краткое (или подробное) изложение содержания статьи;

– обзор ряда статей;

– обзор номера газеты в целом.

Занятия с использованием газетных публикаций можно начинать со студентами 1 курса, поскольку значительное место на данном этапе отводится обучению общению в общественно-политической сфере. Это чтение и обсуждение газетных и журнальных материалов, телепередач, собственные высказывания на общественно-политические темы. Работу с газетой рекомендуется проводить регулярно, уделяя ей от 15 до 20 минут на каждом уроке. Такие занятия способствуют выработке у иностранных студентов устойчивых навыков чтения газетного текста.

На первых занятиях студенты вместе с преподавателем знакомятся с газетой, как правило, это центральные издания – газеты «Комсомольская правда», «Аргументы и факты» и др. Необходимо предложить иностранным учащимся внимательно рассмотреть первую страницу газеты с анонсом тем номера, структуру газеты и её рубрики, для того чтобы в дальнейшем ориентироваться в расположении материала.

На основе названий публикаций студенты делают выводы о наиболее актуальных вопросах и проблемах современной жизни в России, в мире. Нужно обратить внимание студентов на то, что заголовок газетной статьи является своеобразным ключом к пониманию статьи в целом. Однако не все заголовки можно перевести, не зная содержания статьи. В таком случае при семантизации заголовка необходимо идти от содержания статьи к ее названию.

Первоначально преподаватель самостоятельно подбирает публикации для работы на уроке, опираясь на интересы студентов и уровень владения русским языком. Это должны быть статьи небольшие по объёму, опубликованные, например, в газете «Аргументы и факты» в рубриках *«Здоровье», «Спорт», «Телевидение», «Культура», «Кино»*, так как эти темы изучаются студентами 1-3 курсов на уроках русского языка. Работу над общественно-политической лексикой следует начинать с рубрики *«Панорама»* газеты «Аргументы и факты», в которой кратко освещаются наиболее важные события в сфере политики, культуры, науки и искусства.

Распространённой ошибкой учащихся является стремление любой газетный текст осознать и запомнить дословно. Такой путь ведёт к созданию непреодолимых и неоправданных трудностей. На первых уроках работы с газетой нужно учить студентов извлекать из статьи минимально достаточную информацию, не семантизируя всей лексики. Учащиеся могут делать пометки в газетном тексте, помогающие осознать содержательную структуру сообщения: разделять сложные предложения на простые, подчёркивать в каждом предложении субъектно-предикативную основу, сокращать текст публикации по указанию преподавателя, обозначать цифрами микро-

темы публикации и т. д. В помощь студентам при подготовке сообщения по материалам статьи можно предложить следующую схему ответа: место действия (где?), время действия (когда?), участники (кто?), факты (что произошло?).

Безусловно, знание газетной лексики – необходимое условие успешной работы с газетой. Введение новых лексических единиц в активное употребление заставляет учащихся учитывать грамматические свойства слов, их сочетаемость и оценочные коннотации. Расширение словаря иностранных студентов неизбежно приводит к работе над грамматическими особенностями как слова, так и фразы, включающей это слово. Однако свободное оперирование новыми словами и выражениями окажется возможным лишь тогда, когда в систему работы над газетными публикациями будут заложены задания и упражнения, ориентированные на усвоение собственно грамматических структур, формирующих газетный стиль.

Для развития языковых навыков употребления новых лексических единиц и грамматических конструкций, например по теме «Приемы и встречи», можно предложить учащимся выполнить следующие задания:

1) подберите прилагательные к следующим существительным: *договор, сотрудничество, проблемы, встреча, переговоры, атмосфера;*

2) составьте словосочетания глаголов *решать, обсуждать, расширять, подписывать, завершать* с существительными;

3) в словосочетаниях глаголов с существительными замените глаголы отглагольными существительными: *участвовать в работе форума, подписать двустороннее соглашение, завершить работу над законом, провести исследование, вложить средства в производство*;

4) из данных слов составьте предложение: *Большой Кремлевский дворец, встреча, 16 февраля, президент России, состояться, члены международного форума;*

5) завершите предложения: *На встрече обсуждались ...; Обе стороны подписали ...; Встреча прошла ...;*

6) дополните предложения новой информацией: *Итогом этой встречи стало подписание договора; Поставлена задача увеличить объемы взаимной торговли.*

Разные уровни языковой подготовки и разные этапы изучения языка газеты требуют, естественно, и разных подходов к выбору актуальных грамматических тем. Но, несмотря на существенные различия в практическом владении русским языком, студентам-иностранцам как второго, так третьего и четвертого годов обучения русскому языку как иностранному, трудны конструкции с причастиями и деепричастиями, пассивные обороты, сложноподчиненные предложения различных типов, предложения с аббревиатурами. Помощь преподавателю в организации работы над употреблением лексики общественно-политического характера может оказать учебное пособие для иностранных учащихся «Русский язык. Синтаксис сложноподчиненного предложения» под редакцией М.Н.Аникиной (М.: Русский язык, 2000), в котором описаны частотные грамматические явле-

ния, характерные для сферы функционирования общественно-политической лексики.

Работе с газетой на старших курсах обычно отводится целое занятие. На данном этапе идет интенсивное обучение основным функционально-смысловым типам высказывания: диалогу-беседе, диалогу-рассуждению, диалогу-дискуссии. Основное внимание уделяется формированию навыков и умений сделать сообщение, принять участие в дискуссии, аргументировать свое мнение по поводу прочитанного, прослушанного. На уроках продолжается работа по осмысленному усвоению усложненных моделей, работа над синонимикой словосочетаний и слов, над пассивными конструкциями. Постепенно осуществляется переход от простого пересказа публикации к анализу и обзору публикаций по изучаемой теме на материале прессы.

Занятие по материалам статьи со студентами 3-5 курсов строится следующим образом:

– введение общественно-политической лексики по теме;

– первичная активизация языкового материала с помощью упражнений;

– работа со статьей по схеме: от первичного ознакомления – к чтению и говорению;

– развитие речевых умений (монологической и диалогической речи).

На уроке необходимо предлагать задания творческого характера, требующие проявления большей самостоятельности студентов. Упражнения для работы со статьей в целом должны быть разнообразными. Приведем примерные задания:

– прочитайте название статьи (первую фразу статьи), подумайте о содержании, о проблемах, обсуждаемых в статье;

– прочитайте первый абзац, найдите ключевое предложение, ключевые слова, затем найдите их в следующих абзацах;

– выразите главную мысль, заключенную в первом и последующих абзацах;

– ответьте, освещаются ли в статье следующие вопросы …;

– найдите и выпишите даты и цифровые данные в статье;

– составьте вопросы по содержанию статьи;

– сократите статью до 3-4 предложений;

– подготовьте пересказ статьи.

После того как газетная заметка прочитана и разобраны все лексические и синтаксические трудности, студенты готовятся к краткому или подробному пересказу материала. Студентам следует напоминать, что при передаче содержания они не должны запоминать и механически дословно пересказывать прочитанный текст, а должны излагать суть усвоенной информации в форме живого общения: расчленять и упрощать сложные конструкции, опускать несущественные детали, высказывать своё мнение на рассматриваемую проблему. Облегчить эту задачу поможет схема, опреде-

ляющая последовательность пересказа и выражение собственного мнения по поводу прочитанного:

Статья опубликована в газете … в рубрике …

Статья называется …

В статье рассказывается о том, что …

Главная мысль автора статьи состоит в том, что …

Автор приводит следующие примеры …

Мысль о том, что … кажется убедительной (сомнительной)…

Интересна мысль о том, что …

Нельзя согласиться с тем, что …

Я согласен (не согласен) с тем, что …

В заключении можно сказать о том, что …

Данные конструкции представляют собой основу составляемого студентами сообщения на русском языке, причем они не только определяют смысловое содержание и языковую форму рассказа, но и достаточно свободны для творческих вариантов. При использовании конструкций количество и сложность высказываний будут варьироваться от 8 до 12 сложных предложений с осложненной синтаксической структурой и разнообразной лексикой.

Газетные публикации дают богатый материал, на основе которого можно строить работу, направленную непосредственно на развитие диалогической и монологической речи иностранных учащихся. Можно предложить следующие упражнения в составлении диалогов:

– на основе данной лексики и материала статьи подготовьте вопросы и составьте диалог на тему …;

– составьте диалог по содержанию фотографии (диаграммы);

– составьте диалог-интервью, используя материал статьи.

Упражнения для обучения монологической речи могут быть следующими:

– объясните, как вы понимаете данные словосочетания, высказывания;

– выразите согласие / несогласие со следующими высказываниями;

– расскажите, что нового вы узнали из статьи;

– выскажите свое мнение по данной проблеме (вопросу);

– предложите свой вариант решения данной проблемы;

– составьте сообщение на тему на основе статьи (нескольких статей);

– составьте заметку для прессы.

На продвинутом этапе обучения русскому языку обсуждение большого количества тем, в частности проблем воспитания, благосостояния людей, экологии, наркомании, преступности, терроризма, должно проводиться с привлечением газетных публикаций. В газете «Аргументы и факты» материалы рубрик *«Личность», «Природа и мы», «Социум», «Политика», «Лица»* содержат интересную и познавательную информацию. Иллюстрациями к изучаемым темам могут служить диаграммы *«Языком цифр»* или *«Соцопрос»*, в процентном отношении дающие ответы на различные вопросы, например*: Какой вид спорта для вас является самым интересным?*

Какой должна быть продолжительность рабочего дня? или *Что вам помогает избавиться от стресса?* и т. д.

Таким образом, материал газетных публикаций позволяет активизировать коммуникативную направленность занятия, так как даёт возможность выбрать такие темы, тексты и формы работы с текстами, которые интересны и доступны учащимся на разных этапах обучения русскому языку. Газета предоставляет иностранным учащимся современную информацию (в отличие от учебных пособий), указывает разнообразные пути и способы совершенствования языка, развития диалогической и монологической речи, обогащает словарный запас студентов, развивает языковое чутьё.

Н.В.Гаврилова (Волжский)

КРИТИКА КАК ВИД ПЕДАГОГИЧЕСКОГО ДИСКУРСА

В современной лингвистике отчётливо выделяются социолингвистический и прагмалингвистический подходы к анализу дискурса. Наиболее подробное освещение получила социолингвистическая типология, базирующаяся на соотношении дискурса и сферы применения языка. К системе институционального дискурса относится педагогический дискурс.

Правомерно выделять прагмалингвистическую типологию, которая основывается на способах коммуникации и личностных характеристиках её участников. Это позволяет различать критическое, ритуальное, комическое и другие виды общения (В.И.Карасик). В плане лингвокультурологического исследования наиболее интересными нам представляются случаи наложения социолингвистической и прагмалингвистической типологий, прежде всего, точки их пересечения, например, педагогический дискурс как вид институционального общения и критический дискурс как прагмалингвистическая разновидность коммуникации.

Интерес к данному пресечению объясняется следующим. Общение в рамках педагогического дискурса предполагает статусное неравенство, подразумевающее возможность критики. Учитель, критикуя ученика, выступает как представитель социального института, нормы которого ученик в силу недостатка опыта нарушает. Следовательно, критика в направлении от учителя к ученику не должна носить личный и/или личностный характер.

Для проведения исследования мы предлагаем следующую модель жанровой вариативности критико-педагогического дискурса. Устные жанры (речь учителя на уроке, на родительском собрании) противопоставляются письменным жанрам (замечание в дневнике, запись в личном деле в графе поощрения и взыскания, характеристика). Правомерно выделять простые жанры и сложные, где одновременно решаются несколько задач, например, указать на недостатки, предостеречь, отругать. На наш взгляд, можно разграничивать прямые и косвенные, фатические и информативные жанры. Как показывает выборочный анализ текстов такого жанра как за-

мечания в дневниках, предметом критики в педагогической коммуникации становятся отклонения от нормативов поведения (*Разговаривал на уроке*), непунктуальность (*Опоздала на урок на пять минут*), внешний вид (*Приходить в школу в спортивных штанах недопустимо!*), неопрятность (*Явился в класс в грязной обуви*), плохая успеваемость (*Не выучил урок*). Поощрения весьма редко фиксируются в дневниках (*Хорошо поработал на пришкольном участке*).

Широкие исследовательские перспективы открывает сопоставление критики как вида педагогического дискурса в различных лингвокультурах, поиск соответствий и расхождений. Так, в английской и американской образовательной среде отсутствует жанр педагогического замечания в дневнике, однако здесь мы встречаем непривычный для русской лингвокультуры жанр письменного уведомления родителей о результатах за семестр (progress report). Данное уведомление фиксирует успехи и недостатки в учёбе, активность, опоздания, пропуски и даёт советы рекомендательного характера, критика здесь сглажена и носит отсроченный характер. В русской лингвокультуре педагогическая критика отличается авторитарностью, административностью, обезличенностью, часто принимает форму жалобы или упрёка.

Дальнейшее проведение исследований в обозначенном направлении будет способствовать моделированию аксиологических картин мира, решению проблем межкультурной коммуникации.

Асп. Ду Яли, докт. филол. н. М.Н.Заметалина, докторант С.Н.Рубина

О ПСИХОЛОГИЧЕСКИХ И ЛИНГВИСТИЧЕСКИХ ПРОБЛЕМАХ ПРИ ИЗУЧЕНИИ РУССКОГО ЯЗЫКА ИНОСТРАННЫМИ УЧАЩИМИСЯ

При изучении русского языка у иностранных студентов часто обнаруживаются всякого рода проблемы. Особенно актуален психологический и лингвистический барьер у студентов КНР, поскольку очевидно различие между западным и восточным менталитетом. Целью настоящего сообщения является рассмотрение вопроса о возникновении подобных препятствий и их преодолении у студентов разных этапов обучения.

Такие сложности появляются у иностранцев уже на начальном этапе обучения, как при знакомстве с языком страны, так и с особенностями культуры страны изучаемого языка. На этом этапе большая роль отводится кураторам, которые помогают обучаемым ближе познакомиться со спецификой русской культуры. Чрезвычайно важной является роль преподавателя в проблеме адаптации китайских учащихся к новым условиям жизни. С целью успешной работы по преодолению психологического и лингвистического барьеров, занятия организуются с учетом родной культуры и языка учащегося.

На следующем этапе (среднем) целесообразно не только использовать ряд упражнений, направленных на более глубокое знакомство с русским

языком, но и готовить учащихся к конкурсной защите курсовых работ и к выступлению на научной студенческой конференции, которая может способствовать получению навыков самостоятельной работы, выступлению перед аудиторией. Считаем при этом, что, как и на предыдущем этапе, необходимо постоянно обращаться к культуре той страны, откуда прибыли студенты. Полагаем, что необходимо постепенное приучение их к самостоятельной работе, которая носит плановый и системный характер на всех этапах обучения. Однако ее доля увеличивается на следующем (продвинутом) уровни обучения.

Высшая статья обучения (продвинутый этап) предполагает значительную степень самостоятельной работы. Здесь и знакомство с материалами словарей русского языка, и с фразеологией, и усложнение текстов, их самостоятельный анализ.

Вне всякого сомнения, изучение русского языка на всех этапах его познания основывается на сопоставительном анализе. По нашему мнению, только изучение языка в контрастивном плане может обеспечить необходимый эффект.

Т.В.Колюжко (Пенза)

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ЭЛЕМЕНТОВ САМОСТОЯТЕЛЬНОЙ РАБОТЫ В ПРОЦЕССЕ ПЕДАГОГИЗАЦИИ ДОСУГОВОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ИНОСТРАННЫХ СТУДЕНТОВ В СФЕРЕ МЕЖКУЛЬТУРНОЙ КОММУНИКАЦИИ

Подготовка иностранного студента, будущего педагога не ограничивается рамками учебного процесса. Большую роль в формировании межкультурной компетенции иностранных студентов играет досуговая деятельность, самостоятельная и индивидуальная работа. К сожалению, именно эта сфера деятельности остается недостаточно исследованной, как в отечественной, та и в зарубежной педагогике. А ведь, как отмечает С.А.Гильманов, именно творческая индивидуальность педагога, отточенная им в досуговой деятельности, позволяет создавать гибкие, вариативные технологии образования. По сути дела, в университетской жизни два лица играют основные роли студент и преподаватель. И, соответственно, два коллектива. Несомненно, что это не две части, противостоящие друг другу, а, по логике вещей, единое целое. Только под этим углом зрения можно и нужно обсуждать заявленную проблему.

Планирование и распределение досугового времени может стать основанием для педагогизации этого процесса.

Внеаудиторная работа с иностранными студентами как одна из подсистем целостного педагогического процесса является одним из основных компонентов учебного процесса обучения РКИ и располагает большими возможностями для педагогизации процесса обучения русскому языку и для формирования культуры межнациональных отношений. Здесь необходимо учитывать то обстоятельство, что внеаудиторная деятельность ино-

странных студентов отличается отсутствием многих сдерживающих факторов, характерных для ученого времени: форма контроля учебного процесса со стороны преподавателей, обязательный характер образовательной программы.

Программа воспитательной (досуговой) работы с иностранными студентами в процессе обучения русскому языку реализуется в следующем виде:

– проведение тематических и театрализованных вечеров;

– организация и проведение концертов «Студенческая весна»;

– проведение шефских концертов за пределами университета;

– экскурсия в музеи, галереи, на выставки;

– коллективное посещение спектаклей;

– проведение праздничных вечеров;

– демонстрация художественных, документальных, научно-популярных фильмов;

– конкурсы и викторины.

Наиболее важным представляется принцип активности, потому что применительно к внеаудиторной работе по русскому языку как иностранному необходимо говорить не об активности вообще, а о коммуникативной активности. Данная работа направлена на решение проблемы педагогизации сферы межкультурной коммуникации в условиях досуговой деятельности иностранных студентов в вузе.

В результате выполнения внеаудиторной работы со студентами-иностранцами **предполагает достижение следующих целей:**

– выявление сущности, структуры и уровней формирования культуры межнациональных отношений;

– определение педагогических условий формирования навыков межнациональных отношений в досуговой деятельности иностранных студентов.

Способами достижения поставленных целей являются изучение отечественного и зарубежного опыта по заявленной теме, проведение педагогического эксперимента на факультете по работе с иностранными студентами ПГПУ в условиях досуговой деятельности.

А.Л.Минченкова (Балашов)

РАБОТА ПО СОВЕРШЕНСТВОВАНИЮ ГРАМОТНОСТИ УЧАЩИХСЯ НА УРОКАХ РУССКОГО ЯЗЫКА

Сейчас в стране осуществляется эксперимент по внедрению тестирования как единой формы государственного выпускного и вступительного экзаменов. При использовании тестовой формы итогового контроля проверяется в основном как раз орфографическая и пунктуационная грамотность выпускников и абитуриентов. Между тем ни для кого не секрет, что грамотность выпускников школ за последние годы снизилась. Это обстоятельство заставляет искать новые формы обучения.

Лингвистическую основу орфографических действий составляют знания по фонетике, словообразованию, морфологии, синтаксису. Минимум знаний по этим дисциплинам, необходимый учащимся для верного применения орфографических правил, определен программой по русскому языку. Неправильные написания свидетельствуют о том, что учащиеся как раз не владеют этим минимумом знаний.

Обучение орфографии предполагает определенную последовательность в усвоении учащимися различного рода написаний. Без соблюдения этой последовательности нарушается **система**, обеспечивающая постепенное накопление знаний и совершенствование навыков письма, а ученики лишаются возможности в каждом отдельном случае опираться на ранее пройденное. **Именно возможность** опереться на предшествующий опыт, возможность использовать приобретенные ранее знания и делает учащегося способным активно действовать при решении задачи. А активная деятельность с учебным материалом способствует лучшему его усвоению.

На наш взгляд, одним из эффективных средств закрепления знаний учащихся в области орфографии является **орфографический разбор.** Он чаще всего применяется в сочетании с морфемным, словообразовательным и морфологическим разборами.

Следующим этапом осознанной работы учащихся является анализ орфографической насыщенности текста. Таблица количества орфограмм в тексте и таблица индивидуальных ошибок учащихся дает возможность учителю планировать дальнейшую работу. Предложенный способ требует новых форм работы. Такой новой формой будет **индивидуально-предупредительный диктант,** который позволит не допустить закрепления в сознании школьников неверного написания, почти не поддающегося после исправлению. Здесь создаются условия для осознанного восприятия орфографии текста, для формирования **самоконтроля.**

Предложенный способ формирования орфографических умений дает возможность учителю объединить знания учеников по фонетике, морфемике, словообразованию, лексике, морфологии, орфографии, пунктуации, что обеспечивает **комплексный** подход как оптимальный в изучении языковых фактов. Именно комплексный подход в обучении орфографии поможет, на наш взгляд, повысить орфографическую грамотность учащихся.

Канд. пед. наук Г.Н. Можайцева (Балашов)

ПСИХОЛОГО-ПЕДАГОГИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ ФОРМИРОВАНИЯ ТВОРЧЕСКОЙ ЛИЧНОСТИ СТУДЕНТА-ФИЛОЛОГА

Студенческий возраст (18-20 лет) характеризуется достаточно высоким уровнем обучаемости – способностями принимать и активно перерабатывать получаемую информацию (Б.Г.Ананьев, А.А.Бодалев, Ю.Н.Кулюткин и др.) в силу следующих особенностей возраста:

1) высокая степень сформированности обобщенной картины окружающего мира;

2) сформированность психологических свойств и высших психологических функций (внимание, речь, память, эмоции и др.);

3) высокий уровень развития абстрактного логического мышления;

4) способность устанавливать глубинные взаимосвязи между различными областями изучаемой реальности;

5) готовность к взаимодействию в коммуникации, сопровождаемая эмоциями.

Формирование личности учителя носит творческий характер (А.В.Брушлинский, Б.М.Петров, Ю.М.Рагозин), что подтверждается результатами экспериментального обучения (ЭО) студентов-филологов БФ СГУ, проведенного в курсе речеведческих и психолого-педагогических дисциплин по теме исследования и включавшего работу по обучению студентов умениям и навыкам содержательной, языковой и дидактической выразительности.

Результатом исследования явилось определение *коммуникативно-познавательных* и *коммуникативно-речевых* умений отбирать выразительные средства содержательной, языковой и дидактической выразительности: *умение* сознательно отбирать учебный материал, вызывающий у школьников познавательный интерес; *умение* использовать языковые средства выразительности от фонетики до синтаксиса в дидактических целях; *умение* подчинять содержательные и языковые выразительные средства эффективному решению дидактических задач: выбор средств, активизирующих внимание, память, воображение и другие психические функции познающей личности; оценочные суждения, диалогичность монологических высказываний и т.п.

Исследование философских и психологических концепций развития человека позволило выделить *шесть центров* развития личности (термин П.Д.Успенского, 1990): интеллектуальный, эмоциональный, речевой, коммуникативный, поведенческий, физический, четыре из которых напрямую связаны с речемыслительной деятельностью, что позволило сделать важный *методический вывод*: овладение педагогически ориентированной речью в ее воздействующей функции дает возможность педагогу на глубоко осознанном уровне понять предназначение своего учебного предмета, увидеть его не как *цель обучения*, а как *средство развития человека*.

Канд. пед. наук В.А.Отришко (Балашов)

ТЕКСТ – ОСНОВНАЯ ЕДИНИЦА ОБУЧЕНИЯ И РАЗВИТИЯ ШКОЛЬНИКОВ

Опора на чувство языка (языковую интуицию) является одним из важнейших принципов обучения родному языку. По словам Л.П. Федоренко, «чувство языка приобретается путем запоминания речи, звучащей (написанной) в окружающей среде» (Л.П.Федоренко 1979).

Окружающая среда – это мир текстов, которыми мы слышим, читаем, произносим. Это они и создают ту атмосферу, в которой живет, дышит,

развивается ребенок. Вот почему так важно организовать обучающую речевую среду на уроках русского языка.

Методическим средством, которое служит основой создания на уроках русского языка не только обучающей, но и развивающей речевой среды, является текст.

В лингвистике текст определяется как категория, которая показывает «язык в действии».

Именно это качество текста позволяет сделать речевую среду на уроке не искусственной, а совершенно естественной.

Работа с текстом должна превратиться в полилог, активным участником которого станет каждый ученик.

Создание на уроках русского языка атмосферы совместной творческой деятельности учителя и учащихся пробуждает интерес школьников к работе с текстом. Постепенно она приобретает исследовательский характер, что определяется тем, какие именно задания предлагаются к тексту, как сформулированы эти задания, какова последовательность их выполнения.

Возрастающий интерес к функциональной стороне языка способствовал тому, что в центре внимания методов, исследователей, учителей оказался текст как лингвистическое целое (Горшков А.И., Никитина Е.А., Ладыженская Т.А., Ипполитова М.А. и др.).

Действующие учебные программы (в их числе и авторские), Учебные комплексы по русскому языку позволяют учителю вести работу по формированию коммуникативных умений учащихся в двух взаимосвязанных направлениях – познавательном и практическом.

Познавательное направление – это изучение основ науки о языке, которые необходимы для понимания языка как системы взаимосвязанных единиц, участвующих в порождении речи – в коммуникации – для создания теоретических основ развития речи, для формирования орфографических, пунктуационных навыков, речевых умений.

Практическое направление закрепляет теоретические знания и создает предпосылки для понимания учащихся коммуникативной.

Текст, объединяющий в себе все языковые уровни, является средством, позволяющим научить детей мыслить не формально, не отстраненно, а системно, исходя из содержания, из контекста.

Одним из главных требований в организации учебной деятельности по усвоению учащихся родного языка является постоянное внимание к смысловой стороне рассматриваемых языковых явлений (лексических, грамматических, словообразовательных, орфографических, пунктуационных), к особенностям их использования в речи для более точной и ясной передачи, смысла высказывания.

Опыт работы показывает, что среди направлений работы с художественным текстом наиболее эффективными являются: обучение чтению; семантизация незнакомых слов; введение и объяснение специфики новых лингвистических понятий на материале художественного текста; наблюде-

ние за текстом (композиция, структура, тема, главная мысль, стилистический и полный лингвистический анализ текста).

Наиболее результативными формами учебной деятельности в работе с художественным текстом является работа «малыми» группами и межгрупповая учебная деятельность. Специфика работы «малой группы» создает каждому учащемуся, работающему в ее составе, ситуацию общения в условиях психологического комфорта.

Работа над текстом способствует созданию творческой атмосферы на уроке, устраняет психологические барьеры, пробуждает интерес к урокам русского языка и в итоге решает проблему качества знаний, успеваемости, воспитания речевой и общей культуры, моральных качеств.

Канд. пед. наук С.С.Пашковская (Пенза)

ЧТО ОБЩЕГО МЕЖДУ ПЕНЗОЙ И «МЕРСЕДЕСОМ-БЕНЦ»? (ФОНЕТИЧЕСКИЙ ЭТЮД)

Несколько лет назад я была на одной очень интересной международной конференции в г. Москве, куда приехали филологи-русисты из разных стран мира.

На вопрос: «А вы откуда?» – я ответила: «Из Пензы». Удивленные, округлившиеся глаза господина из одной арабской страны.

– Это как «Мерседес»?

– ?! Какой «Мерседес»?

– «Бенц».

Как преподаватель-фонетист наконец начинаю понимать, что наш разговор, производящий впечатление «коммуникативной неудачи», не что иное, как результат интерференции, т.е. влияния родного языка. Эта фонетическая интерференция распространяется и на фонетический слух: носитель того или иного языка слышит звуки чужого языка как бы через призму системы родного – он слышит те фонетические различия и вообще фонетические особенности, которые есть в его родном языке, и – без специального обучения – не слышит специфических особенностей иностранного.

Следствием фонетической интерференции является акцент, который и проявляется в речи на изучаемом (неродном) языке. Каждый тип акцента характеризуется специфической совокупностью акцентных черт (Самуйлова Н.И., 1971).

Сопоставительный анализ фонетических систем русского и арабского языков позволил выявить арабский акцент в русском произношении:

В области согласных

1. Неразличение одной пары по глухости – звонкости: [п]-[б].
2. Отсутствие мягкости и неразличие твёрдых и мягких согласных.
3. Замена заднеязычного [х] увулярным [h].

В области гласных

1. Отсутствие [ы] и неразличие [и]-[ы].

2. Неразличие гласных по подъёму. Смешение [и]-[э]; [у]-[о].

3. Отсутствие редукции.

<u>В области суперсегментных единиц.</u>

1. Трудности в усвоении русского подвижного ударения.

2. Трудности в овладении интонацией ИК-3/общего вопроса.

Итак, на примере слова Пенза прослеживаем неразличение [п]-[б] по глухости – звонкости;

язычный, зубной, твёрдый, щелевой [з] воспринимается арабами как языковой, зубной, твёрдый аффрикат [ц];

отсутствие редукции в арабском языке не позволяет услышать короткий, заударный [ъ] - [п’энзъ];

отсутствие мягкости приводит к неразличению мягкого [п’] и твёрдого [б], так Пенза воспринимается ухом араба как «Бенц».

Докт. филол. наук А.В.Пузырёв (Пенза)

ПЕДАГОГИЧЕСКИЕ И МЕТОДИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ УНИВЕРСАЛЬНОЙ СХЕМЫ НАУЧНОГО ИССЛЕДОВАНИЯ В ПРАКТИКЕ ПРЕПОДАВАНИЯ СОВРЕМЕННОГО РУССКОГО ЯЗЫКА

В настоящем докладе хотелось бы представить своё ви́дение педагогических и методических аспектов использования универсальной схемы научного исследования в практике преподавания современного русского языка. Сразу же заметим, что данная тема рассматривается нами в авторском курсе «Введение в курс современного русского языка», извлечение из которого здесь и предлагается.

Напомним, что универсальная схема научного исследования, о которой идет речь, имеет своим автором ныне живущего современного российского философа А.А.Гагаева (см.: А.А.Гагаев 1991). Предложенный А.А.Гагаевым вариант общей теории систем выступает в виде очень строгой методологии с жёсткой последовательностью конкретных шагов исследователя.

Поскольку о данной схеме мы писали уже не единожды (см.: А.В.Пузырёв 1995; 2002; 2003; 2004), постольку приведём лишь саму эту схему, не сопровождая её какими-либо разъяснениями:

	Всеобщее	Общее	Конкретно-абстрактное	Особенное	Единичное
Всеобщее	1	5	4	3	2
Общее	6	7	8	9	10
Особенное	14	11	12	13	15
Единичное	19	16	18	17	20

Какие общепедагогические аспекты использования данной схемы могут быть усмотрены?

Во-первых, универсальная схема делает очевидными некоторые общие места. Очевидной становится связь любого закона и его носителя (2-ая и 5-ая целевые подсистемы): никакой закон Вселенной не имеет силы, пока не находит своего носителя. В этом смысле мир начнёт улучшаться только тогда, когда улучшаться начнем мы сами. Мысль сама по себе не новая, но здесь она выступает со всей очевидностью.

Законы общественной жизни пролегают через самого человека. В каждом конкретном человеке следует различать действие всего лишь двух кардинальных законов развития: закон саморазвития и самоорганизации, с одной стороны, а с другой стороны – закон стагнации и саморазрушения.

В физике существует понятие энтропии. По мнению известного австрийского физика Л.Больцмана, энтропия – мера беспорядка в системе: минимум энтропии наблюдается в совершенным образом организованных системах, а максимальная энтропия соответствует полному хаосу. Всякая система, состоящая из очень большого числа частиц, будет переходить от состояний менее вероятных к состояниям более вероятным, осуществляющимся большим числом способов. Все виды энергии стремятся к превращению в тепловую, а она равномерно распределяется по пространству (состояние максимума энтропии). Согласно второму закону термодинамики, «при самопроизвольных процессах в системах, имеющих постоянную энергию, энтропия всегда возрастает» (нем. физик Р.Клаузис).

По отношению к проблемам психологии жизни максимум энтропии выглядит как полное отсутствие осознавания собственной жизни и подчинение, согласно позднему Фрейду, силе Танатоса (неосознаваемому стремлению к смерти), тогда как минимум энтропии наблюдается в случаях повышенного внимания человека к психологическим законам своей жизни и в случаях повышения уровня собственной психологической организации.

По отношению к проблемам существования современного русского языка максимум энтропии выглядит как полное разрушение норм, как пренебрежение литературными нормами русского языка, тогда как понимание и знание литературных норм, осознанное к ним отношение характеризует минимум энтропии, т.е. сохранение и развитие языка.

Во-вторых, очевидным становится вывод, согласно которому случайностей не бывает. Ведь что мы полагаем случайным? – Случайным мы чаще всего считаем какой-либо уникально-неповторимый факт (в используемой схеме случайному соответствует категория единичного). Благодаря таблице очевидно, что в любом единичном (в нашем уникально неповторимом восприятии) всегда пересекаются особенное (материальный факт), общее (внутренний закон становления и развития данного явления) и всеобщее (та совокупность условий и причин, которая привела к реализации данного закона в конкретном факте). Действительность предмета – это одновременное и неповторимое проявление его явления, сущности и бытия в конкретной точке времени и пространства (это уникальность нашей интерпретации, нашего восприятия реальности). Логика вынуждает нас сделать очень важный вывод: действительность такова, какой мы ее видим, а на

уровне интерпретации каждый прав, и это заставляет относиться к другой, не совпадающей с нашей точке зрения с заведомым уважением.

Один и тот же придорожный камень на уровне единичного может предстать скалой, которая вот-вот раздавит тебя (в восприятии муравья), или мелким камушком, не стоящим внимания (в восприятии человека), или даже пылью (в восприятии великана). Но если отрастить себе сознание великана – это не устранит камней на дороге, это не избавит от житейских трудностей, но позволит воспринимать эти камни, эти трудности как указатели к лучшей жизни. Правда, здесь нужна смелость взглянуть на события с не совсем привычной точки зрения.

В-третьих, не менее очевидным становится вывод о том, что если явление (материальное тело) уничтожимо, то сущность (внутренний закон развития данного явления) неуничтожима в принципе. С одной стороны, одна и та же сущность может воплощаться в разных телах, с другой – одно и то же тело может воплощать различные (подчас противоположные) законы развития. При целенаправленных размышлениях над выводами, вытекающими из обсуждаемой универсальной схемы, вполне реальной становится возможность видеть сущность человека, происходящих с ним событий без владения какими-либо экстрасенсорными способностями.

В-четвёртых, ясным и понятным становится то обстоятельство, что у каждого события есть свой смысл (4-я целевая подсистема), и когда этот смысл становится понятным, неприятное событие, если оно имело место, теряет свои негативные для данного человека последствия. В этом плане, если гостям хозяин открывает дверь, те перестают звонить в дверной звонок. В этом плане, если человек понимает глубинный смысл своего, например, заболевания, данное заболевание в нём теряет свои движущие силы. Если мы поймём истинный смысл разрушения в современных СМИ литературных норм, то это разрушительное влияние нас коснуться не сможет.

Представление о четырёх ступенях сущности языка (напомним их – мышление, язык в собственном смысле слова, речь и коммуникация) полезно и в методическом аспекте.

Вопрос: А для чего нам надо знать о существовании 4-х ступеней сущности русского языка? Что это даст при изучении современного русского языка?

Ответ:

Знание о том, что современный русский язык – явление многоаспектное, даёт нам свободу в размышлениях и чёткое представление о том, какие разделы науки нам требуется знать, чтобы оказаться нормальным учителем русского языка.

А какие именно конкретные науки нам надо знать, чтобы считать себя основательно подготовленным специалистом в области языка?

Уровень мышления. Под мышлением понимается познавательная по функции психическая деятельность человека, в результате которой достигается новое знание. Русское языковое мышление входит в исходные при-

чины и условия существования русского языка, т.е. служит основанием современного русского языка. Проблемами мышления занимаются психология, психофизиология, зоология, биология, антропология, культурология, концепции современного естествознания, история (в том числе история человечества, история отечества), археология, политология, история религий и т.д.

Иными словами, студенту-лингвисту для того, чтобы чувствовать себя профессионально подготовленным в области оснований современного русского языка, следует иметь достаточно обширные представления в области перечисленных наук.

Уровень языка. Язык – это система языковых знаков и правил их использования. Данная система служит важнейшим средством человеческого общения, одним из важнейших способов выражения самосознания личности, одним из способов хранения информации и передачи ее от поколения к поколению.

Важно помнить, что язык увидеть, услышать и потрогать нельзя, поскольку он скрывается под поверхностью речевых явлений.

При изучении этой стороны русского языка, т.е. самой его сущности, самой его основы, требуется знание следующих наук: языкознание (различные модели языка), логика, математика, статистика, информатика и т.д.

Почему при изучении языка необходимо знание логики? Мы уже говорили о том, что сущность непосредственно наблюдать невозможно, о ней мы можем только предполагать. Поскольку свои предположения мы должны выстроить в логически правильном виде, потому нам и требуется знание простейших логических операций, знание логики.

Почему при изучении языка необходимо знание математики и информатики? Благодаря информатике мы получаем знание о построении различного рода алгоритмов, о тех или иных моделях искусственного интеллекта. В то же время мы знаем, что некая умопостигаемая сущность проявляет всегда себя в тех или иных статистически выраженных процессах. Вот почему настоящий лингвист не может обойтись без знания основ математики и статистики.

Уровень речи. Русская речь – это то, во что превращается русский язык, это то, в чём он материализуется. Речь – это та реальность, которая обладает материальными признаками, это то, что предстает «в виде движущихся слоёв воздуха».

При изучении этой стороны русского языка студенту-филологу следует иметь представление о строении речевого аппарата, о звуковой стороне речи, о речевом и неречевом существовании языка, о языке мимики и жестов, о материально выраженном и материально не выраженном языке и его единицах.

Уровень коммуникации. Коммуникация — это взаимодействие людей с помощью знаковых средств языка, но не любое такое взаимодействие. Это взаимодействие, вызванное потребностями совместной деятель-

ности и направленное на значимое изменение в состоянии, поведении и личностно-смысловых образованиях партнёра.

Следует отличать общение (коммуникацию) от квази- и псевдообщения.

В случаях псевдообщения партнёр выступает не субъектом, а объектом использования знаковых средств языка, примером чего может служить гипноз.

Яркой иллюстрацией квазиобщения является диалог двух пензенских старушек, записанный студентами в магазине «Дон»: «Ну, как дела»? – «Да плохо...» – «Ну, и слава богу!..» Начинающая и заканчивающая диалог старушка настолько не слышит ту, о состоянии дел которой спрашивает, что допускает формулу ободрения «слава богу». Это любопытно, но вторая старушка никакого несоответствия так и не заметила. Очевидно, что квазиобщение в действительности имеет место значительно большее, нежели это замечают рядовые носители языка и даже лингвисты.

При изучении этой стороны русского языка студенту-филологу следует иметь представление о закономерностях и об особенностях общения людей друг с другом, о культурных стереотипах общения, об ограничениях усвоения воспринимаемой информации. Иными словами, ему нужны сведения из области психолингвистики, теории коммуникации, социолингвистики, теории мимики и жестов и т.д.

Пять основных аспектов изучения современного русского языка (генетический, логический, динамический, функциональный, личностный аспекты).

Вопрос: А для чего нам надо знать о 5-ти целевых подсистемах в изучении русского языка? Что это даст нам при изучении современного русского языка? Какие науки надо знать?

Ответ:

Он во многом совпадает с ранее прозвучавшим. Знание о том, что современный русский язык – явление многоаспектное, даёт нам свободу в размышлениях и четкое представление о том, какие разделы науки нам требуется знать, чтобы оказаться нормальным учителем русского языка.

Целевая подсистема «всеобщее». Она предполагает рассмотрение генетического аспекта, плана происхождения того или иного языкового факта на всех 4-х ступенях его сущности.

Студенту-лингвисту для того, чтобы чувствовать себя профессионально подготовленным в области генетических аспектов современного русского языка, следует иметь достаточно обширные представления в области теорий происхождения языка, истории русского литературного языка, исторической грамматики, старославянского языка, онтопсихолингвистики и других наук, рассматривающих (фило- и онто-) генетический аспект языковых явлений.

Целевая подсистема «общее». Она предполагает учет логического аспекта рассмотрения языковых фактов на всех 4-х ступенях их сущности.

Студенту-лингвисту для того, чтобы чувствовать себя профессионально подготовленным в области логических аспектов современного русского языка, следует иметь достаточно обширные представления в области теорий мышления и человеческой психики, в области теории фонетики, лексикологии, морфемики и словообразования, синтаксиса, в области теорий звучащей речи, а также в области различных теорий коммуникации.

Целевая подсистема «конкретно-абстрактное». Она предполагает учёт деятельностного, динамического, процессуального аспекта рассмотрения языковых фактов на всех 4-х ступенях их сущности.

Студенту-лингвисту для того, чтобы чувствовать себя профессионально подготовленным в области деятельностных аспектов языка на всех 4-х ступенях его сущности, предстоит познакомиться с психологией мышления и речи, с данными психолингвистики, с требованиями статистики и теорией человеческого воздействия и восприятия.

Целевая подсистема «особенное». Она предполагает учёт функционального (в том числе целевого) аспекта рассмотрения языковых фактов на всех 4-х ступенях их сущности.

Студенту-лингвисту для того, чтобы чувствовать себя профессионально подготовленным в области функциональных аспектов современного русского языка, следует иметь достаточно обширные представления в области стилистики, прагматики, социолингвистики, риторики, теории речевого влияния и воздействия.

Целевая подсистема «единичное». Она предполагает учет идиостилевого (личностного) аспекта рассмотрения языковых фактов на всех 4-х ступенях их сущности.

Студенту-лингвисту для того, чтобы чувствовать себя профессионально подготовленным в области идиостилевых аспектов современного русского языка, следует иметь достаточно обширные представления об особенностях авторских стилей мышления, языка, речи и коммуникации, об уникально-неповторимых характеристиках того или иного авторского стиля.

Подводя итоги весьма краткому обзору педагогических и методических аспектов использования универсальной схемы научного исследования в практике преподавания современного русского языка, повторимся, что знание данной схемы позволяет сформировать у студентов-филологов целостное представление о современном русском языке и, в каком-то смысле, целостное представление об окружающей реальности, а целостность, как известно, неуязвима.

Цитируемая литература:

Гагаев А.А. Теория и методология субстратного подхода в материалистической диалектике. – Саранск: Изд-во Мордовск. ун-та, 1991. – 308 с.; вкл.

Пузырев А.В. Анаграммы как явление языка: Опыт системного осмысления. – М.; Пенза: Ин-т языкознания РАН, ПГПУ им. В.Г.Белинского, 1995. – 378 с.

Пузырев А.В. Опыты целостно-системных подходов к языковой и неязыковой реальности: Сборник статей. – Пенза: ПГПУ имени В.Г.Белинского, 2002. – 163 с.

Пузырев А.В. Законы фонетики и графики как законы жизни // XIY Международный симпозиум по психолингвистике и теории коммуникации "Языковое сознание: устоявшееся и спорное " (Москва, 29-31 мая 2003 г.). – М.: Ин-т языкознания РАН; РосНоУ, 2003. – С. 216-217.

Пузырев А.В. Закон экономии усилий в аспекте тетрахотомии *всеобщее – общее – особенное – единичное* // Язык и мышление: Психологический и лингвистический аспекты. Материалы 4-ой Всероссийской научной конференции (Пенза, 12-15 мая 2004 г.) / Отв. ред. проф. А.В.Пузырев. – М.; Пенза: Институт языкознания РАН; ПГПУ имени В.Г.Белинского; Администрация г. Пензы, 2004. – С. 53-65 с.

Пузырев А.В. Языковая картина мира в русских анекдотах: (Опыт системного подхода) // Язык и мышление: Психологический и лингвистический аспекты. Материалы 4-ой Всероссийской научной конференции (Пенза, 12-15 мая 2004 г.) / Отв. ред. проф. А.В.Пузырев. – М.; Пенза: Институт языкознания РАН; ПГПУ имени В.Г.Белинского; Администрация г. Пензы, 2004. – С. 145-158.

Канд. пед. наук Т.В.Стрыгина (Пенза)

ПУТЬ В «СФЕРУ МЫСЛИ»

В современных научных исследованиях особое внимание обращается на развитие мыслительной активности школьников. Важно, чтобы ребенок не только обладал суммой знаний, но и мог применять их в новой ситуации. Грамматика, наука в «высшей степени абстрактная», дает возможность развивать логику, мышление учащихся, умение обобщать и систематизировать.

В содержание обучения русскому языку входит вопрос о функционировании языковых единиц в речи. В методической науке разрабатываются функциональное (исследования Т.К.Донской, А.Ю.Купаловой, Т.М.Воителевой и других ученых), функционально-семантическое (работы С.И.Львовой, Е.Н.Пузанковой и др.) направления в преподавании русского языка. Функционально-системный подход призван обобщить ряд наметившихся ранее подходов, он предполагает применение единиц языка на всех уровнях языковой системы (Г.А.Фомичева). Школьники усваивают функции частей речи и их категорий, знания преподносятся в определенной системе, которая строится с учетом триединства *язык – языковая норма – речь*.

В работе «О частях речи в русском языке» М.Н. Петерсон подчеркивал, что главная роль частей речи – обобщение. Основное противопостав-

ление в системе частей речи, по мысли Н.С.Поспелова, – это противопоставление слов, объединяемых грамматическими категориями рода, числа и падежа, и слов, объединяемых грамматическими категориями лица, времени и наклонения.

Проведенное экспериментальное исследование показало, что после изучения основ морфологии целесообразно обратиться к наблюдениям за указанными противопоставлениями в системе частей речи, что позволяет осознанно подойти к освоению морфологической системы, дает возможность развивать мышление учащихся с учетом общелогических категорий: противопоставление, обобщение, причина, следствие и т.д.

По нашей концепции, основные морфологические понятия (единицы языка) изучаются в 5, 6, 7 (первое полугодие) классах, с этим блоком взаимосвязаны два других – «нормативность речи» и «развитие устной и письменной речи». В 7 классе (второе полугодие) морфологическая система языка осмысливается с учетом сравнений, противопоставлений различных категорий частей речи. Высвобождение этого времени позволяет закрепить морфологические нормы, уделить внимание развитию речи. Так, работа над функционально-смысловыми типами речи идет с учетом знаний учащихся о типах текста (констатирующем и аргументирующем), видах информации и видах текста (теория вопроса, представлена, в частности, в работах Н.С.Валгиной). В 10-11 классах – повторительно-обобщающий этап.

Изучение морфологии на основе функционально-системного подхода подтверждает высказывание Н.И.Жинкина, который образно характеризуя грамматику, называл её «трамплином, от которого следует оттолкнуться, чтобы попасть в сферу мысли» (Н.И.Жинкин 1982:45).

Докт. пед. наук О.В.Филиппова (Саранск)

КОММУНИКАТИВНАЯ ЛИЧНОСТЬ УЧИТЕЛЯ-БИЛИНГВА: МЕТОДИЧЕСКИЙ АСПЕКТ

Формирование культуры речи учителя в условиях национально-русского двуязычия имеет важное значение в связи с особым статусом учителя-словесника в национальной школе. Принимая во внимание цели обучения русскому языку в национальной школе, выделенные в госстандартах образования, а именно – формирование языковой, коммуникативной и этнокультурной компетенции учащихся, – следует признать очевидным в процессе обучения в вузе приоритетность наряду с базовой языковой подготовкой будущего учителя-билингва и подготовки риторической, так как достижение поставленных целей возможно только при условии, что учитель-словесник являет собой реализованную в индивидуальной форме *эталонную коммуникативную личность* билингва. Цель статьи – обозначить содержание понятия *коммуникативная личность учителя-билингва*, выделить необходимые составляющие этого понятия и вычленить тем самым направления в работе вуза по формированию коммуника-

тивной личности будущего учителя-словесника в условиях национально-русского двуязычия.

Как известно, термины *языковая личность, речевая личность, коммуникативная личность* подчеркивают антропоцентрический подход к языку и используются в лингводидактике для более четкого обозначения целей, содержания и, главное, идеи языковой подготовки.

Под языковой личностью понимается *совокупность способностей и характеристик человека, обусловливающих создание и восприятие им текстов* (Караулов Ю.Н., Богин Г.И. и др.). Языковая личность как общая модель активно и успешно применяется в целях анализа общественной речевой практики, описания конкретного типа языковой личности с учетом специфики условий общения и речевых жанров, продуцируемых и воспринимаемых языковой личностью в конкретных условиях общения, разработки методологических подходов к обучению речи.

За последнее время в изучении языковой личности доминирует *коммуникативно-деятельностный ракурс*.

С точки зрения коммуникативно-деятельностного ракурса языковая личность понимается *как совокупность отличительных качеств личности, которые обнаруживают себя в коммуникативном поведении личности и обеспечивают коммуникативную индивидуальность*. В качестве составляющих языковой личности в таком случае выступают такие компоненты, как “стиль жизни”, “стиль поведения” наряду с “языковым вкусом”, “языковым чутьем”, “языковой компетентностью”, “языковой способностью”.

В научных исследованиях предпринимаются попытки вычленить и упорядочить всевозможные аспекты описания языковой личности, выделить основания типологии, предпринимаются попытки составить типологию, опираясь на принадлежность языковой личности тому или иному типу речевой культуры, той или иной профессии. Действительно, профессиональный отпечаток можно заметить как в самом содержании, так и формальной организации текстов, продуцируемых личностью. Так, тексты, принадлежащие учителю как типу профессиональной языковой личности, по данным экспериментальных исследований, всегда отличаются четкой дикцией, “тенденцией подчинительности”, повышенным самоконтролем, что демонстрирует заметную привычку к публичной речи.

Очень важным вопросом для методики профессионально-речевого обучения, культуры речи и риторики является вопрос об идеальной (эталонной) языковой личности, могущей выступить как образец в практике обучения речи. К сожалению, приходится констатировать, что проблема эта находится только в самом начале своего решения.

Анализ структуры языковой личности, описанной в работах Г.И. Богина, Ю.Н. Караулова и др., позволяет выделить в ней те стороны, которые оказываются наиболее значимыми в целях профессионально-риторической подготовки будущего учителя.

Если использовать модель Г.И. Богина, то это - высший уровень языковой личности – уровень адекватного синтеза, - включающий систему го-

товностей к овладению разными стилями речи и созданию текста в том или ином стиле, а также со смешением стилей в той мере, в какой это необходимо для оптимизации речевого воздействия. Индивидуальный стиль речи в модели языковой личности выступает показателем высшего уровня готовности языковой личности к речевой деятельности.

В терминах, используемых для описания этого уровня, значатся такие, как "коммуникативно-содержательная обусловленность использования подъязыка", "коммуникативно-содержательная обоснованность использования вида словесности", "риторическая обоснованность использования подъязыка", "риторическая и эстетическая обоснованность использования вида словесности", "категория социально-этического", "категория индивидуально-характерологического" (термины Г.И.Богина) и т.д. Все это указывает на коммуникативно-речевой уровень структуры языковой личности, который можно обозначить термином *речевая личность*, *коммуникативная личность*. Этот термин уже начинает употребляться в работах, посвященных проблеме языковой личности. На необходимость введения понятия *речевая личность* указывал и автор создания модели языковой личности Г.И. Богин. По его мнению, речевая личность в отличие от языковой личности идиостильна [Языковая личность и семантика, 1994, с.21], и в этом ее методическая ценность для исследований индивидуального стиля речи.

Педагогическая риторика использует понятие языковой личности учителя и учителя-билингва, выделяя в нем в качестве приоритетных необходимые, соответствующие профессионально-речевым умениям уровни коммуникатитивно-речевых способностей личности учителя и систему речевых жанров педагогической речи, обслуживающих речевую деятельность учителя, тем самым, можно сказать, что она также пользуется скорее понятием коммуникативная (речевая) личность.

Если опереться на определение коммуникативной личности как риторической категории, отражающей уровень коммуникативной (риторической) компетенции и коммуникативных (риторических) способностей личности, проявляющих себя в речевом поведении, в создании речевого жанра, в индивидуальном стиле, то окажется очевидным, что

коммуникативная личность билингва – риторическая категория, отражающая уровень коммуникативной компетенции в области двух языков и двух национально-специфических форм речевого поведения, а также уровень коммуникативных способностей личности, проявляющихся в адекватном выборе той или иной формы речевого поведения, в создании речевого жанра на том или ином языке, в индивидуальном стиле.

Уровни коммуникативной личности билингва имеют свою специфику.

Ценностный – представление о речевом идеале разных культур, поиск общих и отличительных черт, стремление к воплощению тех или иных черт в своем индивидуальном речевом поведении.

Мотивационный – доминирующий мотив в общении, отражающийся в избираемой стратегии и тактике общения. Он может быть направлен на со-

хранение культурного общения, гармонизацию общения или на отстранение, или даже разрушение устоявшихся норм общения и т.д.

Прагматический – уровень способностей к общению, включающий систему знаний риторического характера.

Становление коммуникативной личности билингва происходит в активном речевом общении на родном и неродном языках. Билингв живет в мире речевых жанров, эталонов и норм речевого поведения разных, но сосуществующих и активно взаимодействующих речевых культур. Коммуникативная личность билингва в силу своей индивидуальной направленности выделяет для себя престижные дискурсы, необходимые для формирования своего внутреннего кругозора, выделяет престижные типы речевого поведения, обслуживающие это речевое поведение речевые жанры, стремится включить их в свой коммуникативно-речевой багаж.

Идеальная (эталонная) коммуникативная личность, воспитание которой входит в задачу вузовской риторической подготовки будущего учителя-билингва, противопоставляется рядовой коммуникативной личности. В исследованиях, посвященных типологии коммуникативных личностей, коммуникативная личность учителя относится к элитарному типу речевой культуры, который отличается прежде всего коммуникативной способностью заботиться об адресате, выбирать адекватные собеседнику языковые средства общения, умело использовать риторические приемы, облегчающие общение, другими словами, воплощает в индивидуальной форме *речевой идеал учителя*.

Речевой идеал учителя – система характеристик речевого поведения, отвечающих гуманистическому началу и воплощающих эталонную модель личности педагога.

Коммуникативная личность учителя-билингва в условиях мордовско-русского двуязычия неизменно несет в себе черты речевого идеала двух культур. Истоки отечественного речевого идеала, как показало исследование А.К. Михалькой, восходят к риторическому идеалу античности и этическим традициям православного христианства [Михальская А.К. Педагогическая риторика: история и теория, 1998]. Для русского речевого идеала всегда были характерны такие черты, как уважение и внимание к собеседнику, доброжелательность и дружелюбие, кротость, отсутствие многословия и грубости.

Нормы речевой этики, принципы речевого поведения учителя складывались на протяжении многих веков. Они нашли отражение в дошедших до нас культурно-исторических памятниках, отечественных риториках, обучающих искусству академического красноречия, художественной литературе, в педагогических концепциях известных ученых-мыслителей (Н.Н.Пирогов, К.Д.Ушинский, В.П.Розанов и др.), в уставах гимназий и училищ и т.д.

В отличие от западно-европейских педагогических концепций Нового времени (Ж.Руссо, Д.Локк и др), провозглашавших принцип объективной бесстрастности, в отечественной педагогике, подчеркивает

А.К.Михальская, выдвигался принцип любви, субъективного, окрашенного теплотой эмоционального отношения к речи. Категории “соборность” и “персонализм” как перевоплотившиеся, получившие отечественную интерпретацию античные категории гармонии, меры составляют сущность субъект-субъектной модели педагогического общения.

Принципы персонализма, любви и близости включались в основу отечественного педагогико-риторического идеала на протяжении всего периода развития отечественной педагогической мысли.

Несмотря на различные интерпретации профессиональной роли учителя в современных педагогических концепциях (в концепции гуманистической направленности учитель – посредник в передаче общечеловеческих ценностей, в концепции социально-психологической направленности – помощник, “педагогический терапевт”, в концепции нормативно-функциональной педагогики учитель – носитель определенных профессионально-ролевых функций) требования, предъявляемые к поведению педагога, в том числе и речевому, не имеют значительных расхождений.

Основными качествами личности учителя признаются убежденность, настойчивость, находчивость, педагогический такт, общительность, эмоциональность (Б.Г.Ананьев., Ю.К.Бабанский, Ф.Н.Гоноболин, Н.В.Кузьмина, Ю.Н.Кулюткин, Р.Бернс, Р.Бруннер и др), а основными характеристиками речевого поведения – доверительность, искренность, теплота, доброжелательность, терпение, живость, индивидуальный стиль.

Перечисленные характеристики речевого идеала учителя выступают и как система способностей эталонной коммуникативной личности учителя-мастера, обеспечивающих реализацию речевого идеала в конкретной индивидуально-стилевой форме.

Среди многочисленных групп этих коммуникативных способностей при всей значимости каждой для развития индивидуального стиля речи, пожалуй, наибольшее значение имеют:

коммуникативно-дидактические – способности передавать учебный материал доступно, ясно, понятно, развивать познавательный интерес учащихся, используя всевозможные риторические средства учебного взаимодействия;

коммуникативно-перцептивные – способности понимать внутренний мир учеников во внешних проявлениях и строить свое общение с учетом внутреннего состояния собеседников, используя риторические знания о способах выражения внутреннего состояния человека в его вербальных и невербальных речевых средствах;

коммуникативно-экспрессивные – способности к яркой, нестандартной, оригинальной форме выражения мыслей и чувств;

коммуникативно-прогностические – способности моделировать возможные варианты речевого общения со школьниками, возможные способы решения различных коммуникативно-речевых задач, способности к речевому творчеству и фантазии;

коммуникативно-креативные – способности к творчеству, творчеству в профессиональной речи.

Категория речевого идеала учителя как содержательно-целевой концепт должен найти отражение в программных материалах вузовской риторической подготовки. На специальных занятиях по подготовке будущего учителя-билингва он может реализоваться через методы, способствующие его постижению и стимулирующие поиск индивидуального стиля воплощения его в своей профессиональной деятельности: риторический анализ профессионального речевого поведения, решение риторических задач и рефлексивные методы риторического самоанализа.

Таким образом, направления работы по формированию коммуникативной личности будущего учителя-билингва должны включать инвариантный и вариативный компоненты подготовки.

Под инвариантным компонентом следует понимать систему риторических знаний о речевом идеале учителя (как русского, так и национального) как системы характеристик, обеспечивающих эффективность его педагогической деятельности. Особенностью этого направления в условиях двуязычия является то, что осознание этой категории на практике в процессе обучения должно происходить путем освоения вариантов индивидуального воплощения в разных языковых формах бытования. Это предполагает сопоставление черт речевого поведения учителя в той и другой культуре.

Под вариативным компонентом следует понимать процесс формирования риторических умений, которые можно условно поделить на две группы: умения аналитического характера, связанные с анализом и оценкой индивидуального профессионально-речевого поведения учителя, и продуктивного характера, связанные с выбором и реализацией формы речевого поведения в соответствии с ситуацией общения и отвечающей требованиям речевого идеала. В последней группе важное место занимает процесс поиска и выработки своего индивидуального стиля речевого поведения, который проявляется в выборе словесных и невербальных средств педагогического общения.

В связи с постановкой проблемы из вышесказанного вытекают следующие научно-методические задачи:

– изучение (в том числе в сопоставительном плане) речевого идеала учителя в педагогико-риторических трудах ученых, а также по материалам русской и мордовской художественной литературы;

– отбор образцов речевого поведения учителей-билингвов, отвечающих требованиям речевого идеала учителя;

– разработка методики формирования коммуникативной личности будущего учителя-билингва с учетом указанных направлений, включением отобранного содержания и форм обучения как компонент в программу речеведческих и психолого-педагогических курсов, предусмотренных учебным планом вуза как обеспечивающих подготовку будущего специалиста.

ОГЛАВЛЕНИЕ

ОТ РЕДКОЛЛЕГИИ..... 3
Проблемы языка и мышления в генетическом и сопоставительном аспектах 4
Докт. филол. наук А.И.Бахарев (Балашов)
ЭЛЕМЕНТЫ КАТЕГОРИИ РОДА В ТЮРКСКИХ ЯЗЫКАХ..... 4
Докт. филос. н. А.А.Гагаев (Рузаевка), докт. пед. н. П.А.Гагаев (Пенза) 5
ОБ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ЗА ПРОИСШЕДШЕЕ
ДО НАШЕГО РОЖДЕНИЯ 5
Аспирант И.А.Калюжная (Волгоград)
ПОНЯТИЙНАЯ СОСТАВЛЯЮЩАЯ ЛИНГВОКУЛЬТУРНОГО
КОНЦЕПТА «РЕБЕНОК» В РУССКОМ ЯЗЫКЕ 7
Канд. филол. наук Т.Е.Качанчук (Волгоград)
КОНЦЕПТ «ВОЙНА» В КОНТЕКСТЕ
РУССКИХ ПОСЛОВИЦ И ПОГОВОРОК 8
Канд. филол. наук С.В.Кезина (Пенза)
ИДЕНТИЧНОСТЬ СТРУКТУРЫ СЕМАНТИЧЕСКИХ ПОЛЕЙ
КАК ПРОЯВЛЕНИЕ СЕМАНТИЧЕСКОЙ АНАЛОГИИ 9
О.В. Комбарова (Волжский)
КОММУНИКАТИВНЫЕ ТИПАЖИ «HAUSFRAU/ДОМОХОЗЯЙКА»
В ПАРЕМИОЛОГИЧЕСКОМ ФОНДЕ 18
Докт. филол. наук Н.А. Красавский (Волгоград)
О КОНЦЕПТЕ ‘NEID’ В НЕМЕЦКОЙ ЛИНГВОКУЛЬТУРЕ..... 19
Канд. филол. н. М.Г.Луннова (Пенза)
АССОЦИАТИВНО-ЗВУКОВАЯ ПАРАДИГМА ТОПОНИМА *РУСЬ*
В РУССКИХ НАРОДНЫХ СКАЗКАХ,
ПОСЛОВИЦАХ И ПОГОВОРКАХ 20
Канд. филол. наук Ван Минци (Китай)
СЧЁТНЫЕ СЛОВА КИТАЙСКОГО ЯЗЫКА И ЭКВИВАЛЕНТНЫЕ
СПОСОБЫ ИХ ВЫРАЖЕНИЯ В РУССКОМ ЯЗЫКЕ..... 21
Канд. филол. н. Е.Б.Никифорова (Волгоград)
О ДИНАМИКЕ КОННОТАЦИИ ЛЕКСЕМЫ «ХУДОЙ» 24
Аспирант Л.Г.Ратушная (Пенза)
К ВОПРОСУ О КРИТЕРИЯХ ОБЪЕКТИВНОСТИ ФАКТОВ АНАФОНИИ
В РУССКОЙ И АНГЛИЙСКОЙ ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ПРОЗЕ..... 26
Канд. филол. наук И.Г.Родионова (Пенза)
МОДЕЛИРОВАНИЕ СЕКРЕТНЫХ ЯЗЫКОВ КАК ВИД
МЕТАЯЗЫКОВОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ДЕТЕЙ..... 32
К. филол. н. Е.Н.Сердобинцева (Пенза)
ПРОФЕССИОНАЛИЗМЫ И ОСОБЕННОСТИ ПАМЯТИ 33
Соискатель З.М.Степанова (Пенза)
УПОТРЕБЛЕНИЕ ПРЕДЛОГОВ ВО ФРАНЦУЗСКИХ И РУССКИХ
ПОСЛОВИЦАХ (СТАТИСТИЧЕСКИЙ АСПЕКТ) 37

Соискатель Т.А.Степина (Пенза)
СТЕРЕОТИПЫ ВОИНСКОГО ОБЩЕНИЯ
В УСТАВАХ XVII-XX ВЕКОВ 42
Соискатель Е.Г.Стешина (Пенза)
ПАРЕМИИ КАК СРЕДСТВО ОБЪЕКТИВАЦИИ КОНЦЕПТА
«БЕДНОСТЬ» В РУССКОМ И ФРАНЦУЗСКОМ ЯЗЫКАХ..... 44
Канд. филол. наук Т.Ю.Тамерьян (Владикавказ)
ЯЗЫКОВАЯ ИДЕНТИФИКАЦИЯ КАК КОМПОНЕНТ
КУЛЬТУРНОГО САМООПРЕДЕЛЕНИЯ..... 51
Канд. пед. наук Г.В.Фадина (Балашов)
КОРРЕЛЯЦИЯ РЕЧИ И МЫШЛЕНИЯ ДЕТЕЙ В ПЕРИОД
ДОШКОЛЬНОГО ДЕТСТВА..... 52
Канд. пед. наук Е.Ю.Филатова (Балашов)
РАЗВИТИЕ ТВОРЧЕСКИХ СПОСОБНОСТЕЙ ДЕТЕЙ СТАРШЕГО
ДОШКОЛЬНОГО ВОЗРАСТА (В СВЯЗИ С РАЗВИТИЕМ РЕЧИ)..... 53
Соискатель Е.А.Хомяков (Пенза)
КОНЦЕПТЫ *«ПРАВДА»* И *«ИСТИНА»*
В ЛЕКСИЧЕСКОЙ НОМИНАЦИИ 54
Асп. Л.Р.Янборисова (Пенза)
КЛЮЧЕВЫЕ И ОПОРНЫЕ СЛОВА ВО ФРАНЦУЗСКОЙ И РУССКОЙ
ПОЭЗИИ (НА МАТЕРИАЛЕ СТИХОТВОРЕНИЙ П.ВЕРЛЕНА,
В.БРЮСОВА) 62

Логико-структурные аспекты
языка и мышления 70
Канд. филол. наук Л.И.Андреева (Балашов)
ТИПЫ ОТНОШЕНИЙ В СИСТЕМЕ ИМЁН СОБСТВЕННЫХ..... 70
Аспирант З.Ю.Балакина (Луганск, Украина)
ЯЗЫКОВЫЕ ИЛЛЮСТРАЦИИ ЭМОЦИОНАЛЬНЫХ КОНЦЕПТОВ
В СЛОВАРНЫХ СТАТЬЯХ..... 71
Докт. филол. наук А.Г.Баранов (Краснодар)
ЯЗЫК В ДЕЙСТВИИ – ВИДЫ РЕФЛЕКСИИ..... 72
Канд. филол. наук Л.В.Валова (Волгоград)
РЕАЛИЗАЦИЯ ПОНЯТИЙНЫХ КАТЕГОРИЙ
В ХУДОЖЕСТВЕННОМ ТЕКСТЕ 74
Докт. филос. наук А.А.Гагаев (Пенза)
ГИПОТЕТИЧЕСКАЯ МОДЕЛЬ ПСИХОФИЗИЧЕСКОЙ ПРИЧИННОСТИ
И ПСИХОФИЗИОЛОГИЧЕСКОЙ ПРОБЛЕМЫ 75
Канд. филол. н. С.В.Ионова (Волгоград)
ОСМЫСЛЕНИЕ, ПЕРЕОСМЫСЛЕНИЕ, ПОНИМАНИЕ (К ВОПРОСУ О
ПРИБЛИЗИТЕЛЬНОСТИ СОДЕРЖАНИЯ ВТОРИЧНЫХ ТЕКСТОВ)..... 77
Канд. филол. наук А.Ф.Калинин (Балашов)
ПРЕДЛОЖЕНИЯ ФРАЗЕОЛОГИЗИРОВАННОЙ СТРУКТУРЫ ТИПА
НЕТ ЧТОБЫ ПОРАБОТАТЬ; НЕТ БЫ ПОРАБОТАТЬ 78

Доктор филол. наук Ю.Д.Каражаев (Владикавказ)
ДИСКРЕТНО-КОМБИНАТОРНЫЙ ХАРАКТЕР ЯЗЫКОВОЙ СТРУКТУРЫ И ЕГО СЛЕД В ГРАММАТИКЕ НС И ГЕНЕРАТИВНОЙ ГРАММАТИКЕ 80
Канд. филол. наук О.В. Куныгина (Челябинск)
СЕМАНТИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ЧАСТИЦ, ВЫРАЖАЮЩИХ ЗНАЧЕНИЕ СОМНЕНИЯ 82
Аспирант О.С.Макарова (Волгоград)
ФЕНОМЕН МЕТАФОРЫ В ПСИХОЛИНГВИСТИЧЕСКОМ АСПЕКТЕ 84
О.А.Михайлина (Краснодар)
ОПИСАНИЕ ГЛАГОЛЬНОЙ ЛЕКСИКИ КАК СПОСОБА СТРУКТУРАЦИИ ЗНАНИЙ 85
Аспирант Н.А.Пешехонова (Елец)
К ВОПРОСУ О СТРУКТУРНОЙ СХЕМЕ ПРЕДЛОЖЕНИЙ СО ЗНАЧЕНИЕМ СОЗИДАНИЯ ОБЪЕКТА В РЕЗУЛЬТАТЕ ФИЗИЧЕСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ 86
Докт. филол. наук А.В.Пузырёв (Пенза)
ПОНЯТИЕ О СЕМИ УРОВНЯХ МАНИПУЛЯЦИЙ 88
Канд. филол. наук В.К.Радзиховская (Москва)
ПРЕДМЕТ ВЗАИМНОГО ИНТЕРЕСА В ПОЛЕ ВЗАИМНОСТИ 94
Докторант Э.А. Салихова (Уфа)
О РОЛИ КОГНИТИВНОЙ ТЕОРИИ В ПРОЦЕССАХ РЕЧЕПОРОЖДЕНИЯ 97
Аспирант О.А.Селеменева (Елец)
СТРУКТУРНАЯ СХЕМА «ГДЕ ПРОИСХОДИТ ЧТО» – ЗНАК СОСТОЯНИЯ ОКРУЖАЮЩЕЙ СРЕДЫ 98
Докт. филол. наук К.Я.Сигал (Москва)
ЛЕКСИЧЕСКАЯ ОБЪЕКТИВАЦИЯ СОЮЗНОГО МАРКЕРА СОЧИНИТЕЛЬНЫХ ОТНОШЕНИЙ В СВЕТЕ ЭКСПЕРИМЕНТАЛЬНЫХ ДАННЫХ 99
Соискатель Н.Ю.Синячкина (Пенза)
СЛОВООБРАЗОВАТЕЛЬНЫЕ ПРОЦЕССЫ И ИХ РОЛЬ В РАЗВИТИИ НЕМЕЦКОЙ ТЕРМИНОЛОГИИ МАШИНОСТРОЕНИЯ 101
Докторант Е.К.Черничкина (Волгоград)
ДОМИНАНТНОСТЬ КОММУНИКАТИВНОГО КОМПОНЕНТА ЛИЧНОСТНОГО ПОЛЯ ЧЕЛОВЕКА 106
Канд. филол. н. А.Л.Чубарова (Пенза)
ПРЕСУППОЗИЦИИ И ТИПЫ ПРЕДЛОЖЕНИЙ 108
Докторант Л.В.Шалина (Москва)
СЛОВООБРАЗОВАТЕЛЬНАЯ НОМИНАЦИЯ КАК ОБЪЕКТ ЛИНГВИСТИЧЕСКОГО ОПИСАНИЯ 109

Динамические аспекты проблемы языка и мышления 111
П.Ф.Беседин (Балашов)
ПОНЯТИЕ СИНЕСТЕЗИИ В ПСИХОЛОГИИ 111
Канд. филол. наук Н.В.Варнавских (Гуково)
ВЛИЯНИЕ ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ СПЕЦИФИКИ
И НАЦИОНАЛЬНЫХ ОСОБЕННОСТЕЙ
НА РЕЧЕВОЕ ПОВЕДЕНИЕ ЛИЧНОСТИ 112
Аспирант П.П. Ветров (Москва)
МЕТОДИКА ДОПОЛНЕНИЯ КАК СРЕДСТВО
ЛИНГВИСТИЧЕСКОГО ЭКСПЕРИМЕНТА ВО ФРАЗЕОЛОГИИ 113
Соискатель М.Р.Викторова (Пенза)
ВАРИАТИВНОСТЬ ВОСПРИЯТИЯ
ПРОДЛЕНИЯ СОГЛАСНЫХ ЗВУКОВ..... 115
Канд. филол. наук Т.В.Гоннова (Волгоград)
ПСИХОЛИНГВИСТИЧЕСКИЙ ЭКСПЕРИМЕНТ КАК СПОСОБ
ИЗУЧЕНИЯ МЕНТАЛИТЕТА НАРОДА 121
Т.А.Котова (Балашов)
РЕЧЕВАЯ ГОТОВНОСТЬ ДЕТЕЙ ДОШКОЛЬНОГО ВОЗРАСТА
К ОБУЧЕНИЮ В ШКОЛЕ 122
Асп. Е.Е.Нестерова (Волгоград)
ВЕРОЯТНОСТНОЕ ПРОГНОЗИРОВАНИЕ КАК УСЛОВИЕ
ПОНИМАНИЯ ИНОЯЗЫЧНОЙ ЭМОТИВНОЙ ЛЕКСИКИ
В ПРОЦЕССЕ ЧТЕНИЯ 123
Докт. филол. и психол. наук И.М.Румянцева (Москва)
ИНТЕГРАЦИОННЫЕ ПРОЦЕССЫ В СОВРЕМЕННОЙ НАУКЕ:
ЛИНГВОПЕДАГОГИЧЕСКАЯ ПСИХОЛОГИЯ КАК СИНТЕЗ
ЛИНГВИСТИКИ, ПЕДАГОГИКИ, ПСИХОЛОГИИ 124
Канд. филол. н. Ф.Г.Самигулина (Ростов-на-Дону)
КУЛЬТУРА И ПСИХИЧЕСКИЕ ПРОЦЕССЫ 125
Докторант Е.Н.Сердобинцева (Москва)
ПРОФЕССИОНАЛЬНАЯ ЛЕКСИКА
В АСПЕКТЕ ФУНКЦИОНАЛЬНОЙ АСИММЕТРИИ МОЗГА 127
Канд. филол.н. Я.Н.Скрипник (Ставрополь)
О КОРРЕЛЯЦИИ ЯВЛЕНИЙ СИНЕСТЕЗИИ
В ШИРОКОМ И УЗКОМ ЗНАЧЕНИИ 128
Соискатель М.А.Хизова (Краснодар)
СЕМАНТИКА КОНЦЕПТА «ДРУЖБА» В НАИВНОМ СОЗНАНИИ
РУССКИХ: РЕЗУЛЬТАТЫ АНКЕТИРОВАНИЯ 130
Соискатель Фомина Е.С. (Пенза)
ИЗМЕНЕННЫЕ СОСТОЯНИЯ СОЗНАНИЯ
И СИНТАКСИЧЕСКИЕ СВЯЗИ ХУДОЖЕСТВЕННОГО ТЕКСТА 131

Функциональные аспекты исследования языка и мышления 136
Аспирантка Л.П.Амири (Ростов-на-Дону)
НОВЫЕ ЯЗЫКОВЫЕ ПРИЕМЫ В СОВРЕМЕННОЙ РЕКЛАМЕ 136
Студ. С.А.Байшева (Пенза)
ДНЕВНИКОВЫЕ ЗАПИСИ Л.Н.ТОЛСТОГО О ЖИЗНИ И СУДЬБЕ В СИСТЕМНОМ ПРЕДСТАВЛЕНИИ 137
Студ. С.А.Байшева (Пенза)
РЕЧЕВОЕ ВЫРАЖЕНИЕ ОПТИМИЗМА И ПЕССИМИЗМА В ДНЕВНИКАХ Л.Н.ТОЛСТОГО (1853, 1910 ГОДЫ). 146
Докт. филол. наук С.В.Ильясова (Ростов-на-Дону)
ФОРМООБРАЗОВАНИЕ ИЛИ СЛОВООБРАЗОВАНИЕ? ЛИНГВОПРАГМАТИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ ИННОВАЦИЙ ТИПА «ЗВЕЗДЕЕ» 151
В.Б.Крячко (Волжский)
ВОЙНА КАК СОЦИАЛЬНОЕ ЯВЛЕНИЕ: ДИСКУРСИВНЫЙ АНАЛИЗ 152
Н.С.Куприянова (Пенза)
СМЕХ В ПОСЛОВИЦАХ И ПОГОВОРКАХ 154
А.В.Слюнько (Краснодар)
КУЛИНАРНЫЕ РЕАЛИИ В ТВОРЧЕСТВЕ (НА ОСНОВЕ ПРОИЗВЕДЕНИЯ Ч.ДИККЕНСА «ПОСМЕРТНЫЕ ЗАПИСКИ ПИКВИКСКОГО КЛУБА»). 155
Соискательница А.В. Терпелец (Армавир)
СПЕЦИФИКА ПРЕДСТАВЛЕНИЯ СОЦИАЛЬНЫХ НОРМ В МОЛОДЕЖНОМ ЯЗЫКЕ 156
Аспирантка И.А.Тропина (Ростов-на-Дону)
НАРЕЧИЯ-ИННОВАЦИИ В ЯЗЫКЕ МЕДИАЛЬНЫХ СРЕДСТВ: ФУНКЦИОНАЛЬНЫЙ И СТИЛИСТИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ 157
Докт. филол. наук И.В. Труфанова (Москва)
РИТОРИЧЕСКИЕ ФИГУРЫ И РЕАЛИЗАЦИЯ ПРИНЦИПА ПОЛЛИАННЫ 158
Аспирант А.В.Федосеева (Ростов-на-Дону)
ПОЛИТИЧЕСКИЕ АББРЕВИАТУРЫ КАК ОБЪЕКТ ЯЗЫКОВОЙ ИГРЫ 161
Докт. филол. наук В.И.Шаховский (Волгоград)
ЭМОЦИИ ВО ЛЖИ 162
Канд. филол. н. Е.А.Шибанова (Пенза)
ПРОБЛЕМА «СТЕРЕОТИПИЧНОСТЬ – КРЕАТИВНОСТЬ» В РУССКИХ И ФРАНЦУЗСКИХ БРАЧНЫХ ОБЪЯВЛЕНИЯХ 164
Аспирантка А.А. Шиповская (Тамбов)
ФРЕЙМОВЫЙ ПОДХОД К ПРОБЛЕМЕ ОРГАНИЗАЦИИ КОНЦЕПТОВ С ПРИЗНАКОМ «ЧЕЛОВЕК, ИМЕЮЩИЙ ОТНОШЕНИЕ К СФЕРЕ КОМПЬЮТЕРНЫХ ТЕХНОЛОГИЙ» (НА МАТЕРИАЛЕ

АНГЛОЯЗЫЧНОГО СЕТЕВОГО ЖАРГОНА)....169
Канд. филол. наук И.Ф.Шувалов (Пенза)
ГЛАГОЛЬНЫЕ НОВООБРАЗОВАНИЯ В ЯЗЫКЕ ГАЗЕТ 170

Эстетические аспекты взаимодействия языка и мышления 172
Канд. филол. наук О.В. Арзямова (Воронеж)
ИНДИВИДУАЛЬНО-АВТОРСКИЙ КОНЦЕПТ «ЛЮБОВЬ»
И ЕГО СМЫСЛОВЫЕ СОСТАВЛЯЮЩИЕ
В ПОЭТИЧЕСКОМ ТВОРЧЕСТВЕ В.С. ВЫСОЦКОГО 172
Докт. филол. наук В.Н.Базылев (Москва)
МОДЕЛИРОВАНИЕ ВОСПРИЯТИЯ ПЬЕСЫ ДРАМАТУРГОМ 173
Асп. И.В.Бурментьева (Пенза)
РЕЧЕВОЕ ВЫРАЖЕНИЕ ЯЗЫКОВЫХ СУБЛИЧНОСТЕЙ
В ПЬЕСЕ А.Н.ОСТРОВСКОГО «БЕСПРИДАННИЦА»....174
Канд. филол. наук Н.А.Гирина (Пенза)
ЛЕКСИЧЕСКАЯ КОНЦЕНТРИРОВАННОСТЬ В АНАФОНИИ 181
Канд. филол. н. Д.Н.Жаткин (Пенза)
КОНЦЕПТ «МУЗА» В ТВОРЧЕСТВЕ А.А.ДЕЛЬВИГА
И ПОЭТИЧЕСКАЯ ТРАДИЦИЯ ПЕРВОЙ ТРЕТИ XIX ВЕКА 184

Педагогические аспекты исследований взаимосвязи языка и мышления..... 187
Канд. филол. н. Е.О.Алексеева (Пенза)
ОБУЧЕНИЕ МЛАДШИХ ШКОЛЬНИКОВ ИНОЯЗЫЧНОЙ ЛЕКСИКЕ
НА ОСНОВЕ ЗАКОНОМЕРНОСТЕЙ РАЗВИТИЯ ЗНАЧЕНИЙ СЛОВ
У РЕБЕНКА (НА МАТЕРИАЛЕ ФРАНЦУЗСКОГО ЯЗЫКА)....187
Канд. филол. наук Л.Ю.Веретёнкина (Пенза)
РАБОТА С ГАЗЕТОЙ НА ЗАНЯТИЯХ
ПО РУССКОМУ ЯЗЫКУ КАК ИНОСТРАННОМУ 192
Н.В.Гаврилова (Волжский)
КРИТИКА КАК ВИД ПЕДАГОГИЧЕСКОГО ДИСКУРСА 197
Асп. Ду Яли, докт. филол. н. М.Н.Заметалина, докторант С.Н.Рубина
О ПСИХОЛОГИЧЕСКИХ И ЛИНГВИСТИЧЕСКИХ ПРОБЛЕМАХ ПРИ
ИЗУЧЕНИИ РУССКОГО ЯЗЫКА ИНОСТРАННЫМИ УЧАЩИМИСЯ.198
Т.В.Колюжко (Пенза)
ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ЭЛЕМЕНТОВ САМОСТОЯТЕЛЬНОЙ РАБОТЫ
В ПРОЦЕССЕ ПЕДАГОГИЗАЦИИ ДОСУГОВОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ
ИНОСТРАННЫХ СТУДЕНТОВ
В СФЕРЕ МЕЖКУЛЬТУРНОЙ КОММУНИКАЦИИ 199
А.Л.Минченкова (Балашов)
РАБОТА ПО СОВЕРШЕНСТВОВАНИЮ ГРАМОТНОСТИ УЧАЩИХСЯ
НА УРОКАХ РУССКОГО ЯЗЫКА....200

Канд. пед. наук Г.Н. Можайцева (Балашов)
ПСИХОЛОГО-ПЕДАГОГИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ ФОРМИРОВАНИЯ ТВОРЧЕСКОЙ ЛИЧНОСТИ СТУДЕНТА-ФИЛОЛОГА 201
Канд. пед. наук В.А.Отришко (Балашов)
ТЕКСТ – ОСНОВНАЯ ЕДИНИЦА ОБУЧЕНИЯ И РАЗВИТИЯ ШКОЛЬНИКОВ 202
Канд. пед. наук С.С.Пашковская (Пенза)
ЧТО ОБЩЕГО МЕЖДУ ПЕНЗОЙ И «МЕРСЕДЕСОМ-БЕНЦ»? (ФОНЕТИЧЕСКИЙ ЭТЮД) 204
Докт. филол. наук А.В.Пузырёв (Пенза)
ПЕДАГОГИЧЕСКИЕ И МЕТОДИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ УНИВЕРСАЛЬНОЙ СХЕМЫ НАУЧНОГО ИССЛЕДОВАНИЯ В ПРАКТИКЕ ПРЕПОДАВАНИЯ СОВРЕМЕННОГО РУССКОГО ЯЗЫКА 205
Канд. пед. наук Т.В.Стрыгина (Пенза)
ПУТЬ В «СФЕРУ МЫСЛИ» 211
Докт. пед. наук О.В.Филиппова (Саранск)
КОММУНИКАТИВНАЯ ЛИЧНОСТЬ УЧИТЕЛЯ-БИЛИНГВА: МЕТОДИЧЕСКИЙ АСПЕКТ 212
ОГЛАВЛЕНИЕ 218

Российская Академия наук
Институт языкознания

Пензенский государственный педагогический университет
им. В.Г.Белинского

Пензенский институт повышения квалификации
и переподготовки работников образования

Администрация г. Пензы

Язык и мышление:
Психологический и лингвистический аспекты

5-я Всероссийская
научная конференция

(Пенза, 11-14 мая 2005 г.)

Материалы

Ответственный редактор	А.В.Пузырев
Электронный набор	А.В.Владимиров
Компьютерная верстка	А.В.Владимиров
Редактор	Л.И.Дорошина

План университета 2005 (поз. 40) ЛР № 020490

Сдано в набор	1.04.2005	Подписано к печати	24.04.2005
Формат	60 X 84 1/16	Бумага писчая	
Уч.-изд. л.	15.2	Усл. печ. л.	14.1
Печать офсетная		Тираж 150 экз.	
Цена	С. 58	Заказ № 90/05	

Издательство ПГПУ им. В.Г.Белинского: 440011, г. Пенза, ул. Лермонтова, 37, корп. 5, комн. 466

Отпечатано с готового оригинал-макета в типографии «Копи-Ризо»